

Капризы и странности судьбы

ОЛЕГ РОЙ

Не оставляй меня,
любимый!

Annotation

Сергей Аникеев казался избранником судьбы – созданная им социальная сеть «Мы» завоевала огромную популярность, принесла создателю славу и деньги, а еще он встретил большую любовь. Но не зря говорят, что судьба одной рукой дает, а другой отнимает: Карина, невеста Сергея, сообщила, что больна раком. Отныне ее блог, получивший название «Не оставляй меня, любимый», посвящен борьбе со смертельной болезнью. Миллионы пользователей поддерживают Карину, но между ней и женихом словно пробежала черная кошка, да и у него внезапно начались проблемы с бизнесом...

- [Олег Рой](#)
 -
 -
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть 4](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
 - [Часть 5](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Олег Рой

Не оставляй меня, любимый!

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

© Резепкин О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Меняется мода, преобразаются предметы, которыми мы окружаем себя, но не изменяется человеческая природа.

Когда-то давно образованные люди вели дневники. Затем возросший темп жизни, казалось, поставил крест на этом интересном, но отнимающем время и требующем умиротворения и спокойствия занятии. Но, вероятно, потребность в нем слишком глубоко «прошита» в человеческой природе – с появлением социальных сетей и мобильных гаджетов дневники внезапно воскресли в виде блогов.

И, по-моему, это хорошо. Такой дневник-блог позволяет в любую минуту заглянуть в свое прошлое, встретиться с самим собой, таким, каким ты был несколько лет назад... Ужаснуться своей наивности, улыбнуться чистоте и незамутненности, с какими ты воспринимал мир не так давно, почувствовать сладко-томящее чувство ностальгии, легкую грусть от допущенных ошибок и облегчение от того, что все выпавшие на твою долю испытания уже позади. Пофантазировать о машине времени, чтобы вернуться в прошлое и шепнуть самому себе: этому не верь, а вот к той девочке присмотрись. Ну, и про колебания курса за истекший период, чтобы на этом немного поднять презренного металла.

Вздохнуть еще раз – и закрыть страницы, которые с годами не пожелтеют и никогда не исчезнут, разве что какой-нибудь глобальный блэкаут уничтожит все зеркала, сохраняющие архивы ресурса, на котором открыт твой интернет-дневник.

Иногда я хочу удалить этот блог, но что-то меня все время останавливает. Словно я собираюсь уничтожить часть своей личности. А если я это сделаю – останусь ли я прежним? И не изменится ли от этого вся моя жизнь? Вроде бы странные вопросы для того, кто о соцсетях знает намного больше всех остальных, за исключением корифеев вроде

Цукерберга.

И тем не менее я всякий раз останавливаюсь, а затем просто закрываю страницу и выхожу. Не сегодня. Может быть, когда-нибудь, а может, и никогда.

А иногда я просто перечитываю то, что писал, кажется, целую жизнь назад. Целую жизнь... а еще и трех лет не прошло с того момента, когда я сделал этот пост. Запись, с которой началась история, достойная того, чтобы на ее основе написать роман.

Жаль, что я не писатель. Я простой программист. Может, конечно, не совсем простой, не каждый способен создать в одиночку социальную сеть, которая медленно, но верно выдавливает конкурентов с рынка.

И все-таки моя история – не роман, не вымысел. Шрамы от нее еще долго будут болеть в моей душе, возвращаясь кошмарами и внезапными паническими атаками. И именно в эти моменты я вновь открываю блог с целью убедиться – все уже закончилось. Что пережитый мной кошмар никогда не вернется, по крайней мере, наяву.

Хотя не раз придет ко мне в снах.

А началась эта история вот с такой записи:

Сергей Аникеев.

14 августа 21:08

У вас бывает déjà vu?

А у меня, как оказалось, бывает.

Забежал сегодня в кафе на первом этаже своего офисного центра, кофе перехватить и пожевать чего-нибудь. Погодка в Москве скорее сентябрьская, чем августовская – с утра дождь моросит, небо в серых тучах, словно город накрыт старым ватником. Что-то я последнее время стал много внимания уделять погоде. Старею, видеть;

Так вот, забегаю, значит, в кафешку, не в ту, что обычно, а в стекляшку с видом на автостоянку. Моя сегодня закрыта с утра, у них там что-то на щите коротнуло, сидят без света и без холодильников. Подумать только, а ведь у меня в корпусе – офис мелкомягких и три эм^[1]. А что-то постоянно ломается – то лифт, то вентиляция, то освещение в коридорах пропадет. «Говорил я тебе – место проклятое»: D.

Короче, забежал в стекляшку, ничего, думаю, один раз – не Леголас. Хотя фастфуды я не люблю, а гламурные так и вообще. В стекляшке постоянно очередь, поскольку мой корпус – вообще проходной двор, и все, кто туда-сюда шастает, заруливают на кофешку именно туда. Вот и сейчас, гляжу, очередь стоит, не так чтобы очень, но человек шесть. Пара местных хипстеров, солидный дядя в хорошем костюме, девочка из лавки на первом, где продается всякая сувенирная хренотень (кажется, Лиза, я был с ней немного знаком), и Она.

Небольшое лирическое отступление: наверно, период влюбленности в актрис наблюдался у всех? Не в таких, как Саша Грей, я имею в виду, в нормальных. Я не исключение, я вообще никогда не был исключением из правил. Если вы хотите узнать, как выглядит среднестатистический москвич между двадцатью пятью и тридцатью пятью, можете смело посмотреть на меня. Так вот я в раннепубертатном возрасте имел счастье, или наоборот, посмотреть телесериал... запаматовал, там про мужика и его дочь, которая оказывается дочкой, на секундочку, Белоснежки. Или, наоборот, злой мачехи – я уж и не упомню. Там еще был прикольный волк, который ни разу не волк, и играл тот чувак, который в «Бегущем по лезвию».

Так вот главная героиня, которая дочь то ли мачехи, то ли наоборот, меня, как выражались в прошлом веке, сразила прямо в сердце. Я бредил ею и даже купил журнал «Кул герл» с ее постером, который (постер в смысле, а не журнал) повесил на стенку рядом с постером из «Терминатора». Вот.

Потом, понятно, я об этой девочке и думать забыл: приходит время, и киношные красавицы проигрывают пусть и не таким привлекательным, но куда более доступным девочкам из реала. Плюс как раз тогда я увлекся программированием, поскольку хотел научиться писать моды^[2] для любимых игр. С модами как-то не сложилось, несколько я создал, но так и не поиграл толком – программирование внезапно оказалось интереснее. Вот, говорят, от компьютерных игр никакой пользы, кроме вреда. Ха-ха, три раза: да не будь этих игр, стал бы я тем, кем стал?

Я оканчивал школу, начал понемногу калымить прогерством, готовился к поступлению в профильный ВУЗ, в общем, как говорится, на быстром марше не до баб (с), тем более не до тех, что на экране. Потом были армия (в институт с первого раза я не поступил), учеба, экзамены, сессии, и светлый образ заокеанской звезды потускнел до полной неразличимости, как вдруг на Белорусском вокзале я столкнулся с той самой актрисой! Точнее, конечно, не с ней самой, но с девочкой, настолько на нее похожей, что у меня челюсть на пол повалилась, как в мультиках «Уорнер Бразерс». Шел самый разгар нулевых, и на вокзале стоять разинув рот являлось небезопасным занятием. Впрочем, я тогда был гол как сокол и даже стрелял курить, а вот у нее имелось что тырить, и пока она чего-то там смотрела на табло, какой-то вертлявый цыганчонок выхватил у нее прям из-под мышки сумку-крохотулю, как я потом узнал, именуемую «клатч».

В то время от цыган в оживленных местах столицы вроде вокзалов или рынков проходу не было. Куда они потом делись, я понятия не имею и не сильно интересуюсь. Так вот мелкий шкет из народа, давшего миру Сличенко и Валентира, выхватил сумочку из-под мышки моей сказочной красавицы и рванул прямо ко мне, поскольку я как раз находился у выхода из зала. Что в таких случаях делают, я с детства знал и, как бы ненароком, выставил ногу, о которую этот товарищ благополучно споткнулся, кубарем покотившись в выход и, к счастью, уронив клатч.

Девушка бросилась ко мне... конечно, не ко мне, к своей сумочке.

Но она прекрасно видела, кому была обязана спасением своего имущества. Скажите честно, мужики-подписчики: кто из нас не мечтал о таком стечении обстоятельств? Думаю, не ошибусь, если скажу, что с подобного сценария начинается половина романтических и эротических фантазий мужской половины человечества.

И что сделал я?

Пока моя волшебная принцесса ловила на скользком полу китайский клатчик из кожи розового пластикового поросенка, я потихоньку улизнул! Кто сказал «чудак»? Поверьте, я себя после этого называл еще покруче. Да, я об этом жалел, жалел примерно полгода без выходных и еще года два время от времени. Но...

У меня на тот момент не было вообще ничего. Ни денег, ни собственного жилья. Я снимал койку в комнате трехкомнатной квартиры в Балашихе, где, кроме меня, жили сильно пьющий на почве грядущего развода мужик – мой тезка – и гость из далекого Ташкента, работавший дворником в нескольких домах. Допустим на секундочку, что эта девушка оценила мой поступок так, как мы это представляем, и что дальше? Я даже в кино ее сводить не мог, потому что не было денег на билет, и тем более не мог пригласить ее к себе, поскольку мое «себе» ограничивалось койкой да тумбочкой. Ах-ах...

Вот считайте меня после этого кем хотите, а расклад для меня тогда был именно вот такой.

Скажете, ну при чем тут эта баянистая cool story? А при том, что в этой самой очереди я внезапно вижу ее, мою принцессу из сказки. Придержав челюсть от неминуемого падения, я подумал: черт возьми! Один раз, конечно, можно лохануться, но два раза на одни и те же грабли наступают только полные дауны. В конце концов, мне уже не двадцать и даже не двадцать пять, чтобы робеть. Короче, собрался я с духом, подошел к ней и сказал:

– Здравсьте. А вы меня совсем не помните?

Она окинула меня взглядом... у нее стал совсем другой взгляд. Тогда она смотрела вокруг как ребенок, которому все интересно, все кажется чудом. Сейчас в ее взгляде сквозил неприятный холодок:

– Нет, а должна?

– Мы с вами как-то виделись, – сказал я, чувствуя предательскую робость. – На вокзале. Белорусском.

– Не знакомлюсь на вокзалах, – отрезала она, глядя на меня как прославленный режиссер на столовскую курицу, поданную ему к завтраку. – И вообще, предпочитаю летать на самолетах. Поезда – для лузеров.

Признаться, эта сентенция меня покорила: я как раз люблю поезда. Если не за океан, а по нашему материку, я поезд однозначно предпочту самолету. Понимаю, на вкус и цвет фломастеры разные, но по мне поезд романтичнее. В самолете большую часть полета видишь облака, и то если повезет и окажешься у окна. Не спорю, в облаках есть своя прелесть, но я предпочитаю смотреть на них снизу.

А еще – люблю смотреть на проносящиеся за окном перелески и речушки, на незнакомые маленькие города и заполненные товарняками железнодорожные узлы, на простор полей и вздымающиеся по сторонам от железной дороги стройные ряды деревьев, когда поезд мчится через

лес.

– Ну как же, – уперся я. – Это точно были вы. У вас еще цыганчонок клатчик спер.

Она поджала губы. Вы никогда не замечали, что какая-то гримаса порой может напрочь разрушить очарование даже самого прекрасного лица?

– Я не из тех, у кого можно вот так вот запросто вырвать сумочку, – ответила она чуть ли не презрительно. – Вы наверняка путаете меня с кем-то.

– Ни с кем я вас не путаю! – возразил я. – Вы – единственная в своем роде, как я могу вас с кем-то путать?

– ...и на дешевую лесть, кстати, я тоже не ведусь, – добавила она, отворачиваясь. – Можете и не пытаться. А сейчас попрошу мне больше не надоедать. Я пришла сюда отдохнуть, а не выслушивать чьи-то влажные фантазии. Милочка, а сделайте мне американо, пожалуйста.

Последнее было адресовано уже не мне. Что мне оставалось делать? Я сделал вид, что изучаю витрину, пока она не отошла со своим американо, а потом просто проводил ее взглядом.

Мечта... вот только эта мечта была отделена от меня стеной холодного презрения и полнейшего непонимания. Каюсь, у меня появлялась мысль сказать ей, кто я, но...

Нет. Почему-то мне кажется это аморальным. С другой стороны, смотреть, как от тебя (второй раз!) ускользает твоя мечта, тоже не самое радостное занятие.

Лайков: 305

Комментариев: 91.

Часть 1

Ветра надежд

Глава 1

Золушка

Если бы я был британским ученым, я, наверно, изучал бы влияние плюшевых игрушек на формирование характера детей. Наверняка ведь оно есть! По крайней мере, в моем случае определено. Моей первой игрушкой был печальный ослик Иа из диснеевского мультлика. А может, и из нашего, ведь Иа – единственный персонаж, абсолютно идентичный в обеих экранизациях.

В возрасте трех лет я понял, что сплю с телезвездой. Естественно, обе версии приключений моего приятеля стали моими личными бестселлерами, а видеокассеты с ними я засмотрел практически до дыр. Но, думаю, влияние ослика на меня началось еще до того.

Кстати, ослов зря считают глупыми. Как для копытных, они вполне умны. За «ослиную глупость» принимают нежелание исполнять команды, которые не нравятся. Вот и посудите сами, глупость это или нет.

Признаюсь честно – у меня много общего с ослом вообще и с Иа в частности. Во-первых, я чертовски упрям. Если я чем-то занимаюсь, вокруг меня можно смело начинать маленькую войну, я вам не помешаю, и вы мне не мешаете. Во-вторых, я слегка тугодум и не сразу понимаю, но когда понимаю – то понимаю лучше других. В-третьих, я практически пессимист, хотя считаю себя реалистом. Тем не менее законы Паркинсона я знаю наизусть, поскольку уверен, что они срабатывают практически всегда. И, наконец, я не особо общителен, больше интроверт, за что регулярно критикуем теми немногочисленными близкими мне людьми, которые у меня есть. Ах да, и я часто вздыхаю. Но, в отличие от моего персонального маскота, если Сергей Аникеев вздыхает – значит, он признал наличие проблемы и приступает к тому, чтобы эту проблему устранить на практике. А уж если приступил, то наверняка найдется решение и этой проблемы.

Если вы, читая эти строки, нарисовали себе портрет мрачного, неулыбчивого мизантропа-затворника, быстро зарисуйте его до состояния черного квадрата. Я не такой. У меня есть друзья, причем многих из них я знаю с тех дней, когда нашей одеждой были короткие штанишки. У меня никогда не было проблем с женским полом, хоть и донжуаном меня не назовешь. Да и общаюсь я довольно легко. Ну, и, наконец, я создал «Мы».

В тот день на границе августа и сентября я посетил международную выставку «Медиапрорыв» в ВВЦ в Москве. Заходя в павильон, я заметно

нервничал. Но вовсе не потому, что был на выставке впервые. Отнюдь, думаю, что молодому человеку, работающему в айти-сфере, посещать подобные выставки сам Бог велел. И даже не потому, что там я запросто мог встретить таких признанных корифеев, как Касперский, Лебедев и даже Цукерберг...

Хотя вот с Дуровым мне бы встречаться не хотелось. К счастью, он на форуме не присутствовал. И я даже догадываюсь почему.

Откровенно говоря, я очень надеялся, что мое появление на выставке пройдет незамеченным. Моя внешность тому способствовала. Вы представляете себе среднестатистического русского юношу? Я его каждый день в зеркале вижу, когда бреюсь. Обыкновенный русский человек, каких у нас в Союзе миллионы. С другой стороны, тот же Марк простой еврейский мальчик из Америки. Но Марк уже примелькался, а я только начинал. И как раз именно поэтому не привык к тому, что к моей скромной персоне может быть проявлено столько внимания, но...

«Меня поймали тут же, в зоосаде» – не успел я пройти сквозь привычно пищащую от каждого посетителя рамку металлодетектора, как на меня набросилась целая банда, вооруженная, к счастью, исключительно изделиями почтенного японца Никона и его завсегдашнего конкурента, блюдущего Канон^[3]. Однако блеск вспышек меня ненадолго выбил из колеи, потому на внезапные вопросы я не отвечал, а только смотрел на окружавших меня людей как баран на новые ворота. Говорю же, я тугодоходящий.

Самое забавное, на какой-то миг мне показалось, что среди ошкетинившейся объективами толпы я увидел печальное лицо моей Снежной королевы. Но видение исчезло так же быстро, как появилось, и мне осталось только стоять и по-дурацки хлопать глазами, игнорируя сыплющиеся на меня со всех сторон вопросы.

К счастью, как раз в этот момент осаду прорвали, и сделал это именно тот человек, который мне был нужен. Артем Викторович, директор юридического департамента и один из соучредителей девелоперской компании «БИК лимитед», был моим штатным ангелом-хранителем и партнером моего проекта.

– Дамы, господа, ну что же это такое? – сказал он, подходя ко мне. – Для чего, спрашивается, мы арендовали конференц-зал? Для того, чтобы вы кругом-бегом смущали своими вопросами гениального молодого программиста? Если у вас есть что спросить – милости просим на пресс-конференцию, которая состоится через полчаса, зал номер восемь. Мы с радостью удовлетворим ваше любопытство. Скажи, Серега?

Я кивнул.

– Вот, а если кто из вас не успел оформить аккредитацию на это мероприятие, еще не поздно, между прочим. В любом случае, мой компаньон не станет отвечать на ваши вопросы в неподобающей обстановке, *comprende-moi*?

Журналисты, недовольно ворча, как дворовые собаки, которых от сахарной кости метлой отогнал дюжий дворник, стали расходиться. Не обращая больше на них никакого внимания, Артем Викторович потащил меня за собой. Перед пресс-конференцией нам еще предстояли важные переговоры.

С Артемом Викторовичем я познакомился всего год назад, на такой же выставке. Боже, как много может измениться за несчастный год! Я всю сознательную жизнь мечтал заниматься искусственным интеллектом, но...

Дух бодр, плоть же немощна; не имея в кармане лишней копейки, воплощать в жизнь свою мечту не то чтобы совсем невозможно, но, скажем, тяжело. И все-таки я не падал духом. И на выставку пришел не с пустыми руками. Я разработал некий программный продукт и хотел его продать тем же Дурову или Цукербергу. Я был уверен, что моя разработка их заинтересует. Но ни того, ни другого я так и не встретил, а встретил Артема Викторовича. Я стоял у контактового стенда, очень презентабельного и столь же неинформативного, и даже не сразу заметил его появление.

– На одни и те же вещи разные люди смотрят по-разному, – сказал он. – Когда вы видите обнаженную девушку, вы видите нечто сексуально привлекательное, тогда как дерматолог заметит у нее проблемы с кожей, а ортопед – плохую осанку.

Я промолчал, поскольку опасаясь фриков, каковым тогда мне показался Артем Викторович, и тогда он спросил меня:

– Интересуетесь социальными сетями?

– В наше время ими интересуется каждый второй, – пожал плечами я. – Не считая всех остальных.

Мужчина улыбнулся:

– Не так, как вы. Чутье мне подсказывает, что вы знаете о соцсетях гораздо больше других. Вы смотрите на стенд так, как Нео на Матрицу.

– Нулей и единиц, падающих с потолка, я пока не вижу, – сказал я. – И вы не похожи на агента Смиа.

– Ну что вы, – ответил он. – В данном случае я скорее Морфеус. Хочу показать вам, как глубока кроличья нора.

Тут его зрачки сузились, как у человека, глядящего в прицел, и он

спросил:

– С чем вы пришли на выставку?

– С товаром, – ответил я, подумав, что он странное, архаичное слово употребил для подобного мероприятия. – Да только покупателей не видно. А у меня нет возможности ни арендовать стенд, ни дать рекламу.

Он кивнул:

– Может, и не придется. Есть свободные полчаса?

Так я познакомился с компанией «БИК лимитед». В переговорной нас было трое: я, мой новый знакомый и его коллега – обладатель седой не по годам шевелюры и странного имени Феофан. Насколько я понял, третий являлся железячником и программистом в одном флаконе; судя по возрасту, он застал еще время Фидо, если не раньше, но при этом был вполне себе копенгаген в новинках программного обеспечения. Да что там – он был настоящий дока. Ему хватило минуты для того, чтобы оценить мою программу. Потом он сказал:

– Это будет революция, Тёма. Век воли не видать.

Артем Викторович кивнул. Потом они вдвоем дружно уставились на меня. Наконец мой новый знакомый сказал:

– Мы – девелоперы; мы инвестируем средства в перспективное программное обеспечение. В вашем случае мы пойдем еще дальше: мы полностью профинансируем весь проект за долю в созданной компании. Регистрацию и все прочее берем на себя. Также оплачиваем все необходимое – аренду серверных мощностей, передающего и канального оборудования, рекламу. За это мы берем сорок девять процентов акций новой компании.

– А что вкладываю я? – спросил я.

Артем Викторович снисходительно улыбнулся.

– Ваше программное обеспечение, – ответил Артем Викторович. – И сопровождение проекта.

Я пожал плечами:

– И в чем подвох?

– Ни в чем, – ответил Артем Викторович. – То, что мы вам предлагаем, называется «сотрудничество».

Я покачал головой:

– Заманчивое, конечно, предложение. Но пока травка подрастет, лошадка с голоду помрет.

И тут заговорил дотоле больше молчавший Феофан. Говорил он тихо, но уверенно:

– Я прекрасно понимаю ваши сомнения, Сергей. Вы один, а мы –

компания с юридическим отделом. Вы рискуете. Но мы тоже рискуем, инвестируя в ваш продукт. Если вы скажете нам «нет», скорее всего, до вечера вы уже продадите свою программу. За меньшие деньги, чем она стоит, и намного меньшие, чем те, что она может вам принести. Зато кэшем.

Но еще со времен Винни Пуха известно, что деньги – хитрый предмет, сейчас они есть, а через полчаса нет. И вам придется опять создавать что-то... но вряд ли получится что-то столь же прорывное, хотя тут я могу и ошибаться. Бестол... – Артем Викторович странно посмотрел на своего коллегу, и тот, кашлянув, продолжил: – Голова у вас хорошо работает. Однако у вас есть шанс – не продавать корову на мясо, а доить ее самостоятельно.

– Да я понимаю, – сказал я. – Просто...

– Вам стрёмно? – улыбнулся Феофан. – Сергей, я начинал в девяностых. Вы слышали, как тогда вели бизнес? Про утюги, паяльники и выезды на пленэр в багажнике автомобиля? Вы об этом только слышали. Я все это пережил.

– Это оттого вы такой седой? – неожиданно, прежде всего для самого себя, осмелев, спросил я.

Феофан улыбнулся:

– Да. Но нет. Когда-нибудь я могу рассказать вам эту историю – если, конечно, сработаемся. Так вот, Сергей, в тысяча девятьсот девяносто втором я был таким же, как вы. И как у вас, у меня за спиной никого не было...

– А я? – удивился Артем Викторович.

– С тобой мы не сразу познакомились, – ответил Феофан. – До этого еще много чего было. В общем, знаю я очень хорошо, что такое «стоять одному среди червивых стен». Потому кидать вас не стану.

Артем Викторович задумчиво кивнул. Я посмотрел в глаза Феофану и...

Меня нельзя назвать доверчивым человеком, но ему я поверил. И не прогадал, как оказалось.

– Эх, – вздохнул я. – А я-то рассчитывал немного денег срубить... Придется опять пахать с ветром в карманах.

– С чего это вы взяли? – подмигнул мне Феофан. – Мы, как никто, понимаем, что художник ни в коем случае не должен быть голодным. Голодного художника кисть не слушает. У вас карта сберовская есть?

– Только «Альфа», – покачал головой я.

– У меня ненужный «Тинькофф» заваялся, – сказал Артем

Викторович. – На нем и мелочь какая-то есть, тысяч тридцать, что ли.

Я судорожно сглотнул. Тридцать тысяч по тем временам для меня было целым состоянием!

Если бы мне кто-то сказал, что через полгода я стану долларовым миллионером, я, пожалуй, только нервно рассмеялся бы.

Сергей Аникеев.

29 августа 22:21

Не будет никакой продажи! Вот это номер, товарищи. «БИК» решили, что наши акции и без того высоко котируются, от такого актива избавляться, мол, грех. По их сведениям, аналитики говорят, что они (акции то бишь) еще в самом начале подъема. Говоря попросту, я богатею, «БИК» богатеет, те спекулянты, которые купили наши акции на ИПО^[4], богатеют, в общем, все богатеют и будут еще долго богатеть. Ура.

Откровенно говоря, совершенно не чувствую, чтобы что-то во мне поменялось. Да, теперь у меня нет проблем с деньгами, и езжу я на такси, а не в автобусе, хотя метро пользуюсь, в Москве на метро быстрее получается, чем на такси. А так все по-прежнему. Даже странно становится. Мне всегда казалось, что миллионеры живут как-то совсем по-другому.

С Марком мы все-таки встретились, он дуется, но понимает, что в таких условиях никто ему пакет не продаст. Все-таки он сам бизнесмен, ничего удивительного, just business. Потом была та самая пресс-конференция. Завтра еще одна, не все желающие могли попасть на первую. Тьфу, опять объяснять им одно и то же.

Хотя, с другой стороны, я уже как бы привык. Шпарю как по писаному. Честно говоря, а чего там такого? Все равно «Мы» со всеми ее потрохами, именуемыми know how, существует в моей голове. Я – властелин этой Сети! Я создал ее, и только мне известны все ее секреты. Трепещите, жалкие юзеры! (Это была шутка, ха-ха, три раза.)

Я, собственно, и конфу так веду, с шуточками и красивыми образными сравнениями. Мне говорят, что у меня это получается заочно, а я, если честно, шучу и распинаясь от робости. Все-таки страшно, когда из зала на тебя пялятся сто сорок девять любопытных глаз (с).

Но вот сегодня я едва не сфейлил. Да и кто бы тут не сфейлил? Короче, только я в раж вошел, распинаясь про особенности шифрования информации, благодаря чему мою соцсеть не взломаешь – даже если сервера физически уничтожить, я матрицу просто в другое место переносу, а она, потому что на вашем устройстве лежит, всю вашу личную инфу восстановит, ну, я уже рассказывал... так вот, вещаю я об этом, во вкус вошел, уже зал взглядом окидываю: как всегда – кто на меня пырится, кто в свой гаджет. И тут, как в песне поется, мое сердце а-а-а-астановилось, мое сердце замерло – в третьем ряду сзади, у самого прохода сидит **она**.

Мне даже глаза протереть захотелось или ущипнуть себя. К счастью, она как раз на меня не смотрела, что-то в своем самсунге делала. Я чуть не забыл, о чем говорил, но вспомнил и продолжил почти без заминки. В ее сторону старался не смотреть, но легко сказать – не смотреть, нет-нет да и брошу косяк. Заметил, что и она на меня поглядывает, да еще и заинтересованно, как мне показалось, но виду тоже не подает, как и я.

А я еще, как чувствовал, с утра оделся в то же, что и тогда, ну, то есть как обычно – толстовку с медведем, черные джинсы да кроссовки. Помню, когда я первый раз на конфу поперся, оделся как цивил, даже галстук повязал. Ох и прикалывали ж меня биковцы потом этим галстуком! Ну, их правда: удавка мне идет как нудисту манишка.

Так вот, думаю, не узнать она меня не могла. А еще в начале конфы ведущий меня расписал так, типа я почти Джобс и Гейтс в одной фляжке – соединить, но не перемешивать. И знаете, я тогда почувствовал такое мелочное, гаденькое удовольствие – вот, мол, зацени, подруга, кого ты отшила.

Честно, мне за это стыдно. И, должно быть, есть в мире такая штука, как карма. Почему? Потому, что я очень хотел ее после конфы поймать, да не тут-то было – пока мы с Артемом Викторовичем расшаркивались перед какими-то ну о-о-очень полезными дядями из рекламного бизнеса и не только, от моей Снежной королевы остались только воспоминания. Я даже по выставке пробежался, и вид у меня при этом, должно быть, был как у фифы, потерявшей подаренный папиком вертю с бриллиантами. В общем, итог моих поисков оказался примерно такой же. Отсюда вывод – если судьба дает тебе вертю с брюликами, не щелкай клювом. Да и вообще, это, как говорят у нас на Олимпе, контрпродуктивное занятие.

Так что моя Снежная королева переименована в Золушку на лабутенах, теперь официально. Правда, из меня принц как из синтепона пуля. Хотя...

В наше время в цене не белый конь, а белый «Ламборджини». А «Ламборджини» я могу себе позволить. Только прав у меня нет, ну да это дело наживное.

Главное, чтобы Золушка далеко не убежала.

* * *

Циничные люди говорят, что любовь придумали мужчины, чтобы не платить за секс.

Я не люблю циников. Конечно, циничному человеку легче жить. Для него все просто и элементарно, но в жизни это совсем не так.

Например, тот же секс в наше время стал доступнее выпивки. Никаких проблем – можно отправиться вечером на те же Патриаршие пруды и гарантированно найти себе кого-то на ночь. Причем на следующий день

даже не помнить имени человека, с которым провел ночь, как правило, потому, что тебе его не называли.

Казалось бы, зачем любить, зачем страдать, пойду поем и лягу спать. Но потребность любить, скорее всего, прошита в человеческом биосе^[5], причем так глубоко, что никакое перепрограммирование не помогает.

В восемнадцать лет все мы влюбляемся, и неоднократно. Как правило, эти «влюбленности» – не более чем физиологическое влечение. Они быстро насыщают и стремительно разочаровывают. После короткого или не очень периода влюбчивости человек, как правило, начинает вообще отрицать романтику как таковую, сводя все к чистой физиологии. В наше время его в этом разочаровании укрепляет вся медиасфера.

Но приходит момент, когда ты – нет, не понимаешь, чувствуешь, что тебе нужен кто-то, чтобы не испытывать болезненного, ноющего, как флюс, одиночества. И когда это чувство фоном поселяется в душе, через какое-то время ты начинаешь, подчас даже сам того не осознавая, искать. Искать кого-то, кто погасит в душе эту тоску. С кем хочется просыпаться по утрам и встречаться на кухне после долгого рабочего дня.

Все мы хотим любви. Не отношений на одну ночь, а именно любви. Не просто сексуального партнера, а человека, который тебя понимает, с кем банально есть о чем поговорить и в особенности есть о чем помолчать. С кем интересно куда-то выбраться и столь же интересно в холодный зимний вечер сидеть, укутавшись в одеяло у телевизора, и пить чай.

Странно... не знаю, как другие, но я никогда не выбирал книгу по обложке. Или ноутбук по цвету корпуса. Но и ноутбук, и книга – только вещи. Почему же в отношениях с людьми зачастую внешность играет первостепенную роль? Почему мы выбираем не тех, с кем нам хорошо, а тех, кто больше привлекателен физически? И я в этом вопросе вовсе не исключение, увы, увы.

Смешно сказать, и прозвучит это наверняка старомодно, но я грезил своей Золушкой с того момента, как потерял ее после пресс-конференции. Я даже попросил Артема Викторовича разузнать о ней. К сожалению, аккредитованные на пресс-конференции журналисты занимали места по принципу «кто успел, тот и сел», что затрудняло поиски моей знакомой незнакомки. Более того, две трети присутствующих относились к прекрасному полу. В конце концов Артем Викторович признал, что поиски не увенчались успехом, и я отправился домой. Представьте себе, я даже оглядывался по дороге. Вечером Артем Викторович переслал мне несколько фото и видео с конференции, но сняли их с такого восхитительного ракурса, что моей Золушки на них не было видно. Лишь

на одном снимке, как мне показалось, я различил ее макушку, но не искать же человека по макушке! Я запросил у Артема Викторовича полный список аккредитованных журналистов и лег спать.

Мне приснился странный сон: я во сне подошел к большому старинному зеркалу в тяжелой раме, но вместо моего отражения там была беглянка. Она окинула меня холодным взглядом и развернулась, чтобы уходить. Я в отчаянии крикнул ей вслед:

– Куда ты? Где мне тебя искать?

Она обернулась. Мне показалось, что ее глаза и губы изменили цвет, стали светлее, словно на них упал луч невидимого мне солнца.

– В зеркалах, – сказала она. – Ищи меня в зеркалах.

И отвернулась, но я не отступал:

– Как тебя зовут?

Она, не оборачиваясь, ответила, но я расслышал лишь «... ина».

Проснувшись, я отправился в душ, размышляя о давешнем сне. Я компьютерщик, и человеческое сознание воспринимаю через призму компьютерной архитектуры. Мне кажется, что, когда мы спим, мозг производит некую «дефрагментацию диска», вычищает баги, систематизирует информацию – и мы видим сны. Потому во сне можно увидеть, например, решение задачи, над которой бился весь день. Это не мистика – мы замечаем куда больше, чем осознаем.

...ина. Может, у нее на груди был бейджик, часть которого я увидел? Марина, Карина, Ирина, Дарина или даже Инна... сейчас глянем. Вымывшись и заварив себе кофе, я поспешил к списку вчерашних журналистов – и был разочарован. Девушек с этими именами набралось тридцать человек. Стог сена уменьшился, но оставался стогом. Я решил вечером еще посмотреть список и погуглить фамилии – авось и найду свою Золушку. Пока же меня ждали другие дела: наступил второй день симпозиума, и мне опять предстояло давать интервью.

Я заказал такси и вышел из дому. На площадке, закрывая двери, я подумал – а при чем тут зеркала? Может, слово «зеркало» было в названии ее новостного ресурса, и я тоже прочитал его на бейджике? Или это вообще не имеет значения?

Как же я тогда был далек от истины...

Глава 2

На вернисаже как-то раз...

Откровенно говоря, я, несмотря на всю нелепость этого с точки зрения здравого смысла, надеялся, что моя Снежная королева все-таки посетит мою вторую конференцию. Смысла в этом, по рассуждению, не имелось никакого – по сути, на этом выступлении я повторял все то, что уже было сказано ранее. Честно говоря, я порядком устал от этих мероприятий. До недавнего времени я, как и большинство моих коллег по цеху, являлся совершенно непубличной особой. Наше время сформировало целую касту экстравертивных интровертов: в Сети мы общительны, легко сходимся с людьми и столь же легко идем на конфликты. В реальной жизни...

А в реальной жизни современные люди бывают редко. Мы ныряем в нее, чтобы добраться из дома в офис или наоборот, погружаемся ненадолго, посещая магазины, какие-то мероприятия вроде концерта любимой группы и места наподобие Митино или Горбушки. Но даже там мы не теряем связь со своим миром, невидимо сосуществующим бок о бок с реальностью.

В наших руках всегда планшет или смартфон, а если позволяет обстановка – мы разворачиваем ноутбук. Наше тело может сидеть за столиком кафе, на лавочке в парке или на скамейке метро, а душа находится в Сети.

В реальном мире мы как пришельцы, как исследовательская экспедиция. Мы можем улавливать его красоты, замечать то, что достойно внимания, запечатлевать это – но лишь для того, чтобы унести с собой в свой мир, выложив в блог и получив за это кучу лайков от таких же, как мы.

В большом мире нам часто не хватает кислорода. Люди испытывают что-то вроде агорафобии, но не потому, что боятся открытых пространств. Просто подсознательно мы чувствуем себя дискомфортно вне привычной для нас реальной виртуальности и спешим вновь окунуться в нее.

Тем более странно, что я начал замечать у себя пробуждающийся интерес к этому миру. Перед конференцией я вышел покурить... да, я вейпер, можете смело меня презирать! Зато я не травлюсь сам и не причиняю вреда окружающим. Так вот я вышел из павильона на улицу, стал сбоку от дверей, чтобы не мешать проходу, завел примус и, выпустив дым к еще светлому, но уже смутно-закатному небу, внезапно залюбовался аллейкой, ведущей от павильона к выходу.

Меня поразило увиденное; я и забыл, как может быть прекрасна золотая пати́на солнечного света в листве. Каким ласковым бывает ветерок, еще летний, но уже немного пахнувший осенью. Это был вечер позднего лета, но казалось, что утро и лето только начинается. Словно впереди еще так много хорошего. Словно впереди вся жизнь.

Как обманчивы порой бывают чувства! Если верить книгам, человек всегда что-то ощущает перед тем, как случается какое-то потрясение в его жизни. Мне предстояла целая череда таких потрясений, но в тот вечер меня не обуревали никакие мрачные тени, даже наоборот. Я чувствовал себя как именинник накануне дня рождения.

Сейчас мне все это кажется не просто странным, а дивно несправедливым. Но увы – на путях судеб не встречаются ни регулировщики, ни светофоры, ни дорожные знаки.

* * *

На довольно поздней конференции моей беглянки, само собой, не было. Несмотря на это, я то и дело внимательно осматривал зал – а вдруг подойдет? Не подошла. Попрощавшись с Артемом Викторовичем, я неспешно отправился к выходу. Странно, но я чувствовал себя каким-то вымотанным, словно вагоны разгружал, а не сидел в удобном кресле, рассуждая на интересные мне темы.

Перед самым выходом, как раз там, где не так давно на меня налетали журналисты, на меня... налетели журналисты. Какая-то экзальтированная молодящаяся дамочка, очередная жертва солярия и визажиста, стала буквально виться вокруг меня, задавая какие-то нелепые вопросы.

Как я уже сказал, я чувствовал странную усталость. У меня даже болела голова, вернее, не то чтобы болела – скажем, обещала разболеться в ближайшее время. В висках давило. К тому же у дамы был весьма агрессивный парфюм, а у меня слишком чувствительный нос. А может, дело и не в носе как таковом. Я просто не люблю экспрессивных, навязчивых людей. А в этой особе меня раздражало все – и явно искусственный загар оттенка пережаренной куры-гриль, и вышеупомянутый парфюм, и яркая помада, и нарисованные брови.

Знаете, в возрасте как таковом нет ничего плохого, раздражает несоответствие. Школьницы, искусственно добавляющие себе лет кричащим макияжем, и бальзаковские женщины, строящие из себя нимфеток, в равной степени неприятны. Тем не менее таких особей много,

слишком много. Меня удивляет: неужели это действительно кому-то нравится, даже им самим? Ладно еще девочка-вчера-из-за-парты, но взрослая дама...

Но больше бесило даже не это, а вопросы. Совершенно неуместные, на мой взгляд. На такие выставки люди ходят зачем? Для того чтобы профессионально развиваться. Но на эту тему вообще не прозвучало ни одного вопроса. Зато назойливая дива расспрашивала меня: где я живу, где бывал за границей (а нигде, кроме Болгарии, я пока не бывал; не случилась, как выражались в старину, оказия; желание было, конечно, но одному ехать в другую страну, по-моему, скучно, а в Интернете я и дома могу посидеть...), какая у меня машина (опять-таки, никакой пока не обзавелся) и так далее.

– Я вижу, в одежде вы отдаете предпочтение простому, демократичному стилю, как Стивен Джобс, – щебетала, если это можно так назвать, назойливая барышня. – Вероятно, именно он вас вдохновляет...

– На что? – спросил я, остановившись. Нет, определенно в моем характере много ослиного – я уткнулся в закрытую дверь и думал, как же эту дверь обойти.

– Как это «на что»? – удивилась она. – На создание ваших мегапроектов.

Я хотел было сказать ей, что на создание мегапроектов меня раньше вдохновляло голодное урчание собственного желудка, но не успел, потому что внезапно случилось нечто неожиданное и очень необычное.

Сергей Аникеев.

30 августа 23:15

Я должен, я просто обязан сохранить это для потомков!

Короче, сегодня после конфы на меня набросилась дамочка из журнала «Предприимчивый эгоистъ». Я уж расслабился, думал зарулить в мак, заточить пару бургеров с колой – так-то я фастфудом не увлекаюсь, но после этой двухдневки у меня появились такие безумные желания.

Блин, ну вот, спрашивается, зачем я два дня распинался перед публикой? Трудно было, что ли, как нормальные люди, взять аккредитацию и выпросить у меня все, что душе угодно, вплоть до размеров ключа от храма Соломона? Между прочим, темы вопросов на конфе никто не ограничивал. Да, видать, для предприимчивых эгоистов закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так, если так, то либо не предприимчивый, либо не эгоист.

Я, признаться, натурально очешуел. Ну не готов я к такому вниманию прессы! Я вообще в этом смысла не вижу, особенно во всей этой тошнотворной глянцевої мишуре. Но мамзель вцепилась в меня,

как клещ в загривок, и черти его знают, чем бы все закончилось, если бы вдруг на горизонте, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты, не возникла моя Снежная королева.

И моментально кинулась в бой.

– Ух ты, кого я вижу. – Этот голос я узнал бы даже будучи пьяным и при смерти; откуда появилась моя Снежная королева – бог весть, но, кстати, фраза предназначалась не мне, а возникшей у меня на пути помехе в лице назойливой дамочки и ее ассистента. – Ксюшенька, опять опоздала на прессуху, болезная?

– Да что мне там делать? – ответила Ксюшенька. – Сидеть и слушать эту нудню про какие-то протоколы, типа в ментуру замели?

– Ну да, ну да, с ментурой ты у нас знакома не понаслышке, – съязвила Снежная королева.

– Это потому, Логинова, что я – журналист, в отличие от тебя, – парировала Ксюшенька.

Нет, все-таки не подвела меня моментальная память: среди получивших аккредитацию на конференцию присутствовала Карина Логинова, так что теперь я знал имя моей Снежной королевы.

– Эх, сказала бы я, какая из тебя журналистка, – по-кошачьи фыркнула Снежная королева. – А тебе, кстати, не вредно бы было послушать про соцсети, глядишь – и не разлетались бы твои голые фоточки по всему рунету.

– Много ты понимаешь в рекламных ходах! – ответила Ксюшенька.

– М-да, если кроме голой ж... хм, если кроме обнаженной натуры тебе нечем привлечь зрителя, сочувствую. – Металлические нотки в голосе Карины звучали сильнее, чем тогда, когда мы с ней общались первый раз. – К тому же натура твоя того...

– Так, Логинова, ты не зарывайся! – Видно было, что слова Карины зацепили Ксюшеньку. – Выискалась тут, журналистка с интернет-портала «Тринадцать». Милая, тринадцать – это число ваших подписчиков, включая редколлегию!

– Ксюшенька, лучше уж быть топовым автором в чертовой дюжине, чем считаться акулой пера за умение вовремя сложить губки сердечком, – продолжала Карина с оттенком усталой иронии в голосе.

Ее сентенция Ксюшеньку явно задела.

– Ну, Логинова, теперь тебе... – И Ксюшенька, окончательно перейдя с русского на матерный, принялась объяснять моей Карине, что, если она надеется на то, чтобы устроиться куда-нибудь в серьезное издание, пусть бросит это бессмысленное занятие. Уж она-то постарается...

– Постараешься, конечно, – продолжала ёрничать Снежная королева. – Уж ты-то постараешься, по самые гланды, так сказать.

– Вот что, Ксения, – начал было я, чтобы прекратить конфликт. Я честно полагал, что Ксюша – это сокращение от имени Ксения. Оказывается, я ошибся. Ну что же, век живи – век учись.

– Я – Оксана! – возопила журналистка.

И тогда я сказал ей максимально холодным тоном:

– Ксения, простите, не знаю вашего отчества. Кажется, вы хотели взять у меня интервью? Так вот, отвечу на один не заданный вами, но важный для меня вопрос: в людях меня больше всего раздражает

плебейство. Наглое хамство, агрессивность и горлопанистость, не говоря о нетактичности. И все эти качества, достойные базарной марамойки, вы сполна успели мне продемонстрировать. И еще. Для образованного человека гламурное издание вроде вашего мало чем отличается от бульварной газетенки. По сути, вы – усовершенствованная модель завалинки для сплетен. Вы прививаете людям вообще и в частности женщинам очень плохой вкус. Кроме того, как я убедился, ваш журналистский уровень соответствует уровню вашего издания – он никакой, ниже плинтуса. Интервью у меня, например, вы взять не сумели. Какая вы после этого журналистка?

...Как известно, хвост нужен павлину для того, чтобы нарезать понты перед самочками. По той же причине в брачный период многие животные приобретают яркую, небезопасную и демаскирующую окраску. Мужчине так же свойственно завоевывать женщину, как павлину – крутить хвостом перед павлинихой, а соловью выводить трели, и тоже ведь ради привлечения фертильных соловушек. Люди, конечно, не животные, но в некотором отношении ведут себя совершенно похоже.

Присутствие Карины вдохновляло меня. Я чувствовал себя эдаким Джеймсом Бондом, только вместо золотого пистолета у меня значился на вооружении интеллект. Пожалуй, интеллект – это мое самое главное богатство. По крайней мере, в ту минуту я в своем интеллектуальном превосходстве был уверен. Впрочем, интеллектуально превосходить Ксюшеньку получалось так же легко, как побеждать в армрестлинге младенца.

Ксюша-Оксана побледнела, поджала нижнюю губу...

– Ишь ты, какой важный! – заявила она. – Тоже мне, мулионер нашелся, нищеврод в драном свитере! Глянь на себя, быдло, ни кожи, ни рожи, ни одежды! Быстро хапнул – живо растеряешь!

По понятным причинам полностью спич Ксюшеньки я привести здесь не могу. Меня приличные люди, надеюсь, читают.

И тогда я забил последний гвоздь в ее гроб.

– И вот еще что, уважаемая, – сказал я. – Если у вас появится искушение имитировать мое интервью, можете смело ждать повестку в суд. Я прекрасно знаю, чего можно ожидать от таких, как вы, потому предупреждаю сразу – для вашего же блага.

Услышав подобное, Ксюша поспешила ретироваться, а я обернулся к своей Карине. Ее восхищенный взгляд вознаграждал меня за все нервотрепки прошедших суток. Честно сказать, я готов был хоть каждый день участвовать в этих выматывающих конференциях ради подобного взгляда.

* * *

– Спасибо за ваше своевременное вмешательство, – поблагодарил я Карину.

– Ну что вы, не за что, – ответила она, смущаясь. – Не люблю таких,

как Ксюша. Из-за них всю прессу воспринимают как агрессивных и невоспитанных людей. А всему виной – горстка вот таких вот недобросовестных журналистов!

Я покивал и спросил:

– Не желаете ли посидеть где-нибудь, выпить чашечку кофе?

Она тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой:

– Желаю... но не могу. Время позднее уже.

Мое сердце... замерло. Мне пришла страшная мысль – а вдруг у нее есть кто-то? Вообще, и как я раньше не подумал! У столь красивой девочки просто не может не быть молодого человека. Вот проклятье.

– Я снимаю комнату, – продолжала тем временем Карина, – и моя хозяйка категорически против того, чтобы я приходила поздно. К сожалению, снять квартиру мне с моими доходами не по карману, вот и приходится... хорошо, в остальном моя квартирная хозяйка добрая и понимающая, во всем, кроме поздних гулянок. Сама она спать сразу после программы «Время» ложится.

Я откровенно расстроился и даже не сумел этого скрыть:

– Очень жаль... не каждый день встречаешь девушку такую красивую – и столь отважную одновременно.

Похоже, я ее совсем засмущал. Она отвернулась и стала рыться в сумочке:

– Представьте себе, я расстроена этим не меньше вашего. Я-то всего лишь журналистка...

– Сногсшибательно красивая, – заметил я вскользь.

Она отмахнулась:

– Скажете еще. А вот вы – человек известный. Буквально наш, российский Джобс.

– Да какой из меня Джобс, мне б до Цукерберга дотянуться. – Теперь пришла моя очередь отмахиваться.

Тем временем Карина достала из сумочки квадратный кусочек картона, оказавшийся ее визиткой, и протянула мне:

– Вот что, если вам действительно захочется со мной встретиться, позвоните. Я буду рада вас услышать.

Стараясь не выдать своего воодушевления, я взял ее визитку, удивившись, мимоходом, отсутствию на ней привычного мне QR. Странно, никогда не любил тяжелые, пряные запахи, но от этого кусочка картона пахло чем-то таким, восточным, даже чуть горьковатым, как полынный мед. И этот запах мне нравился.

– Обязательно позвоню, – заверил ее я. – Вы еще сомневаетесь?

– Вы про меня завтра и думать забудете, – улыбнулась она. – Может, хоть визитка напомнит.

Знала бы она, что я думаю о ней последние несколько дней подряд! Но об этом я решил ей не говорить. Я ведь тоже не вчера родился и знаю, зачем павлину нужен хвост. Загадочность и скрытность привлекают нас не меньше, чем любой другой афродизиак.

* * *

Сергей Аникеев.

31 августа 00:45

Мне не спится и тянет пофилософствовать.

Думайте что хотите, но в том, что в старые времена именовалось «ухаживанием», а ныне, в соответствии с модой, переименовано английским словом «флирт», есть нечто от бойцовского поединка. И от карточной игры, но не простой, а с «интересом». Казалось бы, любовь – такое мирное чувство, но вокруг него постоянно разворачиваются военные конфликты. Я сейчас не о Троянской войне;)

Не зря говорят: я ее завоевал, я его завоевала. Но если завоевал – значит, был бой, а против кого? Почему добиться любви можно только так, путем сражений, тактических ходов и стремительных операций?

Возвращаясь к павлинам, хвост, распушаемый при ухаживаниях, потом сворачивается в трубочку до лучших времен. Вы замечали, сколько влюбленные врут друг другу? И вроде бы врут из лучших побуждений, а потом эта ложь всплывает на поверхность, отравляя жизнь им и окружающим.

[IMG: картинка-мем «Не надо так»]

Но если мы всегда будем говорить о себе правду, не останемся ли мы навсегда одинокими?

Вы можете сказать, что мне-то точно не о чем беспокоиться. Что такие, как я, попадают в категорию «завидный жених» безо всякого вранья. Но загвоздка в том, что я не всегда был «завидным», еще не так давно я считался самым обычным, проще только простой карандаш. Таких, как я, тысячи. Что же изменилось? Неужели вся завидность имеет только денежное исчисление?

Честно говоря, меня это пугает. Сейчас, когда я лежу в кровати с ноутом, я вспоминаю первую встречу со Снежной королевой... с Кариной.

Она смотрела на меня так, словно я пустое место. Словно назойливое насекомое, от которого не терпится избавиться. И как переменялся ее взгляд в нашу крайнюю встречу! Взгляд порой может сказать намного больше, чем слова. Она смотрела на меня, как кошка на сметану.

Что же изменилось? Неужели только то, что она узнала, кто я? Вернее, сколько у меня денег, поскольку вряд ли ее впечатляет тот

титанический объем работы, что я проделал, чтобы создать «Мы».

Тогда что такое я? Приложение к своему банковскому счету? Я интересен только потому, что меня можно раскрутить на бабло, или все-таки нет?

Сейчас мне уже начинает казаться смешным мое позерство с этой Ксюшей. Надо было просто послать ее коротко и по делу. Вместо этого – распушил хвост, павлин, сразу видно, неопытный в общении человек. Осел, одним словом.

Но вот что я вам скажу: если вы думаете, что после всего сказанного я сдам назад – перечитайте мою предыдущую фразу! Можете считать меня ослом, но я должен понять ее, понять, что же движет ею, есть ли у нее какой-то иной интерес, кроме меркантильного, а может, я вообще ошибаюсь в ее отношении.

Меня смущают в ней некоторые моменты. Она ведет себя совсем не так, как ведут себя алчные охотницы на папиков. Определенно не так. Хотя и тут я могу заблуждаться. Сам я перешел в категорию папиков без году неделя, и то формально, а фактически – я все тот же Серёга Аникеев, перекасти-поле, айтишник-фрилансер, которому повезло.

А потому опыта общения с акулами у меня пока нет, не приобрел. Но я сторонник набивания шишек самостоятельно. Не лучший, конечно, подход, но когда на грабли наступаешь, подготовившись, хоть какой-то шанс увернуться еще есть.

А главное – не наступать на одни и те же грабли дважды. Но, повторяю, я не успокоюсь дотоле, пока не разгадаю тайну Снежной королевы. В конце концов, не укусит же она меня, правильно?

Мне много не надо, наверно, как и всем. Как в песне поется, все мы хотим любви, чистой, большой любви. А когда тебя по-настоящему любят, надо быть последним шакалом, чтобы не сделать все возможное для того, кто любит тебя.

Сергей Аникеев.

31 августа 02:04

Зы, я вот о чем подумал. Мы все ищем свою любовь, но мечтаем обрести того, кто нас полюбит. Как будто это одно и то же. Так, может, проблема в том, что мы ищем совсем не то, что нам нужно? Некорректно поставленная задача ведет к фатальной ошибке, вот только написанную нами самими программу отладить на порядок сложнее. Равно как и остановить.

Ой, как-то меня и правда в какие-то философские дебри повело. Надо спать. Недаром говорят: утро вечера мудренее. Сам замечал, что по ночам часто депрессуха накатывает, а утром проснешься, и все вроде ничотак.

Посчитать, что ли, овечек?: D

Глава 3

Евангелие от Матфея

Что значит быть программистом?

Это когда ты делаешь что-то такое эпическое, что голова идет кругом от собственной крутизны, а для всех окружающих ты просто сгорбленная фигурка перед монитором.

Можно, конечно, позаламывать руки, причитая: ах, как нас не ценят! Но зачем? Когда человек делает свое дело, и делает его хорошо, оценка окружающих для него имеет весьма второстепенное значение. Не скрою, мне приятно, когда меня сравнивают с Джобсом или Цукербергом. Приятно читать статьи о себе, особенно если статьи написаны грамотно. Но работаю я вовсе не для этого, не это приносит мне наибольшее удовлетворение.

Вы спросите – а что тогда? Пожалуй, мой ответ вас удивит. У меня есть собственный интерфейс для контроля «Мы». Выглядит он непрезентабельно – куча таблиц, графиков и диаграмм плюс командная строка. Но когда я разворачиваю его на экране и вижу движение этих графиков, изменения цифр, я чувствую себя счастливым. Цифры – это обращения пользователей, их посты, комментарии, лайки, загрузки. Диаграммы – это статистика всего этого, распределение потоков, нагрузка. Неискушенный не поймет красоты, отражаемой этой невзрачной инфографикой; я же вижу, как огромное количество обращений занимает ограниченные ресурсы, без задержек и потерь, как колоссальные массивы информации – фото, видео в том числе – за доли секунд обрабатываются системой.

Эти доли секунд, отображающиеся у меня на экране, для вас, конечных потребителей, не видны. Но вы знаете, что в моей системе вы не будете ждать, пока что-то подгрузится, и не начнете ругаться оттого, что что-то потерялось по дороге; в моей системе вы не подхватите вирус или шпионскую программу, у вас не уведут личные данные и не взломают вашу переписку.

Объективно говоря, «Мы» – лучшая в мире соцсеть. Это знаю я, это уже знают и другие специалисты, но пока об этом не говорят во всеуслышанье – такие правила игры.

Последний день лета выдался теплым и солнечным. Проснулся я довольно поздно, потому что поздно лег. С тех пор как сеть «Мы» стала активно продвигаться за океаном, нагрузка на серверах стала более-менее равномерная в любое время суток... но поздно. За то время, пока моя сеточка ходила в коротких штанишках, я привык не спать по ночам и ложиться под утро, чтобы проснуться где-то после обеда. Как ни странно, нагрузка минимальна как раз в утренние часы, с шести и где-то до обеденного перерыва – конечно, пока ты работаешь только с Россией.

Во всяком случае, если вдруг происходит что-то неожиданное, например ДДоС-атака (иногда такое случается, хотя я ни с кем не конфликтую; наверно, мою сетку дидосят из принципа, ну, или чтобы мне жизнь малиной не казалась), у меня срабатывает тревожная кнопка и начинает звонить телефон.

Вот, собственно, в последний день лета я и проснулся как раз от звонка. К счастью, это не было связано с какими-то проблемами в Сети, да и время уже близилось к обеденному перерыву, в который служащие многочисленных офисов, до обеда прилежно имитирующие невероятную занятость, расслабляются и выходят в Интернет по личным делам. Правда, как я уже сказал, последнее время нагрузка на сеть стала более-менее равномерной, ведь у «Мы» есть свои почитатели даже в Токио, Шанхае и Рангуне. Плюс к тому я нанял небольшую когорту операторов, тоже фрилансеров, так что сеть теперь была под надзором круглосуточно... что вовсе не означало, что я могу поехать куда-нибудь в Майями, чтобы там махать руками: – любая система без присмотра создателя довольно быстро сползает в хаос, вполне в соответствии со вторым законом термодинамики.

Одним глазом пробежав по графикам активности на моем компьютере и на автомате проконтролировав, на месте ли мои операторы, я залез в карман джинсов и извлек оттуда телефон. Пользуюсь я, кстати, «Самсунгом-семеркой», несмотря на его «пожароопасность» – во-первых, телефон надо покупать в авторизованных точках, а не в ларьке торгового центра; во-вторых, айфоны тоже горят, особенно склепанные в трущобах какого-то Сянгана, а в-третьих, терпеть не могу продукцию огрызка, да простит меня покойный Джобс, с которым меня постоянно сравнивают, уж не знаю почему.

Номер мне был не знаком, и я, почувствовав странное движение в области между соском и ключицей, поспешил свериться со вчерашней визиткой, благо она лежала у меня под рукой и даже пахла по-прежнему, **ее** духами (хоть и слабее, чем вчера).

Увы, номер принадлежал не ей. Черт, ну и кто это? Я снял трубку и

сказал хриплым ото сна голосом:

– Ну аллё.

– Спал, что ли? – раздался жизнерадостный голос Матвея, в миру Сашки Матвеева, моего кореша. Друзей у меня немного. В школе я ни с кем особо не сходил, считался зубрилой и заучкой, а таких не любят; так что первые друзья у меня появились только в армии, куда я ушел, когда первый раз провалил экзамен в институт. Отслужил в ПВО, о чем ничуть не жалею: после дембеля без всякого труда поступил и учился тоже без напряжения.

Может, армия раскрыла мою коммуникабельность, может, в институте просто подобрались люди, более подходящие мне по характеру, трудно сказать, но с большинством одноклассников я общаюсь до сих пор. Соармейцев же разбросало по стране, и на связь они выходили sporadически; одним из немногих, кто вырисовывался у меня на горизонте с завидной регулярностью, был как раз Матвей.

Кстати, он единственный, кто ни на йоту не изменил свое отношение ко мне после того, как «Мы» начала свое триумфальное шествие. Поздравил только и пожелал семь футов под килем.

Остальные же... одни практически моментально поспешили у меня одолжиться – и немедленно растворились в неведомых восоясах. Другие пытаются использовать меня как походный кошелек, постоянно вытягивая на какие-то не интересные мне мероприятия, от которых я отрекаюсь, ссылаясь на занятость; третьи вообще заявили, что знать меня не желают, внятно не объяснив мне причин подобного решения. Мне почему-то кажется, что здесь замешана банальная зависть, и дай бог, чтобы я ошибался в их адрес.

– Угу, спал, – ответил я, свободной рукой протирая глаза. – Я ж по ночам работаю.

– Сторожем устроился? – уточнил Матвей. – Или, не дай ктулху, ублажаешь после театра пожилых дам?

– Да пошел ты, – ответил я, добавив, конечно, конкретный адрес. – Народ по сетям по ночам шарится в основном, я ж говорил уже.

– Ага, говорил, – подтвердил Матвей. – Ты, это, приводи, себя в порядок, ежели у тебя других планов нет, можем часа через два пересечься, посидеть где-нибудь, пивка холодного попить.

– Нет у меня никаких планов, – ответил я. – А по поводу встретиться, что-то случилось или просто соскучился?

– Не дождутся они, чтобы у меня что-то случилось, – сказал Матвей. – Так, увидаться захотелось, да и время есть.

– Лады, – ответил я. – Встречаемся где?

– Да где обычно, на набережке, – предложил Матвей. – Посидим, потом пройдемся вдоль реки, потом опять посидим. Шашлычка поедим...
– Лады, – подтвердил я и дал отбой.

* * *

В августе солнце светит и греет совершенно не так, как в мае, но и не так, как, скажем, в сентябре. Свет весеннего солнца мягкий, бархатный; августовское солнце более яркое, блестящее, его свет резок. С наступлением осени он тускнеет.

Я шел по улице, глядя по сторонам и удивляясь тому, как много я раньше не замечал. Действительно, мы живем, по макушку погрузившись в дела, и у нас никогда не бывает достаточно свободного времени, чтобы просто полюбоваться миром, в котором мы живем. Хотя он, право слово, достоин того, чтобы им любовались.

Как все-таки хорошо никуда не спешить! А ведь мы почти утратили эту способность, мы спешим даже тогда, когда не надо. Мы живем суматошно и взбалмошно даже тогда, когда этого не требуется. Живем, словно убегаем, но от кого? От себя, что ли? А ведь так приятно никуда не спешить, не идти, словно торпеда к цели, а просто плыть по течению. Куда-то все равно отнесет. И может быть, в этом куда-то будет лучше, чем в нигде, в привычной, но совершенно некомфортной суете.

Я шел и думал о Карине, постепенно привыкая к ее имени. Странно, никогда не думал, что буду встречаться с девушкой по имени Карина. Как-то необычно... ну да ладно. Красивое имя, и даже очень ей идет. Стоп.

Я поймал себя на мысли, что смотрю на Карину как на свою девушку, хотя еще не факт, что у нас что-то получится. От моих ночных мыслей и следа не осталось: теперь я уже не думал, что стал Карине интересен только из-за своего социального статуса. В конце концов, симпатию к человеку имитировать невозможно, вот и посмотрим, буду ли я ей симпатичен или нет. Но, убей меня, Карина не производила впечатление меркантильной стервы от слова совсем никак. Уж чего-чего, а этого добра вокруг хватает с лишком, и даже я не избежал знакомства с этой категорией женского пола. Нет, определенно нет.

– Чет ты, брат, задумчивый, – прервал мои мысли голос Матвея. – Идешь, по сторонам пыришься, старых друзей не замечаешь.

Я схватил Матвея в охапку и обнял, похлопав по спине:

– Привет, братюня, как сам-то?

– Ничего, бодрячком. – Он тоже похлопал меня по спине. – Жив, здоров, сыт и доволен. А как жизнь у Билла Гейтса местного разлива?

Я скривился:

– И ты туда же... ну какой из меня Билл Гейтс?

– Не прибедняйся, брат, – улыбался Матвей. – Я тоже новости читаю. О твоей «Мы» много говорят, да еще таким тоном, типа: «Утерли мы нос этим заокеанским зазнайкам».

Он еще раз хлопнул меня по плечу:

– Идем уже, нас ждут шашлыки.

И мы пошли по давным-давно знакомой дорожке. Матвей жил в Мытищах, но Москву знал хорошо и после дембеля нашел меня потому, что, как он заявил, «на гражданке скучно». Сам он, дембельнувшись, устроился экспедитором и – видать, родился в штанах и рубашке – приподнялся, и теперь владел небольшим бизнесом по автозапчастям.

Мы говорили о его работе. Матвей посетовал на санкции, но тут же отмахнулся от этой проблемы, заявив, что теперь гоняет за запчастями в Китай и выходит даже дешевле. В общем, жить можно, только некоторые особо въедливые клиенты нервы треплют.

Я, в свою очередь, рассказал ему о «Мы». В принципе, он находился в курсе дел; пожалуй, Матвей единственный верил в эту затею с самого начала... ну, то есть как верил? Он единственный сказал мне, когда я озвучил эту идею: работай, брат, если долго мучиться, что-нибудь получится, кто ищет, тот всегда найдет, если шею не свернет. И подбадривал меня, когда у меня опускались руки: дескать, прорвемся, брат! Не в такие передрыги попадали.

Скажем так, я с ним ни в какие передрыги не попадал, один раз, правда, месяц спал на кухне доставшейся мне от родителей однушки, потому что в комнате от пола до потолка наставлен был матвеевский товар. Но сам он, конечно, тертый калач и видал разного. Он никогда не показывал, что у него проблемы, но со временем я сам начал чувствовать, когда ему туго, и стремился приободрить.

– Ну, я рад, что в этот раз у тебя все на мази, – сказал он, по-дружески хлопнул меня по плечу. К этому моменту мы взяли по паре шашлыков, литр «Рыжей сони» для Матвея и литр безалкогольной «Балтики» для меня – этого нам должно было хватить на весь вечер. – А я тебе говорил, что все получится?

– Говорил, – признал я. Матвей был старше меня всего-то на полгода, но всегда казался мне намного более опытным и уверенным в себе, чем я сам. – А я никак не мог поверить.

– Знаешь, – сказал Матвей, – все говорят: надо верить в себя. А по-моему, верить в себя – это очень странно. Верить надо в то, что ты делаешь, в то, что у тебя это получится. Вот ты, когда свою прогу писал, ты ж верил, что она заработает, правильно?

Я кивнул, снимая со шпажки кусок мяса зубами. Матвей продолжил:

– Ну вот. Главное, надо делать то, что должен, а когда все делаешь как следует, всегда получается так, как надо. – Он хохотнул. – У меня вот клиент есть, из автосервиса, узбек натурализованный, так он говорит, что я, наверно, колдун. Когда у меня деталь покупаешь – все работает, ничего не ломается. Возьмешь у другого, поставишь кому-нибудь – через пару месяцев он к тебе вернется. Да еще и ругать будет. А все почему? А все потому, что им по барабану, что брать, а я сам каждую единицу руками прощупаю. Нет, конечно, метизы там или шайбы я так не принимаю, но вот все остальное да. И фуфло у меня не пройдет.

Он вздохнул и внезапно поменял тему:

– А на личном фронте у тебя как?

Я пожал плечами, раздумывая, говорить ему о Карине или пока не надо. Матвей мое «молчание ягнят» расценил по-своему и возмутился:

– Это непорядок, братушка! Ладно, пока ты свой шедевр ваял, это одно. Тут я понимаю: человек в работе по ушки, ему не до дам-с. Сам, как из армии вернулся, пока не настроил бизнес, ни о чем, кроме похода в клуб раз в неделю с последующим перепихоном с какой-то случайной чувой, и не думал. Однако сейчас бизнес пошел и идет как часы, а у меня Дашок, и я таки чувствую, что она меня затащит скоро в это заведение из четырех букв...

Я скептически приподнял бровь: Матвея я знал как облупленного, и если он заговорил о чем-то как о возможном, то, значит, дело уже наполовину готово. Да и сам он раньше в порыве откровенности признался мне в чем-то подобном: «Я, Серый, как наше государство, которое сначала ставит ракеты по шахтам, а потом рассказывает, что начинает их разрабатывать». Как у нашего государства обстоят дела с ракетами, я не знал, а в том, что Матвей сначала делает, потом говорит, убеждался неоднократно.

Не ошибся и в этот раз.

– Ой, ну хорошо, – потупился Матвей. – Мы уже подали заявление, но в районном загсе, его маман, такая очередь, что нам назначили аж на после Покровы.

– Покрова – это когда? – Честно, я не помнил, у меня вообще с датами слабовато.

– Четырнадцатого октября, хрюшка, – фыркнул Матвей. – Знать такие вещи надо, на Руси живучи. Пойдешь свидетелем? – неожиданно предложил он.

– Спрашиваешь! – ответил я. – Да я с тобой в разведку за линию фронта пойду, не то что свидетелем.

– Как и я, как и я, – ответил Матвей задумчиво.

И мне в голову пришла идея, точнее, пришла она много раньше, я лишь решился ее озвучить:

– Слыш, братюнь, может, тебе по этому поводу баблом подсобить? У меня ж его как грязи, сам понимаешь...

Матвей насупился:

– Ты мне это брось, Серый. Я ж не кривой, раз женюсь, значит, могу устроить своей избраннице... хотя кто кого избрал, это еще вопрос, Дашка у меня огонь, да и рыжая... так вот, могу устроить своей избраннице сладкую жизнь без привкуса сахара. Просто ты мне, Серый, самый близкий друг, так что засунь себе свое бабло... в ценные бумаги. И живи на проценты.

– Жить на проценты от доходов нереально, – ответил я. – Будь ты хоть Рокфеллер, сидя на тухесе, богатым не станешь, тут крутиться надо.

– Ну, фигурально выражаясь, ты поднялся как раз сидя на тухесе, – хохотнул Матвей. – Но в целом ты, конечно, прав, за что и выпьем.

* * *

Я решил, что счастливо избежал дальнейших расспросов о моей личной жизни, да не тут-то было.

– Ты, конечно, ловко с темы соскочил, – заявил Матвей, когда мы выпили, – но меня, брат, не проведешь...

– Я с темы соскочил? – удивился я. – Братуха, это тебе, кажется, не терпелось мне поведать о своих матримониальных победах!

– Не без этого, – признался Матвей. – И все-таки объясни мне, чего ты до сих пор один, как телеграфный столб в курганской степи? Из принципа, что ли?

– Какой там принцип! – отмахнулся я. – Просто случая не было, вот и все.

– Случая у него не было, – буркнул Матвей. – Я, брат, чего к тебе пристал, как клещ? Я за тебя переживаю.

– А чего за меня переживать? – удивился я. – У меня все чики-пики,

кажись.

– Ага, – подтвердил Матвей. – Именно поэтому. Видишь ли, братюня, ты у нас стал известным. Не в Сети, там ты значился и до того важной шишкой, без базара, но Сеть – это одно, а жизнь – совсем другое. Теперь твоя ряшка засветилась в телике, газеточки с журнальчиками твоими фото обложки украшают...

– Есть такое, – подтвердил я. Несколько раз ко мне обращались с тем, чтобы сделать сессию для журнала и дать небольшое (и, как по мне, совершенно бестолковое) интервью. Я даже закорефанился кое с кем из пишущей братии, хотя с большинством из них общение шло туго. Да вот хоть бы недавно с этой Ксюшенькой...

Вспомнив о Ксюшеньке, я вспомнил о Карине. И это не укрылось от внимательного взгляда Александра «Мы могли бы служить в разведке» Матвеева:

– Чет ты, брат, в лице изменился, как будто за моей спиной на березке вместо листьев выросли пятитысячные, – отметил он. – Колись уже, что такое.

– А я тебе говорил: заведи аккаунт в «Мы», – с поддевкой сказал я. – Был бы моим фоловером, все бы уже знал.

– Тьфу на тебя, – ответил Матвей. – Я нормальной ориентации.

– Фоловер – это по-нашенски подписчик, – пояснил я.

– Вот и выражайся по-нашенски, – парировал Матвей. – Взяли моду материться по-забугорному: фоловеры, лайки, кофе-брейки всякие... По-русски говорить надо, в России живучи.

Он сжевал еще кусок шашлыка, пока я переживал вспышку его лингвистического патриотизма, а затем сказал:

– Ну, и что бы я узнал из твоего инстаграма?

– Попрошу мою православную сетку с этим исчадием ада не сравнивать! – нарочито строго сказал я, немного подольстившись к матвеевскому патриотизму. – Ладно, сейчас расскажу.

И я пересказал ему события последних дней. Матвей слушал внимательно, настолько, что даже шашлык отложил.

– Круто! – вынес он свой вердикт по окончании моего рассказа. – Ну, наконец-то, надо будет свечку поставить, что ли. За здоровье, естественно.

– Хорош подкалывать, – сказал я ему, – лучше шашлык доедай, остынет совсем.

– Остынет – отдадим собачкам, а себе другой купим. – Кажется, Матвей был воодушевлен поболее моего. – Старик, чего ж ты сразу не рассказал?

Я пожал плечами:

– Да что тут важного? Ну, познакомился с девочкой, первый раз, что ли.

Матвей достал из кармана пачку какого-то курева (курил он редко, но до конца от пагубной привычки избавиться не мог, а вейп откровенно презирал; «сегодня начнешь парить, завтра перейдешь с пива на смузи, а послезавтра проснешься с мужиком», говорил он), подкурил и сказал:

– Понимаешь, брат... мы с тобой из того поколения, для которого нет никаких преград в виде морали там или религиозных заповедей. В то время, когда мы росли, было все разрешено, что не запрещено. Нас учили, что заботиться надо только о себе, а любовь – ничто, пустой набор букв, за которым маскируется желание обладать. Мы и выросли такими, зная, что нам можно все и плата за это – в виде тех же чувств – совершенно не обязательна. «She's got a pussy, I have a dick, so, what a problems, let's do it, quick!», как в песне поется.

И это нам на первых порах очень даже нравилось. Не знаю, как тебе, а мне так да. А потом я пошел на четвертый десяток и, не поверишь, начал чувствовать какую-то пустоту. Чего-то в жизни не хватало. Тогда я и начал задумываться над тем, как я живу. И как буду жить дальше. И понял одну очень простую вещь.

Матвей взял со столика, за которым мы сидели, вторую бутылку пива и хулиганским образом открыл ее об угол означенного стола.

– Старик, – сказал он. – Мы с тобой взрослые, самодостаточные мужики и будем такими еще довольно долго. В социально-бытовом смысле мы без женщины вполне можем обходиться; в сексуальном – можем запросто найти на ночь или на пару недель молодое, упругое девичье тело... по крайней мере, для меня все вышесказанное истинно. Казалось бы, на кой при таких условиях какие-то отношения? Зачем себя обременять? А поди ж ты...

С какого-то времени одиночество начинает тяготить, и ни компания друзей, ни веселые девочки, которых без труда можно поднять на Патриках или Арбате, эту тяготу не убирают, хоть об стену бейся. Тогда я сел, много подумал да и звякнул Дашке, зная, что та ко мне неровно дышит. А уж Дашка своего не упу... тьфу, холера...

Он сплюнул на землю:

– Ну, ты глянь, косточки кусок! Вот паразиты, уж совсем мышей не ловят! А я решил было, что зуб сломал.

Я пожал плечами. Честно говоря, ничего из того, о чем говорил Матвей, мне было незнакомо. Не тяготился я своим одиночеством, но и не

радовался ему – просто не ощущал себя одиноким, наверно.

А Матвей словно читал мои мысли:

– А тебе, наверно, еще хуже приходится. Я-то постоянно с живыми людьми общаюсь.

– А я, по-твоему, некромант, что ли? – спросил я.

– Ну, ты-то больше в Интернете сидишь, – ответил он.

– Ты так говоришь, как будто в Интернете люди не живые, – ответил я. – Матвей, те, с кем я общаюсь, не боты и не пришельцы с Нибиру. Они такие же люди, как я и ты...

– Такие – да не такие! – воскликнул Матвей. – Ты не думай, что я питекантроп какой-то. Я тоже в Сети бываю, даже страничку у тебя в «Мы» завел...

– Не видел еще, – ответил я честно. Вообще, в моей сети последнее время настоящий бум регистраций, в день заводится до ста тысяч страниц. За всем не уследишь, даже в зоне рунета. Хм, так вот откуда его расспросы, читал небось мои откровения, а сам шлангом прикидывается, язва! – И что ты думаешь о Сети?

– В Интернете нет **настоящих** людей, – ответил Матвей. – Это какой-то грандиозный маскарад: аватары, ники, придуманные биографии...

– Точно подмечено, – сказал я, тоже вставая. Пиво было допито, шашлык съеден. – А тебе не приходило в голову, что именно эти маски и есть настоящие лица?

Матвей недоуменно на меня уставился:

– В смысле?

– В прямом, – ответил я. – Скажи, тебе свое лицо никогда не представлялось чужим? Ты никогда не представлял себе себя другим, на себя не похожим?

– Не-а, – простодушно ответил Матвей.

– И что, ты прямо с детства мечтал торговать автозапчастями? – спросил я. Матвей чуть не остановился (мы шли обратно в сторону кафе и выхода из парка).

– В детстве я мечтал стать ветеринаром, – неожиданно признался он, потупившись. – Нашел как-то щенка, у него лапа была перебита, и вообще... хотел его выходить, вроде и получаться начало, а потом он возьми да помри. Как я плакал! Меня и когда били гуртом, было разок, сам понимаешь, что такое дворовое детство, так я и то не плакал, а тут... сидел, держал щенка на коленях и выл, а он уже холодным стал. И не расскажешь ведь никому, разве что тебе.

– Вот, – сказал я. – А в Интернете ты можешь эту историю рассказать.

И найдутся те, кто поймет и посочувствует.

– Ага, и те, кто поиздевается, тоже найдутся, – сказал он, не глядя на меня.

А я вот на него пристально посмотрел:

– Старик, сдается мне, ты в Сети немного чаще бываешь, чем хочешь показать.

– Бываю, – нехотя сказал он. – Когда особо нефиг делать...

– Еще по шашлыку? – спросил я, когда мы подошли к кафе. Я очень хотел сменить тему, потому что мне показалось, что Матвей, как сейчас выражаются, вышел из зоны комфорта.

– Не, у меня и так пузо уже набито, – отмахнулся он. – А вот пива бы я выпил. Ты как?

Мы взяли пива, орешков и, подумав, кусок лаваша – рядом находился пруд с лебедями, которых мы решили покормить.

– Знаешь, – сказал Матвей, – у нас на Яузе утки плавают, так их народ в девяностые палками и камнями бил, с голодухи. Я, признаться, тоже. А вот на такую красоту, наверно, ни у кого бы рука не поднялась...

– Как сказать, – ответил я. – Боярам к столу печеных лебедей подавали.

– Так то, наверно, не такие были, – возразил Матвей. – Не верю просто, хоть убей. Слишком уж они красивые.

– Чудак-человек, – сказал я, бросив в воду кусок лаваша и глядя, как один лебедь клюет другого в тщетной попытке его отнять. – Красивых, значит, бить нельзя, а некрасивых можно?

– Иди ты, философ, – отмахнулся Матвей, бросив кусок тому самому обиженному лебедю. – Сразу видно, что в Интернете много времени проводишь, тебе абы поспорить...

Я пожал плечами:

– Думаю, это не от Интернета зависит. Устроены так люди...

– Ага, – поддакнул Матвей. – Устроены так люди, желают знать, что будет...

– И это тоже, – вздохнул я. Лаваш у нас закончился, и мы пошли вдоль пруда, сопровождаемые парой лебедей, явно недовольных окончанием банкета. – Не успел я «Мы» открыть, как там тут же стали появляться всякие гадалки, бабки агафьи, потомственные целительницы, умеющие заговаривать древние недуги вроде целлюлита и кариеса. Я их баню понемногу, а они все регистрируются и регистрируются...

– Так, может, не надо банить? – спросил Матвей. – Ну, хотят люди обманываться, кто им злобный Буратино? И потом, ты уверен, что все это пустышка?

– Да, – ответил я не моргнув глазом. – Хотя... вот ты в сны веришь?

Матвей допил пиво и опустил бутылку в урну, а потом ответил:

– Знаешь, Серый, моя бабка жила в Красногорске до войны. И вот снится ей однажды, что выходит она на крыльцо, а с запада гроза прет, да такая страшная! Молниями так и лупит. Небо застелила от края до края, но до них не дошла еще. И вот прямо перед ней молния бьет, аккуратно в дом через два двора от их дома. И тот, как бабка говорит, вспыхивает, как будто из соломы был. А потом ветер как подует, и всю эту грозу обратно унесло на запад, и небо такое чистое-чистое, лишь соседский дом догорает...

Я уже понял, к чему приснился этот сон, осталось лишь подтвердить свою догадку. Что Матвей и сделал:

– А через год напали фашисты. И вот докуда гроза дошла, дотуда и немцы дошли в сорок первом. А в дом соседский как раз бомба фашистская попала, одна воронка осталась. Так что, друг мой Серый, есть многое на свете, чего никакая логика не объяснит...

Глава 4

Двери наших сердец

Сергей Аникеев.

31 августа 20:52

Не могу не поделиться некоторыми мыслями, возникшими у меня сегодня. Хотя бы потому, что считаю крайне несправедливым те идеи, которые с абсолютной уверенностью отстаивают многие.

Сейчас модно во всем винить Интернет. Сетевое общение представляется эдаким козлищем, которое только ленивый не побивает камнями с криками: «Как страшно жить!», «Куда мы катимся, если заменили живое общение суррогатом!», «Раньше, без этих интернетов, мы были счастливее!». Подобным постам несть числа, и вся ирония заключается в том, что размещены они не на заборе, не написаны мелом на асфальте, а обитают в уютных и не очень уютных блогах в социальной сети.

Говорят, что в Интернете человек перестает быть собой, но то, что я вижу (а вижу я многое, потому что огромный кусок сетевой жизни по имени «Мы» постоянно перед моими глазами), говорит об обратном. В обществе человек вынужден носить маску, быть не таким, какой он есть, тем более – не таким, каким он хочет быть. Но в Сети у него нет на это нужды; именно в Интернете человек и становится собой.

Интернет срывает маски. За все время моих наблюдений (а наблюдаю я за этим очень давно) мне стало понятно, что Сеть все же позволяет узнать истинное лицо человека. Здесь затравленная одноклассниками одинокая девочка может в один момент изменить свою судьбу, всего лишь однажды поделившись собственным хобби с читателями блога. Я помню ее. Сейчас, встретив уже взрослую, счастливую, замужнюю и успешную, никогда бы не подумал, что своей удачей она обязана парочке фото, сделанных на старый телефон. Цепная реакция сработала на «отлично» – одному понравился фасон, другого восхитил крой, третьего фантазия. Первый заказ, второй, десятый... Девочка-портниха стала робко, но уверенно выбираться из своей скорлупы, нашла единомышленников, встретила свою любовь в лице такого же, как она, творческого одиночки. Ее маска разлетелась вдребезги, явив миру человека, способного создавать и созидать прекрасное.

А вот другой блог. Его ведут тщательно и долго. Много мата, мало мыслей по существу, а если они есть, то обязательно матом. Это может быть ваш сосед или коллега, о котором вы бы никогда не подумали, что его нецензурный багаж знаний столь богат. Снаружи он вежливый, обходительный, даже немного подобострастный. Всегда обращается на «вы», всегда доброжелательный, хоть на хлеб намазывая вместо варенья. А внутри он именно такой. Говорят, стремление разговаривать матом называется в психиатрии копролалия, что в

переводе на русский суть, простите, дерьмословие. Так что в бочке его души мед только на поверхности, но именно его блог позволяет узнать, что за субстанция под слоем этого меда. Еще одна маска разбита. Печально, что среди блогов именно такие чаще всего более популярны, чем журналы по-настоящему интересных людей. Грязь и пошлость всегда привлекает сильнее. Простому пользователю куда приятнее поливать грязью чужих людей в комментариях, критиковать внешность знаменитостей или друг друга, чем развиваться и тянуться к тем, кто выше. «Интернет – это помойка», – любят говорить они. Ну что же, у каждого – своя среда обитания.

Как вы знаете, политика моей сети демократична. Разрешено все, что не запрещено законом. Разрешено даже кое-что сверх этого – например, я инвестирую деньги в коллективную лицензию на прокат киноновинок, благодаря чему вы можете посмотреть у меня в сети последние **[что-то зачеркнуто]** шедевры мирового кинематографа в высоком качестве и с автоматическими субтитрами. Но хочу, чтобы вы знали: кое-что меня удручает.

Меня удивляют люди, создающие фанские комьюнити, и в этих комьюнити подвергающие своего кумира обструкции. Станные люди! Они говорят, что любят – актера, певца, политика, писателя, – и с удовольствием рассуждают на тему, как он постарел, как безвкусно был одет на каком-то мероприятии и с кем видели его будущую жену за двадцать лет до их знакомства. Бог с ними, с политиками: политику я не понимаю и не интересуюсь ею. И вообще, как по мне, идеальный строй – это монархия. Никто не рвет друг другу глотки на праймериз и не поливает грязью в ходе предвыборной кампании.

Но скажи на милость, ты, которая боготворила певицу X, зачем ты говоришь о том, сколько она сделала подтяжек? Никто из нас не молодеет, а ты в свои двадцать пять выглядишь хуже, чем она в сорок пять с учетом этих самых подтяжек. Что это – зависть? И ты, который красивыми мегабайтовыми простынями признается в любви актрисе У и постит на коленке состряпанные колажики с собой и ею (да еще и в формате. bmp, тяжелом, как жизнь нигерийского шахтера, за что я, как администратор сети, руки бы отрывал): почему ты не радуешься тому, что она встречается с молодым и явно любящим ее режиссером? Да, он ее моложе, да, на десять лет. Но они счастливы вместе, им хорошо вдвоем. Если ты так ее любишь – порадуйся за нее! Хотя почему-то мне кажется, что это не любовь.

[Track: В. Цой – «Это не любовь»]

Знаете, я иногда чувствую себя мистером Ферстом из старого советского фильма «Человек с бульвара Капуцинов». Я создал для вас соцсеть. Вы можете здесь отдыхать, общаться, слушать музыку, смотреть фильмы и читать книги (я приобрел для вас огромное количество лицензий на медиаобъекты). Вы можете созидать что-то свое, автоматически регистрируя авторское право на новый объект. Вы можете сделать очень много хорошего, доброго, полезного и просто красивого. Но чем занимаетесь вы?

Какой грязью вы заполнили пространство арендуемых мною серверов! Неужели же вам действительно интересно обсуждать только чьи-то неудачи, несчастья и ошибки? Неужели вам доставляют такое

удовольствие чужие неприятности? И кто вы после этого?

Говорят, что аватары – это маски, за которыми скрываются люди, а по-моему, все совершенно наоборот. Аватары – это наши настоящие лица, лица, которые в «реальном» общении не увидишь. Только в Сети можно узнать, каков человек на самом деле.

Потому внимательно смотрите на аватары и никнеймы друг друга. Потому что, если на аватаре змея, вряд ли носящий ее человек будет ангелом с крылышками. Очень вряд ли...

[Track: Король и Шут – «Лицо под маской»]

* * *

Мой друг Матвей, сам того не подозревая, натолкнул меня на одну идею. Даже странно, что она не пришла мне в голову раньше. Воистину я тормоз. В наше время легко узнать человека поближе. Мы сами раскрываем перед другими свой внутренний мир. Для этого духовного стриптиза существуют специализированные площадки – соцсети. Контакт, фейсбук, инстаграм и твиттер заменяют предбанники, в которые (если верить нашим этнографам) наши предки подглядывали, чтобы выбрать себе невесту. Но раньше посмотреть можно было только на тело; теперь легко можно заглянуть и в душу.

Странно, что довольно немногие это понимают и этим пользуются, думал я. Тогда я находился всего в двух шагах от мысли, которая могла бы изменить очень многое, но я так и не сделал эти два важных шага. Вместо этого я вошел в гугл и начал поиски.

Впрочем, искать долго мне не пришлось. Кажется, Карина была не из тех, кто «шифруется», скрываясь за аватарами. Я нашел ее в фейсбуке, в твиттере, нашел заброшенную страничку в инсте, а главное – обнаружил ее и в своей собственной соцсети. Такс, посмотрим...

Страничку она завела недавно, в конце мая, и вела на первый взгляд довольно активно. Почему «на первый взгляд»? Потому, что львиную долю записей составляли репосты. Феномен репостов не устает меня удивлять. Это отнюдь не новое изобретение – еще во времена Великой французской революции образованные люди вели «альбомы» и «дневники», куда записывали чужие мысли – мудрые и не очень. По сути, эти альбомы, кроме формы записи, ничем не отличались от современных блогов – те же репосты, те же наблюдения за окружающими людьми, сплетни, эпиграммы, стихи собственного и чужого авторства и даже комменты – в альбомах порой делали записи знакомые и незнакомые люди. Особым шиком считалось иметь лайк от «селебритиз» – бедный Дюма-отец, по приезде

своем в Россию, не знал, куда деваться от атакующих его дам того возраста, который уже начали именовать бальзаковским, докучавших ему своими альбомами. Даже открытки с котиками имели место быть.

В общем, ничто не ново под светом лунным, и я не удивлюсь, если какая-то из вавилонских глиняных табличек окажется древнейшим аналогом блога какого-нибудь Навуходносора. Так вот о репостах. Люди копируют чужие статьи, чужие мысли и шутки. Они словно пытаются присвоить себе чужое знание. Или накапливают богатства мысли? Мы не задумываемся, почему репостим ту или иную запись. Она нам понравилась? Но зачем для этого тащить ее к себе в дневник? Тем не менее мы, как сороки, волочем в свои электронные гнезда блестящие мысли.

Но от репостов есть польза, и немалая. Для стороннего наблюдателя они очень многое говорят о человеке. Раньше судили по друзьям, теперь – по репостам. Если человек репостит какую-то статью, значит, он соглашается с ней, не так ли? Наши странички в соцсетях – это селфи нашего внутреннего мира, ни больше ни меньше.

Проводя в Сети много времени, я обрел странное хобби – я знакомлюсь с людьми заочно. Захожу на их страницы и составляю о них свое впечатление. Могу сказать, что до того времени, когда я познакомился с Кариной, это мое умение меня ни разу не подводило: с некоторыми объектами изучения меня впоследствии сводила судьба, и я с легкостью находил с ними общий язык, используя свои знания о них, взятые с их страниц. Не для каких-то корыстных целей: просто каждому человеку приятно, когда с ним говорят на одном языке, и я заранее знал язык тех, с кем предполагал говорить.

Чем-то это занятие напоминало охоту на призраков или попытку нарисовать портрет ветра. Мы не видим ветер, но видим, как он гонит по небу облака, как колышет листву на деревьях, а иногда, в порывах гнева, срывает крыши с домов и, словно распоясавшийся хулиган, переворачивает урны, разнося мусор по улицам. Мы не видим душу, но способны описать ее – по словам, которые она произносит, по мыслям, которые считает ценными, по изображениям, которыми украшает свое пространство.

Язык блога – это язык души человека, и теперь я надеялся выучить язык Карины.

* * *

Карина Логинова.

01 сентября 08:12

На рассвете, на мягких лапах, в город вошла трехцветная кошечка-осень. Первый осенний денек... в наших широтах сентябрь, как правило, начинается дождями, но в этом году как будто повезло: не люблю дождливое время, не люблю унылую серость за окном. Даже и думать не хочется о том, что уже скоро свет солнца станет стеклянным и по улицам ветер понесет опавшие листья. Я уже вижу желтизну в зеленых, пушистых кронах...

Листопад наводит на меня тоску. Невольно думаешь о том, что время уходит, унося с собой молодость и красоту, что каждый день, как рождественский календарь наоборот, закрывает дверцы, ведущие куда-то, где я никогда не была.

Когда с деревьев облетают листья, мне не хочется даже смотреть в окно. Я ненавижу этот невольный стриптиз природы и жду, пока она не переоденется в серебристые одежды инея и снега. Тогда мир волшебным образом меняется. В нем появляется некий новый аромат предновогоднего волшебства. Мир в рождественском и предновогоднем ажиотаже явно сходит с ума, и самое лучшее – это сидеть дома и за толстым оконным стеклом, по которому скользят снежинки, наблюдать за всей этой кутерьмой.

Но прежде чем это случится, предстоит долгая, унылая осень, наполненная невеселыми мыслями о смерти и увядании, о неотвратимом и роковом. Как жаль, что рядом нет никого близкого! Может быть, тогда моя тоска не была бы такой кромешной. Может быть, кто-то, кого я не знаю, мог бы подарить мне немного лета или маленький кусочек новогоднего праздника в царстве осенней серости?

Но рядом никого нет, я вновь одна. Даже тогда, когда вокруг меня знакомые люди, которых я знаю уже много лет, – я все равно одна. Как тень среди теней, как солнечный блик на воде реки. Потому я знаю, что осень принесет мне одиночество, и очень боюсь того момента, когда почувствую это. Когда трехцветная кошечка превратится в тигра, готового растерзать. Впрочем, одиночество и печаль не похожи ни на тигра, ни на какое-то чудовище из кошмаров – они словно бескрайнее серое болото, засасывающее в свои давящие глубины.

А мне хочется яркого света, хочется лета, хочется теплых южных ночей. Мне нужен карнавал, праздник, мне необходимо чувствовать, как жизнь кипит в крови, превращая ее в шампанское. Если ты не радуешься собственной молодости, не улыбаешься ей в лицо – ты крадешь у себя самое дорогое, то, что невозможно будет потом вернуть, – время.

Но мы теряем его и сами закрываем на замок дверцы своего рождественского календаря, даже не заглянув за них. Даже не узнав, что там – подарок, уголек или имбирный леденец...

* * *

Мы очень мало знаем о том, что такое любовь, хотя очень часто оперируем этим понятием. Сколько человек ежедневно пишет и произносит те самые три заветных слова? Наверно, миллионы, может, и миллиарды. Мы говорим: «Я тебя люблю» – так просто, что смысл этого слова как-то проходит мимо души. Но что такое любовь? Можно ли назвать любовью желание быть вместе с кем-то?

Любовь многолика, и у каждого она своя. Вряд ли найдешь две похожие истории любви. В тот день, в первый день осени, я впервые задумался о том, что значит любовь, что это слово означает для меня. Я отнюдь не являлся невинным мальчиком; у меня до Карины были девушки, с которыми я просыпался на рассвете, случались и такие, с которыми я встречался какое-то время. Возможно, кому-то из них я говорил о любви. Возможно – потому что я не помню этого.

Наверно, настоящая любовь – это не тогда, когда ты говоришь, что любишь, а тогда, когда помнишь, как сказал эти слова.

Говорят, бывает любовь с первого взгляда. Я с этим никогда не сталкивался, но у меня нет оснований этому не верить – дыма без огня, как известно, не бывает, значит, что-то такое в природе существует. Но я с этим феноменом был совершенно не знаком. Встречая в Сети влюбленных, я, подсознательно, удивлялся и, что греха таить, в глубине души не верил их словам о своей любви. Когда сам не любишь, в то, что кто-то другой любит, тоже как-то не верится.

У меня никогда не было любви с первого взгляда, зато ко мне пришла любовь с первого прочитанного поста. Слова Карины о ее одиночестве, о том, как она нуждается в чьих-то чувствах, буквально, простите за банальность, поразили меня в самое сердце. Вообще, высокие слова кажутся нам банальными только до тех пор, пока мы не испытаем столь же высокие чувства. Иногда просто нереально говорить простыми словами, иногда душа может выражаться только высоким стилем – когда речь идет о настоящих чувствах.

Что такое любовь? Можно ли назвать любовью желание быть вместе с кем-то? Думаю, нет. По-моему, любовь отличается от симпатии, увлечения и так далее альтруистичностью, что ли... Любовь – это когда хочется не только брать, но отдавать, не только пользоваться, но и проявлять заботу. Когда любишь, естественным становится беречь и защищать то, что любишь. Создавать тому, кого любишь, максимально комфортные условия. Настоящая любовь в первую очередь отдает, в первую очередь заботится.

Может быть, любви стало так мало только потому, что мы больше сконцентрированы на себе. На том, что нужно нам. Мы думаем о том, что

принесет любовь нам, но не спешим сами давать тем, кого любим, то, что нужно им. Потому мы не притягиваемся, а отталкиваемся, и одиночество, хотя об этом мало кто говорит, стало главной проблемой нашего века.

Я сам был таким. Я (подсознательно, наверно, потому что сознательно я об этом не задумывался) ждал, когда кто-то полюбит **меня**. Но в тот день в моей судьбе что-то навсегда изменилось, как у Адама, взявшего запретный плод и надкусившего его, превратив в будущий товарный знак фирмы «Эппл». Рубикон был форсирован совершенно незаметно; сам того не понимая, я раз и навсегда изменился.

Карина писала о дверцах, которые мы не открываем. Очень хороший образ – в судьбе каждого человека есть множество дверей, навсегда оставшихся закрытыми. Множество оставленных позади развилок, на которых мы могли бы свернуть в другую сторону. Но мы сделали свой выбор и никогда не узнаем, куда можно было бы прийти, выбери мы другую дорогу или дверь.

Потому подчас решение принять очень сложно, но иногда оно принимается словно само по себе, без нашего участия. Просто потому, что ты не можешь поступить иначе, потому, что ты чувствуешь, что это – твоя судьба. Такой выбор вовсе не гарантирует от неприятностей и даже катастроф, но это твой выбор. Свой выбор я сделал.

Что-то внутри меня, что-то очень сильное, просто непреодолимо сильное, потянулось к Карине, увлекая всего меня за собой. Это уже не та слегка ироничная симпатия к Золушке и Снежной королеве, что была у меня раньше. Это оказалось властным чувством, и сопротивляться ему не представлялось ни малейшей возможности.

И ни малейшего желания.

Смерть или спасенье, свет или тьма... Может быть, люди так любят азартные игры именно потому, что они очень напоминают саму жизнь с ее выбором втемную? Решаясь на что-то, мы делаем ставку, которая может принести нам невероятный выигрыш, а может вчистую нас разорить; но если в казино (до которого я не охотник, мне и в жизни хватает азарта) мы можем проиграть только деньги, хотя и из-за этого, бывало, сводили счета с жизнью, то в игорном доме по имени судьба проигрыш может означать полный и безоговорочный крах. А выигрыш – всего лишь счастье, то есть именно то, что ищет каждый из нас.

Потому-то многие и не решаются сделать шаг, принять решение. Подсознательно все мы знаем, как много поставлено на карту. Но я не сомневался: слишком манящим был выигрыш, слишком вожделенной – ставка на кону.

Я стал искать телефон, но нашел его не сразу. Не то чтобы у меня в квартире царил бардак, но и порядком это отнюдь не назовешь. Потому телефон мог быть где угодно, но отыскался на кухне, на подоконнике.

Я присел на табурет у окна. Нет, я не колебался в принятом решении, не пытался отсрочить то, что намеревался сделать. Я лишь взял небольшую паузу для того, чтобы посмотреть во двор.

Я люблю свой двор, хотя это – самое обычное пространство меж четырех типовых многоэтажек. В Москве подобных дворов тысячи, есть они, наверно, и по всем городам России, от Калининграда до Владивостока. На покрытой резиной спортплощадке стайка младших школьников с увлечением гоняет мяч; рядом подтягивается крепкий пенсионер в синем спортивном костюме с начесом. На лавочках греются на солнце старушки, на детской площадке мамочки судачат о чем-то, пока их детки лепят куличики из песка и даже, по-моему, пытаются употребить их по назначению. У неработающего сейчас, но иногда все-таки включающегося гипсового фонтана мужчина в берете и плаще, похожий на художника, выгуливает мелкого, довольного жизнью комнатного песика, с хозяйским видом гоняющего от фонтана голубей.

День стоял солнечный; он ничем, кроме даты в календаре, не отличался от вчерашнего. В природе осень не торопилась наступать, возможно, она тоже разнежилась в лучах летнего солнышка. Но если приглядеться, то можно было заметить – она уже здесь, она уже успела окрасить первые листочки золотом и багрянцем, хотя кроны деревьев все еще пребывали в основной массе зелеными.

Осень идет... я вспомнил слова Карины об осени и поежился. Лично я осень всегда любил, а ноябрь вообще, наверно, самый мой любимый месяц в году. Осень уже полностью вступила в свои права, села на трон, как царица из старой волшебной сказки. В золотом уборе из опавших листьев клена она кажется почти непобедимой. Но в холодном воздухе чувствуется приближение скорой зимы, и царица дрожит, а опавшие листья клена шелестят под его ледяным дыханием.

Может быть, я просто люблю смену времен года. Хотя нет, стабильные периоды я тоже люблю, но по-другому. Наверно, от природы мне достался какой-то внутренний источник питания, не позволяющий хандрить и неудовольствию надолго задерживаться у меня в душе.

И, наверно, если у тебя есть такой источник, тебе мало того, что он согревает только тебя одного, тебе просто жизненно необходимо согреть еще кого-то. Если есть такая возможность, почему бы и нет?

Я мог записать Карину как Золушку или Снежную королеву – я часто

именую людей их никнеймами, а если таковых нет, придумываю их сам. Но нет – у меня Карина значилась под своим именем.

Вместо гудков у нее была какая-то ближневосточная мелодия, которую хитрый оператор мобильной связи устанавливает якобы бесплатно, но поменять ее даже на простые гудки уже стоит денег – а большинство все-таки меняет. Пока она взяла трубку, я успел прослушать куплет с припевом. Нельзя сказать, что меня это сильно обогатило культурно.

– Слушаю, – холодно, голосом Снежной королевы, сказала она.

– Привет, – сказал я. – Это Сергей, мы на выставке познакомились. Вы как насчет сходить куда-нибудь, не против? Если вам, конечно, это удобно...

Между моим вопросом и ее ответом прошло, может, секунды две, не больше, но эти две секунды показались мне удивительно долгими. И я понял, что волнуюсь: согласится ли? Не откажет ли, раз у нее опять режим Снежной королевы?

– Сережа, – ее тон моментально изменился, потеплел, словно испарился ледяной панцирь, сковывавший его. – Ну что вы, конечно! Я сейчас на работе, но освобожусь к пяти...

– Куда за вами заехать? – спросил я, чувствуя, возможно, необоснованную, но уверенность – все получилось! Не знаю почему, но ее ответ вселил в меня оптимизм, ничем особо не подкрепленный, но абсолютно прочный.

– Сейчас я продиктую адрес, – сказала она. – И, кстати, давайте на «ты»... если хотите, конечно.

Я был не против.

Часть 2

Ветра судеб

Глава 1

Сон наяву

– Как же я устала от этого Парижа!

Не могу сказать, что разделяю чувства Карины, но вполне понимаю. Париж действительно не похож на ту сказку, которая существует у большинства наших сограждан. Нет, он по-прежнему стоит мессы, но вот умирать после знакомства с ним уже не тянет.

Его бывшее очарование никуда не делось, оно все еще здесь, но, словно фрески старинного собора, скрыто под многими слоями штукатурки. По-прежнему высится белыми куполами похожий на Тадж-Махал Сакре-Кёр. Сена все так же несет свои воды, покачивая баржи, на одной из которых, как известно, живет Дункан Маклауд, горец. В Сене по-прежнему отражаются кажущиеся издали темными и мрачными очертания воспетого Гюго собора Парижской Богоматери. И все так же соединяет берега мост Александра III, родной брат Троицкого моста в Питере.

Обращенный в музей Лувр по-прежнему хранит свои несметные сокровища, очаровывая и разочаровывая, ведь на репродукции та же Мона Лиза выглядит куда впечатляюще. По-прежнему раздражает его посетителей стеклянная пирамида музея современного искусства, столь же уместная среди окружающего дворцового великолепия, как клоун на военном параде. Никуда не делся Версаль (разве что исчезло бывшее расстояние между ним и Парижем, но это случилось еще до моего рождения, так что не в счет), и все так же Триумфальная арка напоминает о победе, которой не было...

А проход в нее теперь, между прочим, стоит десять евро. Когда я это узнал, то невольно вспомнил об Остапе Бендере, собиравшем деньги на ремонт пятигорского Провала. Ну что ж, в каждом монастыре свой устав.

Я прекрасно понимаю Карину, понимаю причины ее разочарования. Нельзя сказать, что Париж совсем ее не впечатлил – это не так. Я помню ее восторг на обзорной площадке у Сакре-Кёр – в нем было что-то детское, как у ребенка, неожиданно оказавшегося в Диснейленде. Ее восхитил и сам собор, и вид на Париж, открывавшийся с его обзорной площадки.

Я видел, как ей понравился Версаль. Наверно, трудно устоять перед великолепием и роскошью Большого Трианона. К тому же она призналась мне, что мечтала побывать в резиденции французских королей еще со времен просмотра «Марии-Антуанетты» Копполы.

Мы ходили по залам Трианона в компании русскоязычного и, надо сказать, тактичного и неназойливого экскурсовода – потомка эмигрантов из первой волны. Тактичность нашего сопровождающего оказалась столь велика, что он позволял нам оставаться наедине в понравившемся нам месте довольно надолго (впрочем, уединение это являлось весьма относительным, поскольку единственным недостатком Версаля наших дней являлась его многолюдность). В один из таких моментов Карина призналась мне, что не понимает, почему французы отказались от монархии, с учетом окружающего великолепия.

Я объяснил ей, что это великолепие было доступно немногим, более того – у большинства людей не имелось вообще никаких шансов даже увидеть этот дворец, не говоря уж о том, чтобы его посетить. Настроение Карины моментально поменялось: она согласилась с тем, что жестоко жить в такой роскоши, когда большинство людей живут в нищете.

– Но у каждого человека не может быть Версаля, – сказал я.

– У каждого человека должен быть шанс построить свой Версаль, – убежденно сказала она.

В этом было рациональное зерно, но у меня осталось неприятное впечатление – не от слов Карины, а от внезапно проснувшейся в ней Снежной королевы. Впрочем, вскоре ее сменила Золушка, куда более органичная в окружавших нас интерьерах.

Ей понравился Версаль, но не понравился Лувр. Лувр показался ей скучным, что меня удивило. Лично у меня от его коллекций захватывало дух, Карина же смотрела на все довольно равнодушно. Причину этого я выяснил довольно быстро, в знаменитой галерее, где, согласно Дэну Брауну, наемник Опус Деи убил хранителя тайны Моны Лизы. Собственно, раздражение Карины как раз «прорвалось» у этого полотна.

– Все не так, – сказала она задумчиво. Вообще-то, если бы я (опять-таки, спасибо Интернету) не был готов, возможно, я бы тоже почувствовал себя разочарованным. Потому я не стал переспрашивать, что не так, но Карина сама мне пояснила: – Все не такое величественное, как на картинках. Старинные статуи выглядят грубыми и обветшалыми, картины – или слишком маленькие, или... не знаю, но все не так, как я думала.

Я пожал плечами, не зная, что ей возразить. Я, в общем-то, далек от искусства, но меня, как я уже сказал, коллекция Лувра впечатлила. Тициан, Боттичелли, тот же Да Винчи... наверно, прежде чем посмотреть на что-то наяву, лучше побольше узнать об этом в Сети...

Но хуже всего на Карину подействовал собор Парижской Богоматери. Я, признаться, не сразу это понял. Казавшийся издалика темным, вблизи он

как-то посветлел, и его громада показалась мне чем-то фантастическим: возносящиеся к небу башни, огромная розетта, статуи королей, сверху вниз глядящие на снующих внизу простых смертных... Внутри собор был столь же величественным, как и снаружи, поражая высотой пролета нефа, к тому же Нотр-Дам обзавелся голосом – на нем появились колокола, внутри звучал орган...

Однако Карина следовала по «тропе паломника», по которой проходили посещавшие Нотр-Дам туристы, закусив нижнюю губу и глядя на все отрешенно. Когда я попытался восхититься величием собора, она лишь плечами пожала:

– Церковь как церковь, только большая и старая.

– А чего ты ожидала? – удивился я.

Она опустила взгляд и сказала медленно:

– Я ожидала чего-то более мрачного, более таинственного, более интригующего и пугающего. Как в мюзикле.

Я понял, о каком мюзикле она говорит, и не стал развивать тему. Не люблю «Нотр-Дам» ни во французской, ни тем более в русской интерпретации, может, потому, что читал Гюго, а может, потому, что тема из этого мюзикла в свое время набила оскомину, ведь звучала она в каждом кафе, в каждой проезжающей машине...

В целом Париж, похоже, вызвал у Карины разочарование. У меня не вызвал – я живу в Сети и, по чужим рассказам, знал, к чему готовиться. Повторю: очарование Парижа никуда не делось, как никуда не делись фрески старинного, многократно отреставрированного собора. Но так же, как эти фрески часто скрыты под слоем более новых, а порой и просто заштукатурены, закрашены или покрыты многовековыми слоями копоти и пыли, так и очарование Парижа, который стоит мессы, утонуло в современности с веселым бульканьем.

Да простят меня парижане. Мне действительно понравился их город. И не только Сакре-Кёр, Нотр-Дам де Пари, Версаль и Лувр. Мне удалось почувствовать тот романтический тон, за который Париж всегда любили артистичные натуры. Но как непросто уловить это в современном Париже! Этот город всегда был многолюден, как Вавилон, в нем всегда было много иностранцев, но сейчас – такое ощущение, что ты не в сердце Западной Европы, а в каком-нибудь Маракеше. Встречал я блогеров, критиковавших нашу власть за многолюдство на мусульманских праздниках в Москве. Сам живя в этом городе, однако, никаких намеков на это многолюдство я не замечал, но, возможно, я не особо внимателен или мне не «посчастливилось» побывать в нужное время в нужном месте. В Париже,

однако, мусульманскую общину не заметить было невозможно. То, что многие названия заведений дублированы арабской вязью, меня не поразило. Меня поразило то, что в некоторых кварталах арабские названия дублируются по-французски. К тому же не всегда, иногда они сделаны только арабской вязью.

Я отнюдь не отношу себя к скинхедам или нацикам; эта категория мне противна настолько, что я даже баню у себя в сети их страницы. Но местами в Париже (и даже на Елисейских Полях, которые, пожалуй, разочаровали меня больше всего) мне хотелось спросить – а где, собственно, Франция? И что делают французы в этом ближневосточном мегаполисе?

Мы с Кариной и близко не приближались к печально известному Моленбеку, но несколько раз чувствовали к себе нездоровый интерес со стороны вездесущих групп молодых людей арабской и африканской наружности. Пару раз на нас налетали стайки ребятишек, якобы случайно, но я (будучи предупрежден теми же записями из блогов) чувствовал, как эти от горшка два вершка наследники Салах-ад-дина своими ручонками пытаются шарить у меня по карманам. Им, понятно, обломилось – все ценное я держал у себя в нагрудном кармане куртки, а Карина – в крохотном клатчике. Я предлагал ей отдать мне паспорт и ценные вещи, но она отказалась и едва не поплатилась за это – на пешеходном переходе какой-то ушлый малый едва не вырвал у нее этот клатчик. Однако я тут же (опять-таки, по совету блогеров) громко сказал ему пару тех русских слов, которые нечасто встретишь в академических словарях. Сработало – клатчик был спасен, а Карина – дико удивлена тем, что я умею материться (я не стал ей рассказывать, что выдал первые две строчки одной из версий Большого Петровского загиба).

А один раз к нам даже подошло несколько молодых, плохо одетых людей, судя по лицам – из разных ближневосточных и североафриканских областей, но собравшихся в единую компанию. К счастью, они еще издали начали «выражать неприличное восхищение» Кариной (на арабском, но я, опять-таки, прочитал о подобном в одном из блогов, потому понял, о чем идет речь), потому не успели они подойти на расстояние плевка, как я посмотрел прямо в глаза одному из них, горбоносому и чем-то похожему на Бандераса, но с подживающим фингалом под глазом, который мне показался вожаком этой стаи, и внятно сказал:

– I am from Russia. Do You have some problem?

Эта, в общем-то, совершенно нейтральная фраза подействовала так, как надо: молодые люди аккуратно обогнули нас с Кариной и сделали вид,

что дико заинтересовались магазином халяльной мясной продукции (на витрине этого магазина гордо высилась кабанья нога для хамона, возможно, тоже отнесенная к халяльной пище; если учесть, что алкоголь, который Пророк не любил столь же сильно, как и свинину, потреблялся здешней смуглой молодежью повсеместно, я этому ничуть не удивлюсь), а мы продолжили свой путь.

* * *

Впечатление «Нового Могадишо» только усиливала грязь, прочно поселившаяся на парижских улицах. Говорят, Париж и раньше чистотой не отличался, но это... загаженные улицы, загаженный Венсенский лес, Сена, несущая своими волнами целлофановые пакеты и пятна мазута... Даже такая, казалось бы, незыблемая вещь, как Елисейские Поля, и то не избежала этого поветрия – у самой Эйфелевой башни ветер лениво волочил по улице вездесущие макдоналдсовские и старбаксовские стаканчики, вокруг лавочек и урн громоздились залежи мусора, а вездесущие голуби растаскивали по округе недоеденные бигмаки. У меня сложилось стойкое впечатление, что чистота в Париже нужна была только французам, притом старше среднего возраста. Только они выглядели опрятно, и только они использовали урны по прямому назначению. Молодежь же, независимо от цвета кожи, вела себя совершенно по-свински: кажется, съесть мороженое и бросить упаковку под ноги считалось здесь чем-то совершенно обыденным.

Мое нелестное мнение о молодых парижанах Карина разделяла целиком и полностью. Поводом для этого послужило, однако, вовсе не то же, что у меня. Карине не нравилось то, что аборигены, близкие ей по возрасту, с ее слов, одевались как бомжи, громогласно слушали низкопробный рэп и порой колбасились под него, так сказать, не отходя от кассы, а их волосы, опять-таки со слов Карины, казалось, не мыты с прошлогоднего Дня взятия Бастилии.

И все-таки за всем этим – за столпотворением приезжих, ведущих себя как хозяева в самом плохом смысле слова, за горами мусора и неопрятностью улиц, за разрисованными малохудожественными граффити старинными стенами – жил и дышал тот самый романтический Париж, так любимый поэтами, художниками и прочими творческими людьми. Я сумел его разглядеть, сумел почувствовать тот флёр загадки и романтики, который поселился на берегах Сены едва ли не со времен Хлодвиг. Более того –

сейчас, в наше время, Париж показался мне даже более привлекательным, чем тот, что я видел в рекламных буклетах и видеороликах с сайтов турагентств. Беззащитный, ранимый и униженный, он еще больше притягивал. И я даже подумывал бы о том, не прикупить ли здесь какую-нибудь недвижимость – квартиру, а может, и баржу, если они продаются... если бы не Карина.

* * *

Мы с Кариной сидели в ресторане «Жюль Верн» (если кто не знает, Ги де Мопассан называл его «единственным местом в Париже, откуда не видно Эйфелеву башню», поскольку он находится на площадке этой самой башни). Это был уже не первый наш визит на эту конструкцию, и даже пообедать на ней мы успели, но, так сказать, этажом ниже – в ресторане «Эйфель-58». Обед шел в одном пакете с посещением «Мулен Руж» и прогулкой по Сене на маленьком, производящем удручающее впечатление прогулочном катере. Мне прогулка понравилась, но Карине нет: погода была по-весеннему свежей и прохладный атлантический ветер, если мне не изменяет мой склероз, именовавшийся аквилон, не позволял сполна насладиться пребыванием на прогулочной палубе, да к тому же нагонял короткую, противную волну, от которой у нас к исходу прогулки появились легкие симптомы морской болезни. А вот «Мулен Руж» пришелся Карине по душе, и меня это искренне порадовало. Мы вернулись в номер под утро и провели там довольно страстную ночь, если можно так выразиться: когда мы, усталые и довольные, заснули в обнимочку, солнце, предательски прятавшееся во время нашей прогулки по Сене, ничтоже сумняшеся освещало древний город едва ли не из зенита.

В «Жюль Верн» попасть оказалось сложнее, поскольку сам ресторан меньше и столики в нем бронировались на недели вперед. К тому же их «значимость» разнилась – более востребованными являлись стоящие по периметру, ведь основной смысл такой трапезы и состоял в том, чтобы поглощать пищу на фоне парижской панорамы. Да и сам периметр оказался неравнозначен в этом отношении – та его часть, что выходит на Елисейские Поля, кажется, вообще была недоступна простым смертным, и я взял столик в другом месте, недалеко от одной из ажурных балок. Отсюда открывался прекрасный вид на Йенский мост и набережную Бранли. Перед нами величественно текла Сена. По ней, несмотря на поздний час, медленно плыли расцвеченные праздничной иллюминацией бранья нашего

утлого корытца, заставившего нас с Кариной ощутить все прелести морского круиза до изобретения успокоителей качки, а оба берега реки были заполнены россыпью бриллиантов-огней: как и Москва, как и любой другой мегаполис, Париж никогда не спал, но у него это получалось особо артистично, неприлично и празднично.

Да, я полюбил Париж – вопреки всему тому, о чем сказано выше. Легко, наверно, любить что-то, в чем нет недостатков, вот только единороги и эльфы в природе не существуют, а ангелы если и существуют, то невидимы человеческому глазу. В реальной жизни у всего есть изъян; когда мы влюблены, мы не замечаем этих изъянов, но настоящая любовь начинается как раз тогда, когда все они становятся нам известны – и мы принимаем того, кого любим, таким, какой он есть.

Увы, но Карина не разделяла моих чувств. Наша спонтанная поездка сразу же не вызвала у нее энтузиазма. Если бы можно было откатить все назад, наверно, я обставил бы это как-то по-другому, но тогда мне это показалось хорошей идеей. Я-то подготовился заранее, начал еще с Нового года, который мы с ней впервые провели вместе, вдвоем. Я увез ее на юг, в Крым; признаться, сначала она тоже оказалась недовольной.

– Ехать на Черное море зимой, когда ни искупаться, ни позагорать? Нонсенс! – говорила она, но неделя в полупустом пансионате на ЮБК, неделя ласки и неги, которую никто не прерывал, ее переубедила. К тому же персонал относился к нам как к королевской чете, что тоже пришлось по душе моей Золушке.

Я был счастлив... хотя почему «был»? С нашего первого свидания чувство счастья не покидало меня ни на минуту. Почему-то счастье представляется как безоблачный штиль, лишенный даже намека на какие-то проблемы, но это не так. Парадокс заключается в том, что счастье можно найти, наверно, даже посреди самой жестокой бури. Счастье не означает отсутствия проблем. Пока человек жив, какие-то трудности и неприятности в его жизни всегда будут. Но это все – такие пустяки в сравнении со смертью и любовью.

До нашей поездки в Крым мы не говорили о чувствах вообще. Все было как-то странно: второго сентября я позвонил Карине, предложил встретиться, она согласилась... и мы стали встречаться. Сначала два раза в неделю, потом чаще. Наше общение менялось незаметно, по крайней мере для меня. За это время я узнал, что Карина попеременно бывает то Золушкой, то Снежной королевой – она то застенчива и скромна, как Золушка, то холодна и отчужденна, как Снежная королева. Как ни странно, я воспринял это совершенно спокойно, к тому же вскоре научился

«переводить» ее из одного состояния в другое. Наше общение становилось все более доверительным, и вот я взял ту самую путевку в зимний Крым.

Там мы впервые заговорили – нет, не о чувствах, а о нашем совместном будущем. Я сказал ей, что у нас впереди еще много путешествий. Ей хочется моря и лета? Что ж, в следующий раз мы уедем в лето – когда ей будет удобно. В ответ она, ничуть не удивившись моему предложению, сказала, что всегда хотела увидеть Париж. Я пообещал ней, что она будет в Париже.

– Посмотрим, – ответила она.

А что смотреть-то? Вернувшись домой, я занялся подготовкой нашей поездки, решив подгадать все к пасхальным каникулам. С учетом того, что в средствах я был не стеснен от слова «совсем», все задуманное мне удалось, за исключением столика с видом на Елисейские Поля. Вместо полей был Йенский мост – и что с того?

Однако у Карины сложилось иное мнение по этому поводу.

Пока шли мои приготовления, многое изменилось. Например, я созрел для того, чтобы предложить Карине переехать ко мне. Поводом стали ее перманентные жалобы на свою квартирную хозяйку. Как я уже говорил, эта особа не позволяла Карине приходить поздно, поэтому, если мы с Кариной выбирались куда-то, она ночевала у меня. Вообще говоря, перебраться ко мне я предложил почти сразу – в середине сентября, я приобрел себе квартиру в живописном месте на окраине Москвы, при этом, повинувшись какому-то подсознательному посылу, выбрал четырехкомнатный пентхаус. А зачем мелочиться, если деньги есть? Родительскую квартирку, чтобы не пустовала, я сдал знакомому Матвея, китайцу с оригинальной и необычной для Поднебесной фамилией Ли. Кстати, сам Матвей после свадьбы, где я, как и обещал, был свидетелем, смотался со своей рыжей Дашей в этот самый Китай и выкладывал в блоге их селфи на Великой стене, так и не остановившей Чингисхана.

Так что я перебрался в самый настоящий пентхаус, но при этом не учел одного момента: в этой огромной квартире мне было чертовски неуютно. Стояла она полупустой, поскольку времени и желания заниматься тем, чтобы ее обставить, у меня не появилось, к тому же почти всю обстановку родительской однушки я оставил тезке Брюса из Гонконга. Я обжил только самую маленькую комнатку, где работал и спал, и немного кухню. Так что предложение переехать ко мне являлось логичным, но Карина его принять не спешила.

Однако ее квартирная хозяйка, с которой я так и не познакомился, поскольку Карина боялась, что мой визит вызовет у старой девы истерику,

неожиданно заявила, что сдает свою жилплощадь не за тем, чтобы арендатор по ночам шлялся неведь где. Карина очень расстроилась, но даже тогда мне стоило огромных усилий переубедить ее перебраться ко мне. Я совершенно не понимал, что ее удерживает: к тому моменту наши отношения зашли уже очень далеко. Хотя черт его знает, может, у меня представления какие-то отсталые и теперь секс уже не рассматривается как что-то из ряда вон выходящее?

Тем не менее я был уверен, что Карина не из девочек, для которых прыгнуть в постель к мужчине – все равно что коктейль в баре хлопбытнуть. Все ее поведение указывало именно на это. Я выступал инициатором каждого нового шага в этом направлении, и мне приходилось преодолевать ее смущение, но, когда это удавалось, Карина полностью раскрывалась навстречу моим ласкам, отдавалась им с удивительной жаждой. Например, я пытался ее поцеловать в губы два свидания подряд, но когда мы, прощаясь, все-таки переступили эту грань, мы страстно целовались, наверно, полчаса.

В общем, если в мире существуют нормальные сексуальные отношения, то это как раз наши отношения с Кариной. Хотя смотря что считать нормой. Например, она, по непонятной мне причине, приучила меня к легкому доминированию. Нет-нет, никаких связываний и пороков, просто психологическая игра, даже не на грани фолла. Просто она всегда дает мне понять, что отдается мне, отдается целиком и полностью. И от этого наша любовь становится только крепче.

* * *

Забавно, но мы с ней не говорим о любви. Совсем. То есть я не могу вспомнить, чтобы признавался ей в своих чувствах, и она тоже о своих чувствах никогда не говорит. За нас говорят наши действия, наши поступки, взгляды, жесты. Какая-то молчаливая любовь, вполне соответствующая моему и ее характеру.

Так вот, в конце зимы Карина все-таки перебралась ко мне жить. Мы как-то незаметно стали чем-то вроде семьи: совместно выбирались за покупками, вместе вели хозяйство, немного обставили квартиру. За всеми этими хлопотами я чувствовал какой-то странный, но очень приятный уют в душе. И очень надеялся порадовать свою Золушку внезапной поездкой в город, о котором она мечтала.

Я совершил ошибку в том, что решил сделать это для нее сюрпризом.

Вообще говоря, в любой ситуации следует ставить себя на место другого человека. Если бы мне сказали кругом-бегом делать что-то такое, что бы мне, возможно, и хотелось, но к чему я был не готов – я, наверно, тоже не обрадовался наверняка. С чего же я решил, что это понравится Карине?

Если бы я сказал ей об этой поездке заранее, все сложилось бы по-другому. Во-первых, какое-то время она жила бы в предвкушении чуда, а это предвкушение иногда даже слаще самого чуда – по себе знаю. Во-вторых, она бы подготовилась и ехала бы с другим настроением, а так...

Нет, Карина старалась ничем не выдать плохое расположение духа. Последнее время она вообще не включала при мне «режим Снежной королевы», но порой ее льдистый взгляд и отрешенность проступали сквозь милые черты Золушки. В Париж со мной летела именно Снежная королева, только притворяющаяся своей домашней ипостасью. И, конечно, полюбить Париж таким, как мы его увидели, она не могла.

Вообще, говорят, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда, но при этом почему-то считают, что для любви не нужно никаких усилий – дескать, любовь сама приходит, когда ее совсем не ждешь. Да, приходит она сама, не спрашивая разрешения. Садится, как жар-птица на перила балкона. Но если не поймать ее, не удержать, обжигая пальцы о пламенеющие перья, – от нее только воспоминания останутся и ожоги, в лучшем случае – на сетчатке, но чаще – на сердце.

– Сегодня наша последняя ночь в Париже, – напомнил я Карине. – Завтра мы улетаем.

Она вздохнула:

– Ты, наверно, сердишься на меня?

– За что? – удивился я.

Она протянула руку и коснулась пальцами моей руки.

– Ты так хотел меня порадовать, – сказала она. – Не думай, что я это не оценила.

Я перехватил ее пальцы, слегка сжав:

– Ну что ты... мне просто хочется, чтобы тебе было хорошо.

Я хотел бы сказать, что мне хочется дарить ей радость. Воплощать ее мечты, исполнять ее желания. Видеть, как в глазах ее Золушки вспыхивает свет счастья. Наверно, нам чаще надо говорить то, что думаешь. От наших слов, от того, как и когда они сказаны, зависит так много. Словом можно поразить, а можно залечить раны.

И ты не знаешь, не можешь знать, успеешь ли высказать то, что необходимо. Будущее не принадлежит нам, и что скрывается в его темноводье, не знает ни одна живая душа. Потому если в душу приходят

хорошие, правильные слова – спешите высказать их. Потом может быть поздно...

– Я знаю, – тихо ответила она. – Для меня это очень важно. Просто я хочу, чтобы ты знал – мне очень с тобой хорошо. Я счастлива, что случай свел нас. И если даже я раздражаюсь, то не на тебя, понимаешь?

– Я знаю, – сказал я. Мне казалось, я действительно знал это.

– Просто... – Она отодвинула руку,хватила пальцами с авторским маникюром, нежно-розовым с серебряными стразами, салфетку и скомкала ее, словно собираясь сделать оригами. – Я, наверно, неправильная. Я должна бы излучать восторг, глядя на всю эту красоту, но меня отвлекает шум в зале, меня раздражает суeta и многолюдство, мельтешение официантов и громогласность арабов... черт, я думала, хоть здесь нет чурок!

– В Париже? – уточнил я.

– В ресторане, – ответила она. – Блин, и я когда-то еще считала, что в Москве много нацменов! Да по сравнению с Парижем Москва – это... это...

Она не смогла подобрать сравнение. Я же понимал, о чем она. В дорогом и людном ресторане «Жюль Верн» европейцев можно было легко по пальцам пересчитать. Здесь присутствовали японцы, китайцы, индусы, были арабы и негры, а из европейцев оказались только мы и еще одна компания за большим восьмиместным столом с видом на Елисейские Поля – судя по доносившимся до меня обрывкам фраз, то ли поляки, то ли украинцы, или, может, белорусы.

Я национализмом и расизмом не страдаю. В Сети, где я провожу большую часть времени, нет никакой разницы, какой национальности или расы твой собеседник. Свои впечатления из Сети я переношу и в реал, потому спокойно отношусь к любому человеку, будь он хоть австралийский абориген (которых, правда, я в жизни еще не встречал). Но мне понятна реакция Карины, раньше снимавшей квартиру в районе, где в каждом подъезде хрущевки есть своя резиновая квартира, а то и не одна; тем более – после позавчерашнего инцидента. Признаться, мне самому было чертовски страшно – если бы моя бравада не сработала, мне бы пришлось драться одному с несколькими арабами, которые к тому же к дракам с детства привычны, в отличие от меня – я кулаки последний раз в ход пускал лет пять назад.

Наверно, в основе любой нашей «нетолерантности» лежат объективные причины. И для того чтобы преодолеть предубеждения, усилия надо прилагать с обеих сторон, и со стороны «угнетенных»,

наверно, даже большие. Не требовать себе место под солнцем, а демонстрировать миру свое дружелюбие. В Париже, да и во всей Европе, победил прямо противоположный подход, и «угнетенные меньшинства» сами стали угнетать других. Но преодолеть любой конфликт можно только путем взаимных уступок. Если же одна сторона получает больше за счет другой – это только растягивает пружину конфликта, и когда-то эта пружина еще ударит, и очень, очень больно...

– О чем ты думаешь? – спросила Карина.

– Ты не поверишь, – ответил я. – О политике.

Я откинулся на стуле и посмотрел на Карину. Она, в свою очередь, задумчиво смотрела на меня, непроизвольно покручивая пальцами ножку бокала.

– Наверно, это странно, – сказал я. – Мы в самом сердце самого романтического города на земле...

Карина слегка кашлянула. Я понимал, что она имеет в виду: назвать современный нам Париж романтическим можно было только от большой любви к этому городу.

– ...и к тому же в компании самой прекрасной из женщин, – продолжил я. Карина смущенно отвела взгляд. Она почему-то очень смущалась от моих комплиментов и даже просила не говорить такого, но тут я оказался непреклонен, и ей пришлось смириться с моими дифирамбами в ее честь. Наверно, это была не самая неприятная капитуляция в истории, как мне кажется. И вообще, я не понимаю, как можно любить и не проявлять своего восхищения тем, кого любишь. Восхищение – это дыхание любви, это ее пульс.

– ...а я думаю о столь прозаичных вещах... – продолжил я. – Что поделать? Я так хотел исполнить твою мечту...

– Ты ее исполнил, – тихо сказала она. – Не твоя вина, что мечта оказалась не такой, как мне представлялось. Именно это я и пытаюсь тебе сказать.

Она протянула руку и коснулась моего запястья. Черт, им стоило бы сделать столики поуже, некстати подумал я. Тоже мне интимная обстановка, для того чтобы проделать эту операцию, Карине пришлось наклониться вперед и даже чуть привстать. Впрочем, нет худа без добра: вырез ее коктейльного платья при этом довольно щедро открыл вид на ее прекрасную грудь.

Мой внутренний циник заметил, что это очень странно – несмотря на то что в интимных вещах у нас, кажется, уже не осталось никаких секретов, этот вид меня волновал, вполне по-мужски. Впрочем, уже не так, как

раньше, то есть по-другому. Я знал, что сегодня ночью смогу ласкать эту грудь, и мое воображение возбуждалось скорее предвкушением этого, чем чем-то еще.

– Наши мечты не всегда оказываются тем, что мы ожидаем, – сказала она, понизив голос, будто это был какой-то секрет, – и совершенно не важно почему. Может, дело даже в нас самих. Конечно, я порой чувствую себя здесь как ребенок, который увидел обгоревшие развалины Диснейленда. Но...

Она замолчала, а я представил себе обгоревший Диснейленд, почему-то под завесой тумана, вроде того, какой бывает в фильмах ужасов. Периодически образность мышления Карины меня восхищала – как та кошечка-осень из самого первого прочитанного мной поста.

– Но даже развалины Диснейленда могут быть прекрасны, а, при должной фантазии, заброшенные аттракционы столь же увлекательны, как и открытые. Особенно если учесть то, как меня раздражают клоуны и ражженные аниматоры.

Карина улыбнулась... я видел на витрине книжного, в который мы заходили еще в Москве, на Новом Арбате, книгу «Пятьдесят оттенков серого». Не знаю, о чем эта книга, и, если честно, мне трудно представить увлекательный роман с таким названием, но с тех пор я стал замечать оттенки буквально во всем. И у улыбки Карины этих оттенков насчитывалось многим больше, чем пятьдесят. Она была одновременно робкой и вместе с тем... отважной, что ли, потому что именно отвага нужна для того, чтобы выразить мнение, отличное от мнения окружающих. Карина действительно оказалась «не такой», не похожей на других, и иногда я даже думал – уж не это ли и заставило меня ее полюбить? Что такое красота, что такое привлекательность? Может ли массовое, штампованное, одинаковое быть привлекательным? До Карины мне, честно говоря, становилось скучно с женщинами уже на втором-третьем свидании. Кажется, это было взаимно – ни с кем из тех, с кем я встречался до нее, я не расходился со скандалом, но ни к кому не желал вернуться, и никто не желал вернуться ко мне.

А Карина... один раз мне приснилось, что мы расстаемся, и я проснулся буквально в холодном поту. Потом вспомнил этот кошмар наяву – и испугался еще больше. Я ни за что не признался бы ей в этом, но я стал от нее зависим, как диабетик от дозы инсулина.

Надо сказать ей, что я ее люблю. Здесь – и прямо сейчас.

– Понимаешь, – продолжила она, – я не увидела того Парижа, о котором мечтала, это правда. Но это не важно. С тобой, Сережа, даже

прогулка по промзоне может показаться занимательной экскурсией. Ты знаешь, я не ожидала ничего хорошего от нашего общения. Мне казалось, что люди твоей профессии слишком унылые, понимаешь?

– Нет, – откровенно сказал я. – Разве программист может быть унылым? Мы создаем нечто живое, ведь написанный нами код – это программа, и она оживает, если ее запустить. А «Мы» – вообще целый мир...

Она опять улыбалась, ласково, но как-то... как взрослый при виде ребенка, серьезно повествующего о каком-то своем детском «открытии». Потом опять потянулась и приложила мне палец к губам.

– Я уже поняла, – ответила она. – Уже очень давно поняла, сразу как познакомилась с тобой, Сережа. Вот потому-то я и говорю, что в жизни не встречала человека интереснее тебя.

Она слегка пригубила вино.

– Все-таки мы, женщины, очень странные. Мы ищем ярких и успешных, но на самом деле каждой из нас нужен только тот, с кем бы ей было интересно. Потом те, кто нашел своего «успешного», жалуются на несусветную скуку... сами виноваты. Как те сороки, которые тырили бриллианты с ювелирной фабрики... на кой сороке бриллиант?

– Погоди, – сказал я, – то есть меня ты считаешь тусклым и неуспешным?

Она посмотрела на меня удивленно и, кажется, даже немного испуганно:

– Почему ты так решил?

– Потому, что я тебе нужен только как интересный чувак, – продолжал я, стараясь сохранять покер фейс, чтобы она не поняла, что я шучу. С другой стороны, мне было интересно, что она на это скажет. Хотя то, что она уже сказала, мне решительно нравилось.

Я ведь был, по моим меркам, чертовски богат – и не только по моим меркам, пожалуй, долларовые миллионеры не на каждом шагу встречаются даже в Дефолт-сити. Да и известен – пару раз я даже появлялся на страницах глянца, а специализированным изданиям интервью давал довольно регулярно. Конечно, не Бред Питт и даже не Джонни Депп, но...

– Ну что ты, – ответила она серьезно. – Не только поэтому. Ты еще прекрасный фотограф. И тяжелые чемоданы носить умеешь. И с высоких полок что-нибудь можешь достать без табуретки...

Кажется, я все-таки не сохранил покер фейса и даже на какой-то миг решил, что она говорит совершенно серьезно...

Конечно, она шутила. И рассмеялись мы в унисон. Четверо японцев за

соседним столиком уставились на нас с непониманием. За другим столиком рядом с нами сидели три араба, и на их бурное обсуждение чего-то на языке Мухаммеда и саудовских принцев наше веселье не повлияло.

В блогах я часто натыкался на фразу, что по-настоящему близкими людьми являются те, с кем ты можешь валять дурака. Раньше я думал, что это всего лишь очередная сентиментальная глупость из серии «меня трудно найти, легко потерять и невозможно забыть», прямо как правый носок. Но теперь я убедился – иногда то, что кажется нам совершенно банальным, оказывается непреложной истиной.

Глава 2

Не в Сети

Сергей Аникеев загрузил 27 фотографий 3 мая 05:15

Сергей Аникеев.

7 мая 05:25

Внезапно открыл для себя новое хобби – фотографию. Оказывается, я неплохой фотограф. Вот зацените – результат выложил постом выше.

Конечно, у меня идеальная модель, да и антураж располагающий. Но, как я уже говорил, «Париж сильно изменился за лето», а я перфекционист. Никогда не думал, что так сложно подобрать пейзаж, не обезображенный людьми. Даже в Париже. Особенно в Париже.

Но фотки получились – просто класс, и, как мне кажется, я все-таки поймал атмосферу романтики, за которую, собственно, всегда и ценили город-на-Сене. Жаль, что Карина некоторые планы не одобрила. Местами даже вандализм бывает милым (смотрим фото номер три), хотя это, конечно, ересь и вообще. Но получилось романтичненько, не правда ли?

Ладно, бог с ним, с пейзажем, скажу о другом. Моя внезапно возникшая любовь к фотоискусству является как бы продолжением моей любви к Карине. Действительно, есть что-то потрясающе волшебное в том, чтобы запечатлеть образ любимой, и я даже жалею, что не умею рисовать, это, наверно, еще круче.

Иными словами, фоток теперь будет много. Кажется, Карине не меньше нравится сниматься, чем мне снимать. Жаль лишь, что три четверти полученных снимков она, по каким-то своим соображениям, забраковала. Она говорит, что ей не нравится, как она выглядит, но, поглоти мой мосх Ктулху, я не понимаю почему. Для меня вообще не понятно, почему одни снимки она считает годными, а другие – уродством. Ей, наверно, виднее.

У нее вообще безукоризненный вкус во всем. Порой эта безукоризненность реально напрягает. Она даже начала влиять и на мои вкусы, откуда в моем гардеробе появились толстовки вместо свитеров и пары из пиджака и рубахи. Я стойко отбиваюсь от ее попыток найти мне джинсы «помоднее». К сожалению, «помоднее» – это либо с прорезами, либо такие, что, простите мне мой французский, копчик выглядывает. Второй фасон я искренне считаю преступлением против человечества вообще и его мужской половины в частности, а первый – я что, бомж, чтобы носить дырявое?

Увы, мода – такая странная вещь... когда я смотрю на то, что называют «иконой стиля», то невольно вспоминаю сказку про голого короля. Такое впечатление, что конспирологи правы и власть над Землей действительно захватили рептилоиды-телепаты с планеты Нибиру, которые теперь соревнуются в том, как бы выставить жалких людей в виде максимально смешном и неприглядном. Я уже рассказывал выше о том, что нам с Кариной довелось понаблюдать гей-

парад. Буду нетолерантен, но, как говаривал мой тотемный зверь, ослик Иа-Иа, омерзительное зрелище. Правда. И не потому, что я гомофоб, мне вообще все равно, кто с кем спит, но зачем же делать это на публике, да еще и в такой тошнотворной форме?

Так вот, вернемся к красоте. Красоту в моем понимании зовут Карина. И у нее, как я уже говорил, безукоризненный вкус, в чем каждый может убедиться, глядя на фотки. И кстати, сама Карина к моде относится вовсе не так трепетно, как может показаться на первый взгляд.

Ее манеру одеваться отличает то, что зовется малоупотребимым, полузабытым словом «элегантность». Все у нее к месту, все гармонично подобрано, и даже рано утром в пижаме она выглядит так, что хоть сейчас на подиум. Или на обложку журнала.

Впрочем, вы сами можете это оценить, просмотрев фотографии. Но фото в пижаме не будет.: Р

ЗЫ, если появится желание указать мне на мои недостатки как фотографа – милости прошу, но «заклинаю вас, во имя всего святого, если жизнь и рассудок дороги вам», не критиковать модель. За это бан, и не забывайте, кто администрирует сеть;)

Комментарии:

Реликтовый ёж, 7 мая 08:07

Горизонт завален!

Сергей Аникеев to Реликтовый ёж, 7 мая 08:15

))))

Sabre, 7 мая 08:22

Для начала неплохо. Я бы посоветовал держать камеру чуть наклонно, как на последних двух снимках.

Глория Ченцова, 7 мая 08:24

Здорово! Вот бы мне такого «персонального фотокорреспондента»!

Сергей Аникеев to Sabre, 7 мая 08:25

Я и сам уже до этого дошел. Теперь я понимаю, почему фотографии на колено опускаются при съемке.

Сергей Аникеев to Глория Ченцова, 7 мая 08:29

Спасибо! – <-8

Sabre to Сергей Аникеев, 7 мая 08:42

А какая у тебя камера?

Сергей Аникеев to Sabre, 7 мая 08:51

[Внешняя ссылка]

Sabre to Сергей Аникеев, 7 мая 09:14

Круто! В ней же блютус есть, я ничего не путаю?

Сергей Аникеев to Sabre, 7 мая 09:21

Есть, только на фига он там нужен?

Маргарита Лютик! 7 мая 09:27

Вау, какая девочка! Серж, вам повезло с моделью!

Sabre to Сергей Аникеев, 7 мая 09:29

Для обвеса же! Короче, покупаешь к ней внешний видеоискатель, типа как очки виртуальной реальности, и можешь снимать хоть от пуза.

Сергей Аникеев to Маргарита Лютик! 7 мая 09:31

Спасибо! Я ей то же самое говорю!

Сергей Аникеев to Sabre, 7 мая 09:32

??? От пуза – это как? А как в видеоискатель смотреть?

Sabre to Сергей Аникеев, 7 мая 11:11

Чувак, я тебя уважаю, но ты тормоз! А как снимают с беспилотников, по-твоему? Только там радиоканал, потому что беспилотник может залететь куда-то далеко, а камера сама по себе никуда не залетит, вот потому блютус. Ну, как гарнитура, только для видео, компренде?

Sabre подписался на Сергей Аникеев, 7 мая 11:13

Сергей Аникеев to Sabre, 7 мая 11:22

Мужик, ты голова! Спасибо, куплю этот прибамбас.

Sabre to Сергей Аникеев, 7 мая 11:31

Всегда пжлст. Я на тебя подписался.

Сергей Аникеев подписался на Sabre, 7 мая 11:37

Сергей Аникеев to Sabre, 7 мая 11:42

Симметрично!

Маргарита Лютик! подписался на Сергей Аникеев, 7 мая 13:00

Маргарита Лютик! 7 мая 14:07

А у вашей девочки есть страничка? Я бы подписалась!

Сергей Аникеев to Маргарита Лютик! 7 мая 14:23

Есть.

[Redirect to: [Карина Логинова page](#)]

Маргарита Лютик! 7 мая 14:27

Хм... пишет «Страница не найдена».

Сергей Аникеев to Маргарита Лютик! 7 мая 14:32

Странно, сейчас посмотрю...

* * *

С этого все и началось.

Говорят, самая разрушительная буря начинается с тихого ветерка. Но проходит время, и ветер усиливается, и вот уже угрожающе колышутся кроны деревьев, подрагивают в окнах стекла, и по улицам проносит невесть откуда взявшийся мусор, но мало кто еще понимает, что последует за этим.

Люди часто ищут какие-то знаки, но совершенно нечувствительны к тем знакам, которые действительно им даются. Потом, когда ветер уляжется, когда ущерб будет подсчитан, пережившие бурю будут вспоминать то, что предшествовало ей, и удивляться тому, как они могли проморгать столь явные признаки надвигающегося ненастья. Но лишь потом, когда что-то менять будет уже слишком поздно.

Этот пост я выложил по возвращении в Москву. Мы вылетели ночью и

были дома поутру; Карина легла досыпать (она в самолете сразу задремала и проспала до посадки), а я занялся саморекламой собственных фотографических достижений.

Мне действительно понравилось фотографировать, тут я ничуть не лукавил... да, в общем, я вообще в Сети писал чистую правду о себе, всегда. Какой смысл в лукавстве? Разве Интернет не создан как раз для того, чтобы было куда убежать из мира лжи, называемого почему-то реалом? По крайней мере, тогда я искренне в это верил, несмотря на то что неоднократно встречался в Интернете с информацией, не соответствующей действительности.

Но если «серая мышка» ставит на аватарку фото известной актрисы, а слабый мальчик рассказывает друзьям-фоловерам о том, как качал в зале железо, – может, в душе они именно такие? Я видел примеры того, как люди, робко озвучившие в Интернете свои мечты, получали такую поддержку, что решались на необходимый для реализации этой мечты шаг – и внезапно их мечта оказывалась вполне достижимой.

Знаете, когда мы во что-то верим, мы стремимся видеть и видим лишь то, что подтверждает нашу веру, и напрочь игнорируем все, что идет вразрез с нашими убеждениями. И я не думаю, что это так уж плохо, более того, я думаю, что это правильно. Нам пытаются доказать, что нужно сомневаться, но тот, кто сомневается, не достигает ничего. Например, я не верил в то, что я хороший фотограф, и именно в Сети обрел необходимую мне поддержку. Пусть часть ее была неискренней, пусть даже большая часть: какая, в сущности, разница, если я умею фотографировать?

Наверно, нельзя заниматься каким-то делом, если сомневаешься в нем. Я верил в Интернет, в его гуманитарную миссию, в то, что Сеть – не темная пропасть, губящая души (как утверждают некоторые люди, искренне считающие себя религиозными; самое странное, что свое мнение о пагубности Интернета они, ничтоже сумняшеся, выкладывают в этом самом Интернете), а путь, ведущий человека к совершенствованию, добрый путь, помогающий тому, кто им следует. Я считаю так и сейчас, несмотря на все, через что мне пришлось пройти впоследствии, а может – и благодаря этому. Чтобы полюбить что-то, мало очароваться этим. Как я уже говорил, нужно увидеть и его темную сторону, нужно узнать все недостатки того, что суждено полюбить – и лишь тогда любовь становится настоящей. Любят не «благодаря». Любят вопреки. И это, как мне кажется, справедливо для всех случаев любви.

Я удивился, не найдя в Сети странички Карины. Сначала меня посетило жгучее чувство обиды – я решил, что, по какой-то лишь ей известной причине, Карина перенесла свою страничку на один из конкурирующих ресурсов. Но, пострейфившись по сетям-конкурентам, я не нашел никаких ее следов. Тогда я сделал нечто не очень, может быть, моральное...

Для влюбленных людей, мне кажется, выходить за рамки морали иногда вполне естественно. Конечно, нарушать чужое личное пространство, может быть, и неправильно, но когда любишь, когда человек небезразличен тебе, когда его боишься потерять, иногда делаешь и предосудительные вещи... я воспользовался «электронным следом» ее устройств в домашней сети, чтобы найти те тропки, по которым она бродила в Интернете. И тут я был крайне удивлен.

Получалось так, что с момента нашего знакомства Карина прекратила всякое личное пребывание в Сети вообще. Она могла посмотреть фильм онлайн, купить электронную книгу или заказать какой-то товар в интернет-магазине, но не более того. Она удалила свои странички на «Мы» и «ВКонтакте», и даже свои почтовые ящики на рамблере и мейле, кроме одного, служебного на Яндексе. Ах да, я как-то запамятовал упомянуть, что Ксюшенька, вероятно, не забыла нашего летнего инцидента: с февраля месяца дела на работе у Карины пошли все хуже, ее перевели во внешкоры и, скажем так, не особо обременяли заданиями. В материальном плане нам это не грозило ничем, и я даже предлагал Карине вообще уйти с работы, но она отказывалась под предлогом, что ей нужны собственные средства. Вообще, она очень трепетно относилась к своей независимости, хотя эту тему мы почти не обсуждали. Вот так странно все получалось: Карина жила у меня, мы совместно вели хозяйство (звучит, может, излишне по-канцелярски, но по сути верно), а почему так все складывается – не обсуждали, равно как и тему наших чувств не затрагивали.

Ах да, я так и не сумел признаться ей в любви на Эйфелевой башне. Не знаю почему. Но я не особо сожалел об этом: будут еще в нашей жизни романтические моменты, пригодные для этого, я был в этом уверен. Эйфелева башня – не единственное в мире романтическое место.

Мы так часто медлим, не решаясь сказать самые главные слова. Порой даже медлим до тех пор, пока не станет слишком поздно. Почему? А кто знает? Страх перед важными словами, перед принятием важного решения

иррационален, он лишен логики, как и многое в нашей жизни. Это все равно что пугаться перешедшей дорогу черной кошки – умом понимаешь, что животное не может причинить тебе вред, но что-то темное, дремлющее в неисследованном, как океанские глубины, подсознании дергает, как слабый разряд тока на коже...

Меня заинтересовало такое скоропостижное бегство Карины из Сети, и я решил расспросить ее об этом, что и сделал тем же вечером. Конечно, я не сказал ей, что знаю о том, что она отовсюду удалилась. Я полушутя спросил, чем я ее так обидел, что она ликвидировала свою страничку в моей сети.

– Я вообще отовсюду ушла, – абсолютно честно ответила она. – Оставила только ящик на Яндексe и пару регистраций в интернет-магазинах, и все.

– Но почему? – с вполне искренним удивлением спросил я.

Карина пожалала плечами.

– Я разочаровалась в этом, – ответила она. – Потеряла интерес.

Если бы она ответила, что поступила так потому, что ей достаточно общения со мной, я бы удовлетворился и больше не спрашивал ни о чем. Но связь между нашим общением и ее самоудалением отовсюду была неочевидна, и я продолжил допытываться. На свою голову. В результате я вызвал у Карины что-то вроде нервного срыва, в мягкой форме и без истерик.

Сидя на кушеточке, которую мы с ней приобрели совместно, ввиду ее уютиности и удобства в смысле сексуальных экспериментов, Карина раскрыла мне то, о чем я даже не подозревал. Оказывается, у нее давно уже нарастал творческий кризис, достигнув пика как раз в момент нашего с ней знакомства.

Ей не нравилась ее работа; в самом начале своей карьеры она относилась к журналистике с энтузиазмом. Преподаватели в институте считали ее посредственностью, и она всей душой жаждала это опровергнуть. Но вскоре она поняла: никого не интересует, что и как она пишет. Она, по ее словам, могла выпустить статью, состоящую из одних междометий, но ее все равно бы напечатали и опубликовали. И это оказалось еще полбеда – она убедилась, что и тем, для кого она старалась, читателям ее газеты, было абсолютно все равно, что и как она пишет, старается ли.

Она пыталась переломить ситуацию, предлагая сотрудничество другим изданиям, но видела перед собой лишь бетонную стену – штаты всех ресурсов, и печатных, и медийных, были под завязку нафаршированы

«нужными людьми». Какой-то шанс пробиться имелся только у действительно ярких личностей...

– Но я не из них. – Она говорила без надрыва, глухо, и от этого было только хуже. – Следует признать, что Ксюшенька отчасти права – я действительно посредственный журналист.

Я поспешил ее заверить, что это не так, но она лишь отмахнулась:

– Я заводила блоги на разных площадках, но количество фоловеров у меня никогда не превышало двух десятков. Знаешь, миллионы мух не могут ошибаться.

– Ты ничего не знаешь о блогах, – сказал я. – Это только кажется, что все легко и просто: завел страничку, тиснул пару статей и проснулся увенчанный лавровым венком. На деле же Интернет переполнен информацией настолько, что найти жемчужину в этом стоге сена с каждым днем все сложнее. Двадцать фоловеров – это крутизна, уж поверь мне...

– ...сказал человек, у которого семьдесят пять тысяч подписчиков, – связвила она.

– Девяносто две тысячи, – машинально поправил я ее. – Но я администратор сети. И интересен только этим.

– Ну да, а я вот не интересна ничем, – ответила она глухо.

– Чушь! – возмутился я. – Чушь и чепуха.

– Почему? – спросила она.

– Хотя бы потому, что я тебя полюбил, читая твой блог, – выпалил я.

Она глянула на меня с интересом:

– Так ты меня любишь?

– А что, это совсем незаметно? – спросил я с вызовом.

– Заметно, – ее голос стал другим, он был столь же тихим, но в нем появились томные нотки, – но женщины предпочитают не замечать, а слушать. Женщины любят ушами. Мы не поверим, пока не услышим...

– Карина, – сказал я серьезно, – я давно хотел тебе сказать... черт, я хотел сказать тебе это еще в Париже, на Эйфелевой башне, и не понимаю, почему у меня это не получилось. Карина, я люблю тебя.

Она молча встала с кушеточки и обернулась к окну, широкому, панорамному окну, из которого вся Москва была как на ладони. Я уже успел полюбить вид из своего окна, хоть это, должно быть, странно. Но тот, что открывается из окон моей квартиры, похож на пейзаж какой-то сказочной страны: днем и ночью, в любое время года, знакомый и любимый город, предстающий передо мною, завораживает и поражает воображение...

– Хорошо, что ты не сказал это раньше, – тихонько проговорила

Карина, глядя на то, как догорает на горизонте нить заката и в опускающихся на Москву сумерках загорается россыпь огней самого лучшего города на Земле, по крайней мере, по версии группы «Браво», ну, и по моему скромному мнению. – Сережа, ты искал особое место для этих слов, но это особое место может быть где угодно, там, где эти слова будут произнесены. Знаешь, теперь для меня во всей Вселенной нет места более прекрасного, более романтического, более волшебного, чем эта твоя квартира.

Странно, но я совершенно не боялся, что она как-то не так отреагирует на мои слова, и не боялся, что она может не любить меня. Я в это не верил. Это может показаться излишне самонадеянным, но я был уверен, что Карина тоже любит меня...

Она отвернулась от окна и сказала:

– Я тоже люблю тебя, Сережа. Уже очень давно, еще с той, августовской встречи. И очень рада узнать, что это взаимно. Просто счастлива...

* * *

Когда я только перебрался в Москву, больше всего меня поразило не величие мегаполиса и даже не древность, соседствующая с современностью на каждом углу, и не только в центре, но порою и в спальных окраинах. Меня поразило то, что вообще никак не связано с деятельностью людей. То, как здесь меняются времена года.

Мы вылетали в Париж из ранней весны, и по сторонам взлетной полосы виднелись еще не стаявшие полосы снега. В Париже нас встретила классическая весна, такая, какой я ее помню с детства, – с влажным, но теплым ветром, со знобящим холодом в тени и почти что жарой на солнышке. Когда наш самолет совершил посадку в Шереметьево, мы вышли в раннее лето.

Весна наступила в наше отсутствие, и наступила стремительно, словно торопясь к нашему прилету. Холода остались позади, а впереди было только лето, ранние летние рассветы и теплые ночи, для нас с Мариной обещавшие быть жаркими.

В мае месяце в Москве светает рано. Темнота начинает отступать от города еще в половине четвертого, а в начале пятого горизонт за рекой светлеет, загораясь полосой рассвета. К пяти обычно уже светло. В пять утра солнечные зайчики устраивают чехарду на полу, и с улицы доносится

все усиливающийся голос пробуждающегося многомиллионного города...

Мы лежали на нашей кровати, формально считающейся двуспальной, хотя, по моему мнению, на ней могла бы с комфортом расположиться на ночь женская волейбольная команда. Впрочем, когда мы с Кариной сходились в любовном поединке, иногда нам и этого места не хватало, и мы завершали наше действие прямо на полу. Удивительно, как много значит секс для мужчины... нет, не так. Как сильно он влияет на мужскую уверенность в своих силах. После каждой нашей ночи я чувствовал себя, несмотря даже на понятную усталость, способным свернуть горы, даже больше – схватить за шкирку какой-нибудь завалящий Памир или Казбек и зашвырнуть куда подальше, например на Луну.

А какой прекрасной, какой цветущей становилась Карина! Вот, казалось бы, такая физическая нагрузка, наоборот, должна была бы выматывать, а нет – она словно сияла изнутри, и этот свет играл на ее ресницах, делая их слегка рыжеватыми, словно лепестки пламени.

Я гладил ее по руке, от кисти до локтя, чувствуя, как она слегка вздрагивает от этой такой невинной на фоне всего остального ласки. Она из-под полуприкрытых век смотрела в окно, где раскалялась золотая нить весеннего рассвета.

– С детства люблю смотреть, как пылинки танцуют в воздухе... – сказала она. Я чувствовал, как ее горячее бедро касается моего, скользя вниз, когда она слегка поворачивалась на бок. – Я знаю, что это всего лишь пыль, но мне кажется, что это танцуют феи...

– Я ничего о тебе не знаю, – сказал я. Это являлось правдой – я не знал о Карине ничего, не знал, откуда она родом, кто ее родители. Странно, правда? Может быть, но для меня все это тогда было не особо важно.

Мы порой бываем потрясающе беспечны в наших отношениях с людьми. Мы спешим довериться, не зная, что принесет нам новое знакомство. Но может ли подозрительный и опасливый человек полюбить по-настоящему? В любви все мы немного дети – всему верим, на все надеемся, все прощаем и все переносим, не ищем своего, не раздражаемся, не злорадуем...

И ждем чуда, но сама любовь и есть чудо.

Мне действительно было все равно, откуда она взялась, откуда пришла в мою жизнь – да хоть из Интернета скачалась! Я испытывал безразличие к тому, был ли у нее кто-то до меня, какие она чувства питала к кому-то еще. Важным было только то, что сейчас ее обнаженное тело касается моего, и завтра, послезавтра, через год – будет так же. И, конечно, не зря говорят, что любовь опьяняет – как и пьяным, которым, как известно, море по

колени, нам кажется, что все нам доступно, все подвластно, все возможно...

Карина нахмурилась:

– Я, кстати, про тебя тоже ничего не знаю... почти, – парировала она. – Ты ворвался в мою жизнь, как джинн, выпущенный из бутылки.

– Почему джинн? – удивился я. – Я что, такой синий?

– Тьфу на тебя, Петросян доморощенный, – Карина легонько пихнула меня локтем под бок. – Джинн потому, что ты исполняешь желания. Родился бы ты женщиной, был бы Золотой рыбкой.

– А если бы я был женщиной, ты стала бы со мной встречаться? – подколот я ее.

– Нет, конечно, – сказала она, но на лице у нее появилась тень сомнения. – И я не буду тебя спрашивать о чем-то подобном. Лучше скажи, а кем ты представляешь меня?

– Золушкой, – не задумываясь, ответил я. – А когда ты злишься, то превращаешься в Снежную королеву.

– Мне нравится, – призналась она. – Королева... но почему Золушка? Я такая замухрышка?

– Первый раз ты от меня сбежала, – объяснил я.

– Когда это? – удивилась она.

– На пресс-конференции, – ответил я. – Я хотел тебя догнать, а тебя и след простыл.

– Если бы я знала, что ты хочешь меня догнать... – Карина приподнялась на локте и посмотрела прямо мне в глаза. Глаза у нее были темно-карими, почти черными, так что иногда мне казалось, что у нее вовсе нет зрачка, один хрусталик.

– То что? – спросил я. – Не стала бы бежать?

Она фыркнула.

– Еще чего! Бежала бы еще быстрее, только бы ты меня и видел, – и показала мне язык.

– Ах ты... – Я притворился разгневанным и, схватив ее в охапку, повалил на кровать. Она стала отталкивать меня, но я прекрасно знал: это не всерьез. Примерно как ее слова о бегстве. Хотела бы она от меня убежать, давно бы это сделала. Хотела бы прервать нашу любовную схватку – включила бы Снежную королеву.

Но в моих объятиях лежала моя Золушка – немного строптивая, немного покорная и очень, очень любимая...

Глава 3

Золушка и джинн

У Карины, как я понял гораздо позже, была одна уникальная черта – она удивительным образом умела уходить от прямых ответов. И я ей в этом успешно подыгрывал.

Как часто мы с достойным лучшего применения упорством скрываем свои маленькие тайны! Нам кажется, что излишнее, на наш взгляд, доверие может разрушить такие дорогие нам отношения. При этом мы совершенно не думаем о том, что недоверие разрушает их куда быстрее. И если тайна рано или поздно раскроется – как это почти всегда бывает с любой тайной, – она нанесет куда больше ущерба, чем если бы ее не хранили вовсе, если бы сразу честно поведали обо всем тому, кого любим.

Мы говорим, что заботимся о благополучии дорогих нам людей, но на деле защищаем только собственное спокойствие. Даже самые чистые, самые искренние чувства людей не лишены, увы, привкуса лицемерия. Такова наша природа, и не зря древние называли ее «первородным грехом». Это вне нашего контроля, это сильнее нас...

И в этом кроются истоки большинства наших проблем. Сама наша природа обрекает нас на неискренность и лицемерие, и с этой темной стороной нашего естества стоит непрестанно бороться для того, чтобы быть счастливым. Вот только кто из нас задумывается об этом? То-то, а потом мы удивляемся, откуда у нас столько проблем. Каждый сам кузнец своих неприятностей...

* * *

К теме Карининового блога мы все-таки вернулись, на следующий день или немного позже – откровенно сказать, я не помню. Правду говорят, что счастливые часов не наблюдают, – это было время, когда я устроил себе маленькие, вполне заслуженные каникулы. «Мы» работала с совершенством небесной механики, без нареканий со стороны пользователей, ни латать, ни совершенствовать ее не приходилось, так что мне достаточно было пару часов в день для того, чтобы оценить ее параметры и пофиксить немногочисленные и, в общем, ни на что не влияющие баги. Тут такое дело, нельзя, чтобы подобные вещи

накапливались. Не знаю, как там с политикой и экономикой, а в Интернете марксистское правило перехода количества в качество срабатывало с неумолимостью рока.

Остальное время принадлежало нам с Кариной, и мы наслаждались обществом друг друга. Конечно, счастливые часов не наблюдают, хотя я бы сказал так – счастливые не замечают времени, проведенного в обществе друг друга. Когда общение не в тягость, время летит незаметно, но превращается в тягучую патоку в компании человека, к которому ты равнодушен, и обжигает, как струя кипятка, рядом с тем, кто тебе неприятен.

И вот в какой-то момент мы вновь затронули эту тему, причем по инициативе самой Карины. Она спросила, не лукавил ли я, сказав, что влюбился в нее, читая ее блог. Я удивился – к чему мне лукавить?

– Наши предки, выбирая невесту, подсматривали в предбанник, – пояснил ей я. – Но в предбаннике не увидишь душу, а в блоге отражается именно обнаженная душа. Твоя меня очаровала.

– У тебя все комплименты какие-то двусмысленные, – ответила она. – Не знаешь, то ли радоваться им, то ли огорчаться. Разве внешне я тебя не привлекаю?

– Еще как привлекаешь, – ответил я. – Ты кажешься мне самой красивой, но, знаешь, плохой характер может самую привлекательную внешность сделать отталкивающей донельзя. Это не сразу понимаешь, но когда понимаешь, больше обращаешь внимание не на внешность, а на то, что в душе.

– То есть, будь я страшная, как баба-яга, ты бы меня тоже полюбил? – спросила она с иронией.

– Не исключено, – сказал я. – С другой стороны, а кто сказал, что баба-яга страшная внешне? Почему вообще считается, что зло всегда внешне отвратительно? Между прочим, злая мачеха из сказки о мертвой царевне была вице-мисс вселенная по версии волшебного зеркала.

Карина хихикнула и согласилась, что это так, а мой внутренний ослик Иа, завидев возделенную морковку, бросился в атаку.

– Я считаю, что ты зря закрыла свой блог, – сказал я. Мы сидели в летней кафешке на причале. Причал чуть покачивался на волнах, и казалось, что мы на борту океанского лайнера. По крайней мере, мне. Я подумал, что надо будет как-нибудь съездить с Кариной в круиз. Сейчас все уважающие себя круизные лайнеры оборудованы высокоскоростным Интернетом, а мне для счастья в жизни необходимы были, по сути, только две вещи – наличие Интернета и присутствие Карины.

– Да ну, – отмахнулась она. – Стоит признать очевидное: журналист из меня как из грязи пуля. Зря я вообще пошла в эту профессию.

Эти слова меня обидели. Черт возьми, нельзя так говорить по двум причинам. Во-первых, это являлось неправдой. По крайней мере, я верил в это на все сто сорок шесть процентов. А во-вторых, даже если бы это была правда – к черту такую правду.

Даже когда мы не идеализируем тех, кого любим, все равно мы ревностно относимся ко всему, что имеет к ним отношение, если, конечно, по-настоящему любим. Потому мужчины звереют, когда их женщины, как это часто бывает, невесть почему начинают заниматься самоуничтожением. «Ах, я некрасивая», «...я толстая», «...я глупая»...

Глупая? Дорогая, значит, то, что ты со мной, – это глупость, так это понимать, что ли?

Толстая? Для кого? Если я рядом – значит, не толстая, значит, нормальная. Кому какое дело до твоего веса, пока он меня устраивает?

Некрасивая? Знаешь, лучше б ты мне по физиономии заехала. Получается, что я такой неудачник, раз выбрал себе некрасивую замухрышку, да? Так вот нет! Моя женщина самая прекрасная, а кто считает по-другому – жалкий и неудачливый слепец.

– Не согласен, – сказал я с упрямством ослика. – Вот хоть режь, хоть четвертуй, не согласен, и все. Мне кажется, что ты пишешь от души.

– От души, – кивнула она. – Но кому нужна моя душа? Кому это интересно?

– Любое дело, сделанное с душой, сделано хорошо, – убежденно сказал я. – Скажи честно, тебе нравится журналистика?

Карина опустила глаза и кивнула; ее щеки порозовели – кажется, я задел ее за живое.

– Я заметил, – продолжал я. – Если нравится какое-то занятие, надо им и заниматься.

– А если это без толку? – парировала она.

– Почему без толку? – уточнил я.

– Для кого я буду писать – для тебя и еще десятка фоловеров, из которых только пара-тройка комментит, а остальные вообще неизвестно зачем подписались?

Карина редко повышала голос; вот и сейчас говорила она тихо, но ее волнение выдавало многое – едва заметное трепетание ресниц, подрагивание пальцев... Тихий, незаметный, рядом со мной бушевал ураган чувств, ураган надежды и разочарования. А разочарование – очень болезненное чувство, это я знал по себе.

Мы можем всю жизнь что-то дарить тому, кого любим, и в итоге ничего не дать. Потому что не замечаем того, что на самом деле нужно любимому человеку. Не хотим замечать. Думая, что одариваем любимую, мы тешим лишь свое самолюбие, но порой минута участия и сочувствия, минута внимания дороже норковых шуб, бриллиантовых колец и «Ламборджини». А какой подарок может быть самым дорогим и при этом не будет стоить ничего или почти ничего?

– А если у тебя будет не десяток фоловеров? – спросил я. – И не сотня? Тысячи, как у меня? И даже больше.

Она посмотрела на меня с недоверием:

– И как такое может быть? Ты – администратор сети, ты интересен, а я...

– А ты – моя любимая, – ответил я. – И это намного важнее. Я смогу исполнить твою мечту.

– Мой джинн... – прошептала она. – Джинн из волшебной сказки.

– Притом с безлимитом желаний, – торжественно улыбнулся я. Люди, скупые на чувства и подарки, сами себя лишают величайшего из возможных наслаждений. Наслаждение – это видеть счастье в глазах того, кому ты даришь мечту. Что может быть приятнее и лучше этого?

* * *

Сергей Аникеев создал опрос 13 мая 22:05

Друзья! Многие из вас задавали мне в разной форме один и тот же вопрос: почему в моем блоге так мало личного? Меня это удивляло, поскольку, как мне казалось, я достаточно открываюсь на своей страничке. Вероятно, я ошибаюсь, потому хочу спросить: заинтересовал бы вас специальный проект моей любимой о нас с ней? Предполагается много записей о наших отношениях, о поездках, много фото- и видеоконтента.

Голосовать

Просмотреть результаты:

ДА: 147 084

НЕТ: 7 918

МИМОКРОКОДИЛ: 8 101

* * *

Карина Логинова (новое)

14 мая 12:00

Здравствуйте!

Я хочу рассказать вам о своей любви. О том, как один человек стал для меня самым дорогим, дороже всего остального, даже самой жизни. Вы хорошо знаете этого человека: это основатель нашей любимой сети «Мы» **#Сергей_Аникеев**.

Вы хорошо знаете его, и многие из вас благодарны ему за эту сеть, соединяющую миллионы людей на разных континентах. Но что вы знаете о нем, кроме того, что он создал «Мы»? Для вас он – человек-легенда, и он вполне заслуживает такого к себе отношения. Для меня он намного больше – он тот, кого любит моя душа, тот, кому я отдала свое сердце и подарила свою судьбу.

Почему так произошло? Я сама не знаю. До встречи с Сергеем я не знала о нем буквально ничего. Он не был для меня человеком-легендой. Меня не поражал тот труд, который он единолично совершил, то чудо, которое он воплотил в жизнь, создав «Мы». И я видела перед собой не полубога нашего времени, я видела человека, такого же, как и все мы. Но именно этого человека я и полюбила.

Я сама не знаю, почему именно так. Точно могу сказать только одно – моя любовь к Сергею сродни той, что описана в стихотворении Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью». Я люблю не полубога, не легендарного создателя «Мы», не талантливого программиста или успешного бизнесмена. Я люблю Сергея Аникеева. Все описанное выше имеет значения не больше, чем одежда. Конечно, каждый человек одевается так, как хочет и может себе позволить, но, когда мы занимаемся любовью, мы снимаем с себя нашу одежду и остаемся такими, какими создала нас матушка-природа.

Для меня источником вдохновения является сама личность Сергея, а не его статус. И именно об этом, о наших чувствах и отношениях, я и хочу рассказать вам. У меня журналистское образование, но мне кажется, что я не очень хороший журналист. Впрочем, Сергей придерживается иного мнения. Мы с ним даже поспорили об этом, и тогда, чтобы опровергнуть мою точку зрения, он согласился дать мне, по сути, эксклюзивное супер-интервью. Так что от того, как вы будете читать и комментировать этот блог, зависит, кроме всего прочего, моя самооценка как журналиста.

Не судите меня строго: в этой сфере я делаю лишь первые шаги. Признаюсь честно – я была бы очень рада, если бы мнение моего любимого оказалось правильным, а я, в свою очередь, ошибалась. И какая-то часть меня верит, что так и есть. Потому что тот, кого я люблю, просто не может ошибаться.

Он человек, такой, как мы, и все-таки он намного больше. Он совершенно особенный, неповторимый, чудесный. Иногда он кажется мне добрым волшебником, джином из восточных сказок, а иногда... а иногда я думаю, что так оно и есть.

Итак, я начинаю. А вот для затравки фотки (фотограф сами-знаете-кто):

[IMG...]

Лайков: 179 801

Комментариев: 1001.

Когда ты стоишь на вершине горы, тебе достаточно подтолкнуть ногой камушек, чтобы на долину внизу обрушилась лавина. И чем выше гора, тем больше будет эта лавина, вызванная маленьким кусочком горной породы.

Я лишь немного помог Карине. Я запустил несколько ботов для накрутки, так, что появление ее журнала оказалось в топ-новостях Сети. Эти топ-новости являлись одной из фиш «Мы». Первые три дня они были обязательны для каждого подписчика; потом появлялась возможность их отключить, но, как показывала статистика, делал это только один из пяти пользователей. Дело в том, что мой топ собирался абсолютно честно, по числу лайков и репостов, а поскольку ботов для накрутки того и другого в моей сети до того дня не было (я следил за этим, как ипохондрик за давлением), в топе всегда висело самое интересное.

Первый и последний раз я нарушил свое правило о том, что в моей сети нечестной раскрутки не будет, но после первых пятнадцати тысяч лайков я убрал ботов – как говорил единственный в истории президент Советского Союза, процесс пошел. А потом полетел. Когда число лайкнувших со свистом унеслось за сотню тысяч, удивился даже я. Второй раз я удивился, когда посмотрел на репосты.

Я дока в плане сетевого общения, но раздери меня медвед, если я понимаю, по какому принципу люди порой лайкают и репостят. Честное слово, иногда они ставят меня этим в тупик. Зачем кому-то нужен мой пост с рассуждениями о своих чувствах? Это касается только меня, но... сто пять репостов.

Может быть, все дело в том, что многие люди разучились думать самостоятельно, разучились чувствовать без подсказки и заполняют чужими репостами вакуум собственных мыслей и чувств? Или, наоборот, таким образом, потребляя чужие мысли и чувства, они рожают свои, творчески перерабатывая и переосмысливая то, что усвоили? Иногда мне кажется так, иногда иначе. Я отмечал двойственность Карины – а сам я какой? Не такой же? Во мне соседствуют прожженный циник и безнадежный романтик...

И это, наверно, нормально. Александр Сергеевич «наше все» Пушкин посвящал Анне Петровне Керн чудесные, трогательные стихи, но упаси вас бог читать то, что он писал об Анне Петровне в личной переписке! Человек очень сложен, и в каждом из нас есть своя Золушка и своя Снежная королева, свой Анакен Скайуокер и свой Дарт Вейдер, а иногда и намного

больше того.

И когда с нами происходят неприятности, когда окружающие люди оказываются не такими, как нам казалось, подводят наше доверие, обманывают, предают – стоит задуматься: а сильно ли мы сами отличаемся от них?

Конечно, это сложно, и так хочется отомстить, когда тебя ударили. Хочется отвесить пощечину в ответ на плевок. И по-человечески я знаю, что удержаться от мести практически невозможно. Но месть навсегда оставляет горький привкус, и даже спустя годы он остается и не дает покоя.

Но тогда я не думал об этом. Когда мы счастливы, мы не думаем о возможных неприятностях. Они кажутся нам далекими, как Рим, где некогда один польский пан пообещал отдать дьяволу душу. Он думал, что это обещание просто обойти – надо лишь держаться подальше от Рима, но однажды проснулся в корчме, которая называлась в честь Вечного города, и, конечно же, тут же увидел довольный оскал сатаны...

Глава 4

Маленький камушек с горы

В тот день я проснулся в прекрасном расположении духа и даже не сразу понял почему. Наверно, каждый сталкивался с таким явлением, как «внутренний будильник», когда подсознание о чем-то нам напоминает, о чем-то, о чем мы забыли.

Все очень просто – приближалась годовщина нашего знакомства с Кариной. Хотя, возможно, мое подсознание отреагировало так потому, что вчера я получил приглашение на очередную августовскую конференцию, и ассоциативный ряд выстроился сам собой? Кто знает...

Карина сладко посапывала, свернувшись калачиком. Я укутал ее сползшим одеялом и прикрыл форточку, из которой веяло августовской свежестью, бодрящей, но уже имеющей легкий привкус осени. Я вспомнил те слова, которые Карина писала про осень... интересно, теперь она так же относится к этому времени года?

Я очень надеялся, что ее отношение изменилось. Начиная с середины августа я ждал наступления осени, как до того, в мае, ждал наступления лета. Осень, по моему убеждению, должна была стать волшебной. И пусть она будет трижды слякотной и промозглой, не важно. Ведь мы с Кариной будем сидеть в нашей, с каждым днем все более уютной квартирке и смотреть через окно на листопад, на мельтешение крохотных разноцветных зонтиков на тротуаре и на миниатюрных дворников, смиренно сгребаяющих с серого от дождя асфальта яркие пятна опавшей листвы. А в хорошую погоду мы будем выходить в парк, пахнущий осенними кострами, той же опавшей листвой и спелыми яблоками, и долго гулять по опустевшим дорожкам – отчего-то именно осенью парк пустынен, как никогда...

Я пошел на кухню, заварил чай и, прикрыв дверь, раскочегарил свою электронную сигарету. Курить я стал намного реже и, кстати, перешел с кофе на чай. Я задумчиво посматривал на жестянку с крендельками, купленную в ближайшем супермаркете с довольно милым названием и приятным в общении персоналом, в основном армянами, и вид нарисованного на ней кренделька заставил меня задуматься.

Кренделек был не простой – неведомый мне дизайнер сделал его в форме скрещенных колец. Колечко, колечко, выйди, милая, на крылечко... Нам с Кариной было хорошо вместе. Мы редко говорили между собой о чувствах, хотя она много писала о них в своем блоге. Вот такое мое

поколение – мы предпочитаем короткие фразы и глубокие мысли. Мы кажемся простыми, даже примитивными, но каждый из нас – Вселенная. И раскрывать это мы предпочитаем в наших уютненьких мирках – в блогах.

Нам с Кариной было хорошо вместе, наверно, именно поэтому мы не говорили ни о чувствах, ни о нашем будущем. Наверно, мечты о будущем – удел тех, кто недоволен настоящим. Когда настоящее так прекрасно, о будущем не хочется думать. Но постоянно жить сегодняшним днем тоже неправильно – бабочки-однодневки долго не живут, и чувства сегодняшнего дня могут погаснуть в дне завтрашнем. А мне бы очень этого не хотелось...

Считается, что женщины больше хотят замуж, чем мужчины жениться. Не знаю, что по этому поводу говорит статистика. Мне вообще не совсем понятно, почему людей делят на группы по разным признакам. Даже снежинки непохожи друг на друга, а уж люди – абсолютно разные. Поэтому когда я встречаю фразу, начинающуюся со слов «все»: «все мужчины», «все русские», «все программисты», «все вейперы», – я понимаю, что, наверно, читать дальше не имеет смысла. В метро или кафе невозможно встретить «каждого» или «среднестатистического» человека. Если такой существует, то в засушенном виде, в Палате Мер и Весов в городе, в который мы ездили в мае и в который, как недавно призналась мне Карина, она не прочь была бы вернуться еще раз.

Нельзя сказать, что я жил в ожидании той сладкой минуты, когда, под звуки марша Мендельсона, серьезная, похожая на Родину-мать служащая загса объявит меня чьим-нибудь мужем. И короны, которые держат над головой венчающихся в церкви, мне тоже не грезилась. Так было до того, как я познакомился с Кариной, да и долгое время после того. Так было до того дня, когда я, наполняя кухню паром с ароматом ванили, внезапно не принял совершенно однозначное и твердое решение.

Я люблю Карину. Я знаю ее, я видел ее в разных жизненных обстоятельствах. В наших отношениях случались неприятные моменты, случались даже ссоры, когда Снежная королева сменяла Золушку для того, чтобы наградить меня взглядом, способным заморозить кипятки. Все это было... и тем не менее, сама мысль о том, что Карина может уйти, представлялась для меня невыносимой. А раз так, то штамп в паспорте – хоть и формальность, но отнюдь не пустая. Когда отношения гармоничны, когда люди любят и понимают друг друга, когда они знают слабости и недостатки друг друга – и игнорируют их во имя любви, узаконить такие отношения правильно и логично.

И я решил предложить Карине выйти за меня замуж. Я не сомневался

в том, что она согласится, но решил не делать это с бухты-барахты. Пусть все будет правильно и красиво: романтический ужин при свечах, признание, обручальное кольцо с бриллиантом – как в волшебной сказке. В конце концов, джинн я или не джинн?

* * *

Пока я сидел и размышлял, наполняя воздух кухни ароматным паром, тихонько отворилась дверь, и на кухню вышла будущая невеста. Хорошо все-таки, что нельзя читать мысли. Конечно, телепатия могла бы сильно осложнить жизнь преступникам, но, с другой стороны, она бы сделала невозможными всякие сюрпризы. Трудно сказать, как изменилась бы жизнь, если из нее удалить приятные неожиданности, но, думаю, такой мир стал бы на порядок менее теплым и уютным.

Жизнь – цепь, а мелочи в ней – звенья... мы так мало уделяем внимания мелочам, а из них, между прочим, и складывается жизнь. Те самые маленькие камушки, вызывающие лавины. Кто-то из моих знакомых как-то сказал, что для программиста у меня слишком образное мышление. А я считаю наличие подобного мышления необходимой чертой как раз для людей моей профессии. Чтобы создать хорошую программу, надо уметь видеть сквозь строчки кода черты того, что появится в результате исполнения задуманного. Та же компьютерная игра или соцсеть – это не более чем сухие строки из операторов, констант, переменных... сухие и безжизненные в ваших глазах, но более чем живые для меня...

– О чем задумался, детина? – приветствовала меня Карина. Мы с ней уже давно не здоровались и не прощались, так уж сложилось. Может быть, потому, что я вообще не расставался с ней ни на миг, даже когда ее не было рядом, она все равно незримо присутствовала в моей душе, наверно. Как у «Раммштайна», но наоборот – даже если мы не рядом, ты все равно со мной. Она существовала **в моей жизни** как неотъемлемая ее часть, и точка. Если Сергей Аникеев есть, значит, в его жизни есть Карина Логинова – как-то так.

– Обо всем понемногу, – соврал я, отключая сигарету. – О башмаках и сургуче, капусте, королях, и почему, как в котелке, кипит вода в морях.

– У тебя вода только в чайнике кипит. – Она наклонилась и легонько чмокнула меня в щеку. – Но это кстати: хочу чаю, аж скучаю.

Я встал, чтобы налить ей чайку, она тут же заняла мое место – в кухне было большое ротанговое кресло с мягкой подушкой, за которое у нас шла

шуточная борьба, и в этой борьбе я, конечно, перманентно проигрывал, из джентльменских, само собой разумеется, побуждений.

– Что новенького? – спросила она, и в этом тоже не было ничего необычного, поскольку в наше время новости можно получать, не выходя за дверь. Интернет сильно изменил нашу жизнь, как ни крути. Например, сейчас даже у старушек, сидящих под подъездом, не вызывает удивления тот факт, что молодой человек интеллигентной наружности целый день проводит дома вместо того, чтобы с девяти до шести торчать в каком-нибудь офисе. Вообще, на мой взгляд, эти самые офисы – дичайший анахронизм и скоро разделят участь пунктов проката или ателье по ремонту телевизоров, то бишь утонут с веселым бульканьем в реке, которая Летой зовется.

Да и сами старушки, кстати, изменились: не знаю, то ли у меня район слишком особенный, то ли это уже необратимые перемены, но местные пожилые дамы поголовно обзавелись плеерами и планшетами и теперь смотрят свои мыльные оперы, не отходя от песочницы, в которой лепят куличики их внуки. А еще они делают селфи, активно обживают соцсети и даже запускают дронов – сам видел.

– Нас с тобой на конфу приглашают, – сообщил я, передавая ей чашку приятно пахнущего чая.

– Нас? – удивилась она. – В смысле, меня тоже?

Вообще-то в приглашении говорилось только обо мне, но какая разница?

– А ты что, планируешь дома отсидеться? – спросил я. – Идем со мной, посмотришь на происходящее со сцены.

Карина отхлебнула чая. Я взял со стола свою чашку и последовал ее примеру. Мой чай порядком остыл.

– И в каком качестве я туда пойду? – спросила она, не глядя на меня.

«В качестве моей невесты», – вертелось у меня на кончике языка, но не все, что вертится на языке, следует спускать с этого мускулистого органа на окружающих. Не все и не всегда.

– В качестве суперуспешного топового блогера-стотысячника, – сказал я.

– Да ну, – отмахнулась она. – Чушь какая. Тоже мне достижение.

Я оседлал один из кухонных стульев:

– Зря ты так думаешь. Между прочим, ты действительно уникальный феномен. Время, когда подобные блоги вызвали ажиотажный интерес, закончилось лет пять назад. Сейчас блоги ведут даже собаки и попугайчики, и люди в Сети пресытились чужими жизненными

перипетиями и эмоциями.

– Не верю, – сказала она. – Но у меня же столько подписчиков!

– А я тебе о чем! – торжествующе провозгласил я. – Вот именно. Ты их поразила, очаровала, покорила, ты швырнула их к своим прекрасным ногам и наступила сверху изящной...

– Хватит заливать, – прервала меня она. – Если ты думаешь, что твои слащавые комплименты убедят меня в том, что я достойна получения Пулитцеровской премии за описание того, как мы с тобой кормили уток в парке на пруду, то я не такая дурочка с переулочка, чтобы в это поверить.

– Я, конечно, не переубежу... переубежду... не переубеблю тебя, – не сдавался я, – пусть переубеждают цифры. Статистика. Публикации, наконец.

– Публикации? – удивилась Карина. А я удивился, что она этого не знала.

* * *

Правда, за публикацию пришлось отстегнуть кругленькую сумму, зато человек, который мне в этом помог, являлся представителем огромного медиахолдинга с десятками журналов различной тематики. И мой хороший знакомый, один из тех, кто был мне должен кругленькую сумму, но великодушно простил мне свой долг. Теперь у него появились законные основания этот долг списать, да еще и сверху перехватить немного – всего-то за маленькую услугу, которая ему лично ничего не стоила

– Пусть тебя не удивляет цена, – говорил он. – Как я понял, тебя ведь интересует не просто статья, тебе нужен инфоповод, правда?

– А что это за зверь? – на всякий случай уточнил я.

– Деревня ты, Серый, хоть и программер, – пожурил он меня. – Инфоповод – это некая информация, которая в корне меняет представление общества о чем-то или к чему-то привлекает внимание. Например, есть два некогда популярных музыканта, мягко говоря, вышедшие в тираж и стремительно теряющие популярность. А главное – потерявшие волну, утратившие контакт с эпохой. И они договариваются создать инфоповод. Один из них говорит, что другой спланировал у него песню. Другой отвечает: сам дурак и песню я на три года раньше написал. Дальше начинается цирк со спецназом, задержаниями, судебными исками, сорванными концертами (билеты на которые не выкупили в нужном объеме) и так далее, и тому подобное. Шкандаль! Сообщения на первой кнопке, ручные тролли в Сети

рвут глотки друг другу...

А под шумок – покупаются билеты на концерты. Все это, конечно, не способно сделать из стареющего мужчины того юного красавца, которого женщины на концертах забрасывали предметами нижнего белья и от которого мечтали родить сына, дочку и двух чихуахуа в любой последовательности, но на какое-то время возвращает былое ощущение востребованности, популярности, любви...

– Сразу видно, журналист, – одобрил я его. – Чешешь как по писаному. А теперь то же переведи в практическую плоскость – что я буду иметь за свои деньги?

– Элементарно, Ватсон, – мой собеседник поправил узенькие очки (ума не приложу, зачем они ему – контактные линзы на каждом шагу продаются...), – сейчас мы тиснем про твою девочку-феномен статью в «Сети добра», это, если не знаешь, специальный журнал для тех, кто уже в Сети или мечтает туда попасть. Из «Сетей» интересные статейки иногда кочуют дальше, в журналы геймеров и железячников, но это так, семечки. А если намекнуть кое-кому из соседнего кабинета, что у нас вышла статейка, которую им будет интересно репостнуть...

– А в соседнем кабинете что? – спросил я.

– Редакция журналов для скучающего населения, – ответил мой собеседник, рассеянно помешивая в чашечке капучино (и безжалостно превращая заботливо нарисованную местным баристой розочку из пенки в некое подобие каракатицы), – сплетни, кроссворды, статейки слезоточивые, матерьяльчики про то, как Жека из ЖЭКа разбогател, продавая домики из спичек...

– Пряма-таки мировая популярность, – фыркнул я.

– Ты чего фырчишь, как мой кот, когда я его против шерсти глажу? – набычился мой товарищ. – В этой редакции, в свою очередь, пасутся ребята из женского отдела. То-се, пятое-восьмое, глядишь – и твоя дама уже в «Караване» и HQ, а там уж и до «Vogue» доплюнуть можно.

Я побарабанил пальцами по столу:

– И что требуется от меня?

– Кроме наличмана? – уточнил мой собеседник. Я кивнул. – Подмахнем цидулку, что ты не будешь возражать, чтобы наша девочка попаслась у твоей сверхновой звезды в ее бложике...

– Как будто вы без цидулки у меня не пасетесь, – удивился я.

– Представь себе, нет, – заверил меня мой приятель. – А то ты не знаешь, какие у тебя юристы. Кстати, как подмахнешь бумагу – будь добр, набери своего этого, как то бишь его...

Мой собеседник посмотрел на меня, словно ожидая подсказки, но я в душе не имел понятия, о чем он вообще. Тогда мой приятель просто вытащил визитницу и довольно быстро нашел пластиковую визитку с золотистым QR-кодом.

– Артему Викторовичу, вот, – сказал он. – Конечно, бумага есть бумага, но лишний раз с ним контактировать не хочется. Сам-то я не имел чести, а вот те, кто пересекался, говорят, что скорее переночуют в «Амбреле»^[6] на Хэллоуин, чем второй раз встретятся с этим милейшим человеком.

* * *

Мой приятель не соврал – на сегодняшний день до «Вога», конечно, не дошло, но публикации действительно сыпались, словно из рога изобилия. Удивительно доброжелательные, как для прессы разной степени желтизны, они абсолютно с разных ракурсов освещали блог Карины – здесь были и «Интернет открывает новые горизонты в журналистике», и «Поэзия одного блога», и даже «История великой любви – он, она и «Мы». Последний заголовок мне не понравился. Я читал все эти статьи, в электронной форме, конечно. Я даже представлял тех журналистов, которые писали их, – некоторые из них, вполне очевидно, испытывали серьезные трудности в том, чтобы удерживать себя в благожелательном тоне.

Мой приятель один раз позвонил мне – аккуратно когда я перечислил ему вторую половину оговоренной суммы.

– Чувак, ты поймал Хоттабыча за бороду, – сообщил он.

– В каком смысле? – уточнил я.

– А в самом прямом, – ответил он. – Твоей сети не хватало одного – лица. Прости, но твоя рожа слишком серьезна, на ней то, что ты прогер, написано семьдесят вторым кеглем. Получалось, типа и инфоповод, и интересный, но без изюминки. А тут такая куколка... в общем, первая волна поднимается, и с ее гребня уже видно вторую...

– Я сейчас в этих волнах утону, – сказал я. – Что ты имеешь в виду, скажи по-человечески?

– Тобой заинтересовались медийщики, – объяснил он. – Ну, то есть не тобой, а этим «Не оставляй меня, любимый».

«Не оставляй меня, любимый» – так назывался Каринин блог.

– Как говорил вождь мирового пролетариата, важнейшим искусством для нас является кино, а важнейшим масс-медиа – телевидение. Не кривись, малыш, твой Интернет только-только из подгузников в шорты

переодевается, а ящик с трубадурами смотрят все, от пионера до пенсионера. К тому же, если ты не знаешь, Интернет и телевидение вызывают друг у друга эффект мультипликации. Для детей природы поясню: эффект мультипликации – это тогда, когда два явления усиливают друг друга. В общем... Ох, я даже не представляю себе, чем это кончится, но если что, с тебя бутылка.

– Да хоть ящик, – ответил я.

* * *

– Неужели ты до сих пор не знаешь? – сказал я Карине. – Ты у нас медийная звезда, про тебя в журналах пишут.

– Да ну, – отмахнулась она. – Скажешь еще...

– погоди, ща планшет принесу, – сказал я и, оставив кружку, ушел в комнату. Вернулся я уже с открытыми вкладками. – Читай вот.

Карина недоверчиво пробежала по статьям. Я наблюдал за тем, как менялось выражение ее лица, и чувствовал удовлетворение – определенно такое внимание пришлось ей по душе. На мгновение мне показалось, что она ничуть не удивлена тому, что увидела. Словно морально была к этому готова. Но ее слова тут же рассеяли это ошибочное ощущение:

– Потрясающе... но почему? Ладно еще, все эти люди, мои подписчики. Я понимаю. Кто-то из них видит в нашей истории отражение своей, кто-то – мечту, которая оказывается вполне достижимой... но журналы...

– А журналисты что, не люди? – удивился я. – И на них это все не распространяется?

Она неуверенно кивнула, а я думал, что есть и другое объяснение. Не такое романтическое, если не сказать больше. Журналисты просто видят концентрацию подписчиков и понимают, что имеют дело с чем-то, что интересует потенциальных читателей. А значит, статья об этом будет интересна народным массам. Вот и весь секрет полишинеля.

У всего в нашей жизни есть своя изнанка, не такая привлекательная, как лицевая сторона. Чудо, происходящее в нашей жизни, поражает нас, но лишь потому, что мы не знаем, из каких ингредиентов создано это чудо. Один мой знакомый, работающий на кухне дорогого ресторана, как-то сказал: упаси вас бог смотреть, из чего и как готовят самые редкие деликатесы – вы долго не захотите есть вообще.

Увы, так сложилось, что я видел изнанку того чуда, которое я дарил

Карине. За успехом ее блога стоял мой обман с ботами; за воплощением мечты о популярности – мой циничный приятель, журналист до мозга костей, для которого все происходящее в мире являлось либо инфоповодом, либо материалом, из которого этот инфоповод можно было состряпать.

Профессионалы вообще циничные люди; вдвойне циничны те, кто работает с людьми, – политики, психологи, журналисты... человек, рассуждающий о духовности, о богоподобной высоте человеческого духа, о гуманизме и толерантности, как правило, абсолютно законченный мизантроп. Что говорить, если такие встречаются даже среди священников, ведь им тоже приходится работать с людьми. Я никак к этому не могу привыкнуть, даже теперь, а тогда – тогда я старался об этом не задумываться. Я **просто боялся** думать об этом...

Все-таки мы живем в очень жестоком мире. Я всего лишь старался, чтобы Карине было хорошо, чтобы она как можно меньше касалась всего этого, чтобы как можно меньше разочаровывалась. У нее не было ни одного плохого комментария – лишь потому, что мой бот, как цербер, охранял ее страницу, удаляя любой признак агрессии в ее адрес, а где не справлялась программа, я дочитал вручную, поскольку следил за этим постоянно. К счастью, за все время существования Каринино блога мне лишь несколько раз приходилось сталкиваться с подобным, и в логах моего бота насчиталось не больше десятка подобных случаев.

Защищать того, кого любишь, – вполне естественное желание для любого человека. Но что может один человек против всего мира? Если жестокость и цинизм пропитали наше (не российское, а человеческое вообще) общество от корней до кончиков? Можно ли бороться с этим? И можно ли победить в такой борьбе?

Но мне казалось, что я побеждаю, хотя я отдавал себе отчет, что борьба будет длиться до последнего моего вздоха. Не потому ли мужчины живут меньше женщин, что взваливают на себя подчас неподъемную ношу, принимая на себя и те удары, что адресованы им лично, и те, что метят в дорогих им людей? Например, помянутые мизантропы часто доживают до мафусаиловых лет – возможно, как раз потому, что ни за кого не заступаются?

Может быть. Очень даже может быть. Но даже если это и так – какая разница? По-моему, лучше умереть раньше, сделав все для того, кого любишь, чем жить долго, но не зная, что такое доверчивый и благодарный взгляд той, что рядом с тобой чувствует себя как за каменной стеной. А зачем еще жить, если не для того, чтобы твоя любимая была счастлива с тобой? Любая угроза, любая опасность не стоит ничего, если та, кого ты

любишь, считает тебя своим добрым волшебником, своим сказочным джином. Лучше короткая и тяжелая жизнь в любви, чем долгое и безопасное прозябание без нее.

Глава 5

Плодов земных приумножение

Я подождал, пока Карина дочитает, а потом рассказал ей все. Нет, конечно, не все, а лишь то, что ее популярность не только растет, но и работает мне на руку. Что она стала лицом моей соцсети, как Натали Портман для Диора. Притом что, по моему мнению, она всегда была душой моего проекта.

– Когда ты начинал свой проект, мы еще не познакомились, – остудила меня она.

– Не уверен, – ответил я и снова рассказал ей про свое вокзальное déjà vu.

Она нахмурилась:

– Ты, должно быть, что-то путаешь. Я уверена, что со мной такого никогда не происходило.

– Значит, у тебя есть сестра-близнец, – сказал я.

Она вздрогнула:

– Нет у меня никакого близнеца... я тут читала в сети сообщество «Истории-страшилки»... ты знаешь, что такое доппельгангер?

Признаться, я не знал. Тогда Карина рассказала мне – о таинственных, зловещих двойниках, появляющихся неведь откуда и уходящих в никуда незадолго до каких-то трагических событий. О Екатерине Великой, перед смертью увидевшей саму себя в своих покоях...

Я видел, что ей по-настоящему страшно, и поспешил ее успокоить:

– Да ладно... может, существуют и светлые доппельгангеры, предвещающие что-то хорошее. Давай будем так думать, хорошо?

– Я поуглрю, – неуверенно сказала она.

Я возразил:

– Зачем? Ты лучше подумай, что надеть на конфу. До нее еще два дня, так что время есть. Если тебе надо, скажем, что-то купить...

– Я не пойду, – сказала она, нахмурившись. – Я что-то неважно себя чувствую... и вообще – ну зачем она мне?

– А я тебе не говорил, что тобой уже заинтересовалось телевидение? – спросил я. Она отрицательно покачала головой. – Так вот, скоро тебе предстоит стать звездой ти-ви, моя драгоценная. Так что пора привыкать к вниманию, чтобы потом не кукситься...

– Эй, ты не забыл, что я вообще-то журналист? – спросила она. – Я

внимания не боюсь, я не какая-то там дикарка, впадающая в ступор при виде фотоаппарата.

– Тем более, – ответил я. – Тогда почему бы тебе не прогуляться со мной на конфу?

– Я же говорю, чувствую я себя последнее время как-то неважно, – неуверенно сказала она. – Голова кружится, подташнивает... может, это от тех суси?

– Да мы их ели уже давно, – ответил я. Неделю назад мы с ней ходили в «Якиторию», хотя, в общем-то, ни она, ни я от японской кухни не фанатеем, но жить в Москве и не захаживать в «Якиторию» – как-то странно.

– Ну не знаю... – сказала она. – Очень похоже на отравление. И знобит меня немножечко. Если к послезавтра пройдет... я подумаю.

С этим я не мог не согласиться.

* * *

К вечеру Карина уже точно решила, что пойдет со мной на конференцию, и мы даже обсудили, что она станет рассказывать, если ей будут задавать вопросы. Она призналась мне, что все-таки немного боится: хоть она и готовила себя к публичной деятельности, но брать интервью – одно дело, и совсем другое, когда берут интервью у тебя. Карина расспрашивала меня о том, как я себя ощущал, когда впервые попал в объективы журналистов. Я признался, что поначалу чувствовал себя не в своей тарелке, но потом пообвыкся.

– Хотя от кадров вроде приснопамятной Ксюшеньки до сих пор робею, если честно, – не мог не признать я.

Карина хохотнула:

– Ты в курсе, что Ксюшенька тоже считается топ-блогером? Вот только у нее фоловеров и двадцати тысяч не наберется. А как она изгаляется, как изворачивается...

– А о чем она пишет? – спросил я.

– Обо всем на свете, – ответила Карина. – Она считает себя экспертом во всех областях. В основном, правда, все ругает – власть, церковь, мужиков... особенно мужиков. И пропагандирует вегетарианство.

– Не люблю вегетарианцев, – признался я.

– Почему? – удивилась она. – Кстати, ты мне сочку не принесешь, что-то пить захотелось... или нет, давай я сама схожу.

– Ну, мне не тяжело, – сказал я, поднимаясь, но Карина уже вскочила и убежала на кухню, как была, одетая лишь в собственное очарование. Хорошо все-таки, что мы живем высоко и у нас по соседству нет таких же высоток – последнее время Кариша взяла моду расхаживать по дому в костюме Евы и агитировала меня косплеить Адама. Признаться, без одежды я чувствую себя как голый. То есть не очень уверенно. Все-таки я не Шварц и не Ван Дамм, чтобы гордиться своим обнаженным торсом.

Пока она отсутствовала, я успел подумать о том, что совсем забросил собственный блог, с тех пор как Карина завела свой. А также – поискать в Сети Ксюшенькин уютненький^[7] и даже убедиться в его убогости.

Кажется, ничто не доставляло этой даме такого удовольствия, как заходить на страницы известных и уважаемых людей и писать им гадости. Да не просто гадости – ничем не обоснованные оскорбления. Причем было абсолютно не важно, чем именно выделяется человек – если он был хоть в чем-то отличен от серой массы, он получал, причем именно по тому, чем отличался. А уж если Ксюшиной мишени удалось хоть мало-мальски чего-то достичь, она вцеплялась в него мертвой хваткой.

О, она была крайне изобретательна в своих оскорблениях и все время метила так, чтобы задеть человека побольнее. Наезжать на близких намеченной жертвы, оскорблять тех, кого человек любит, желать им зла являлось для этой пиявки пера не только вполне допустимым, но даже предпочтительным. Из самых мягких примеров: модель, которая сетовала на то, что после болезни никак не может набрать вес, она называла тощей коровой и говорила, что скелетам лучше лежать в могилах и не шокировать окружающих. Оперной певице, у которой обнаружился сахарный диабет, желала, чтобы ей побыстрее оттапали ноги, как Невинному и Луспекаеву. А у фигуриста, неосторожно похваставшегося тем, что его жена беременна (пара долго пыталась зачать ребенка, но с этим возникли проблемы, так как жена спортсмена тоже была фигуристкой и, видимо, тренировки как-то сказались на ее женском здоровье), уточнила, знает ли он отца ребенка, или в том, кто этот человек, не уверена даже сама счастливая будущая мать. При этом скриншоты своих, с позволения сказать, подвигов Ксюшенька без стеснения переносила в блогек.

Откровенно говоря, при прочтении всего этого безобразия я буквально почувствовал подступающую к горлу тошноту. И откуда в людях столько зла? Нет, правда. Как часто мы повторяем всуе: «Все люди – Божьи твари». Но действительно ли все? Разве мало вокруг просто тварей? Тварей, которые ничего в этой жизни не делают, сидят на шее у того, кто все им приносит на блюдечке с голубой каемочкой. Скучно такой твари, нечем

себя занять. Единственное ее развлечение – зависть и ненависть к кому-то, кто на нее не похож, кто живет по-другому и достигает успеха своими усилиями. И нет для твари большего удовольствия, чем сделать такому человеку какую-нибудь гадость.

Вот и начинает такая тварь от скуки собирать ингредиенты для пакостей. Коллекционирует сплетни, подслушивает разговоры, выведывает чужие тайны и интимные секреты... И сыплет, сыплет все это в котел, щедро приправляя собственными комплексами, пороками и извращениями. А когда пакость, как ведьмино зелье, будет готова, выплеснет ее, злорадно хихикая, вам на голову, заодно обрызгав и всех, кто, на свою беду, окажется поблизости.

И что же, эти твари тоже Божьи? Сомневаюсь... Думаю, если кто-то и создал их, то никак не Господь. Точнее, не он их сделал такими. Вообще не понимаю людей, которые при первой возможности начинают чем-то попрекать Господа: каждый человек делает себя сам, каждый отвечает за свой выбор и его последствия.

Но объясните мне, пожалуйста, почему так многие выбирают быть, простите за резкость, откровенным дерьмом? Или они сами не понимают, как выглядят со стороны? Убей меня Челябинский метеорит, если я понимаю, что такого веселого в том, что кому-то благодаря тебе стало хуже! От фразы «сделал гадость – сердцу радость» меня с детства выворачивает.

– Любуешься? – спросила тихо вернувшаяся в комнату Карина, присаживаясь на край кровати. В одной руке у нее был запотевший стакан с холодным молоком, в другой – початая баночка оливок.

– Было бы на что, – отмахнулся я. – Откровенно не понимаю, как она еще жива и здорова. Лично я бы ее ласково приложил об стеночку, наедь она на тебя, например.

– Уфе прикладывали, – ответила Карина, жуя оливку. – Она и в больнице лежала с сотрясением, и с синяком на пол-лица щеголяла, а все нейметя. Может, она мазохистка? Ну, то есть в смысле...

– Да ну ее, – перебил я Карину. Мне хотелось как-то сменить неприятную тему, и я переключил свое внимание на странный набор продуктов в ее руках, – и ты еще потом удивляешься, от чего тебя тошнит. Ты же за соком пошла, что за странный выбор продуктов?

– Чет молочка захотелось, – сказала она, вытряхнув из банки себе в рот пару оливок. – А оливки я всегда люблю. Хочешь?

Я кивнул.

– Так вохми, – сказала она, зажав оливку губами. Я понял намек, и тут

же бросился за лакомством, при этом я неосторожно подтолкнул ее руку, и молоко из стакана брызнуло мне на грудь.

– Не так быстро, – сказала она, высвобождаясь после моего поцелуя, в ходе которого я ухитрился отнять у нее оливку и съесть. – Видишь, я тебя молоком облила...

Она отставила банку с оливками на тумбочку и быстро подхватила пальцем каплю, скатывающуюся у меня по груди. После чего игриво облизнула палец и отставила стакан с молоком на ту же тумбочку.

– Нельзя так продукт разбазаривать, – проворковала она, легонько толкая меня в грудь. Я откинулся назад и прикрыл глаза, чтобы через секунду почувствовать ее теплое, почти горячее дыхание на своей ключице...

Говорят, что любовь – это игра для двоих, и в этой игре никогда не бывает побежденных. Побеждают оба участника.

* * *

Счастливы те, кто просыпается от того, что выспался. Когда-то я не мог позволить себе такую роскошь и просыпался по будильнику; потом стал фрилансером... и все равно просыпался по будильнику, только график сна сменился на более удобный. А потом «Мы» заработала на полную мощность, и я получил возможность отключить столь полезное и столь ненавидимое всеми устройство раз и навсегда.

И все равно даже сейчас я порой просыпаюсь не по своей воле. Но не потому, что мне надо куда-то спешить. Иногда нас будят наши сны – например, бывают такие кошмары, при которых ощущение ужаса становится совершенно нестерпимым, так что хочется бежать – и ты бежишь из сна в реальность. К счастью, любой кошмарный сон заканчивается пробуждением...

А бывает так, что ты сквозь сон чувствуешь – что-то не так, и неясная, смутная тревога включает внутренние протоколы пробуждения. Все-таки наш организм – совершеннейшая система, и основная проблема в том, что достается она в управление непроходимо дремучим ламерам. Потому причина всех наших неприятностей – в частности, со здоровьем, но и не только, заключается в нашей собственной криворукости, а еще больше – в нашей лени и нежелании элементарно заботиться о сохранности той совершенной аппаратуры, которой наделил нас Господь.

И из этого правила не бывает исключений. Каждый из нас по-своему

губит свой собственный организм, подчас думая, что делает только лучше. Но увы. В моей личной религии Бог в наказание за то, что Адам и Ева не читали мануал, отобрал у них техдокументацию, и их несчастные потомки, по мере своих слабых сил, осваивают доставшееся им оборудование методом научного тыка – с соответствующими последствиями, как-то так.

...Я проснулся как раз от такого тревожащего ощущения. Что-то стало не так, что-то было неправильно. Какое-то время я дрейфовал по краю сна, понимая, что это не явь. Во сне я вновь стоял перед огромным, в рост человека, старинным зеркалом, но в нем опять отражался не я. Там была моя Золушка, моя Карина. Она казалась грустной и держала в руках большое, румяное яблоко. Мы смотрели друг на друга; затем она что-то сказала, но что – я не услышал, поскольку нас разделяло стекло. Помню, я подумал, что это и не зеркало вовсе, а экран неизвестного мне компьютера, с абсолютно идеальной графикой. Должно быть, я отвлекся на эти мысли, а когда вновь заглянул в зеркало, вместо Золушки увидел уже Снежную королеву. Карина стояла в подвенечном платье, таком белом, что, казалось, от него исходит сияние, и яблоко в ее руках превратилось в хрустальное, напоминающее сердце.

Я вздрогнул и проснулся, инстинктивно пытаюсь обнять Карину, но ее не было. В панике я вскочил, хотел позвать Карину, но вместо этого издал лишь какой-то нечленораздельный рык.

Не помня себя, я выскочил в коридорчик, затем, споткнувшись на ступеньке (в спальне, ванной и комнате, по замыслу архитекторов, вероятно, детской, но ставшей моим кабинетом, был теплый пол, потому в эту часть квартиры вели две ступеньки), вылетел в гостиную. Здесь горел свет, на журнальном столике стояла открытая аптечка, рядом лежали разбросанные лекарства... но Карины не оказалось.

Перепугался я не на шутку, но тут мое внимание привлекли странные звуки из уборной. К счастью, дверь туда стояла открытой, там я и нашел Карину. Она была так бледна, что на коже выступили синие прожилки вен, а под глазами пролегли глубокие тени, будто кто-то их подбил. Веки покраснели, словно от долгого плача, на бледных щеках виднелись следы слез.

– Что случилось? – Я испугался еще больше, но не мог не отметить, что бледность делает ее еще больше похожей на Снежную королеву.

– Меня ужасно тошнит, – сказала она сквозь зубы. – И болит живот, внизу. – Она провела ладонью по больному месту.

В наше время, говорят, аппендицит встречается все реже, но мне, например, «повезло» – аппендикс мне удалили в армии, но перед этим я

успел хорошо распробовать все тонкости этого исчезающего недуга – ну, кроме разве что перитонита. Я даже не стал ничего говорить, сказал только какую-то обнадеживающую фразу в духе «не бойся, я с тобой» и тут же бросился на поиски смартфона. Нашел я его довольно быстро, он лежал в спальне, возле ноутбука, но не сразу вспомнил, как вызывать «Скорую». В конце концов умный агрегат сам определил, что мне нужно, и после первого же гудка мне ответили:

– «Скорая» слушает.

Я назвал свой адрес. Диспетчер уточнила, что случилось.

– Подозрение на аппендицит, – сообщил я.

– У вас? – уточнила диспетчер.

– У моей девушки, – объяснил я.

– А с чего вы взяли, что у нее именно аппендицит, вы что, врач? – строго спросила диспетчер.

– Ну, может, она отравилась, – сдал я назад. – Острая боль внизу живота, тошнота, рвота...

– Травм не было? – осведомилась диспетчер.

– Недавно? – переспросил я.

– Нет, в прошлом веке, – ответила диспетчер. – На днях. Она не падала, не ударялась?

– Нет, ничего такого... – Я почувствовал непонятную злость. Карине плохо, а эта язва мне дурацкие вопросы задает. – Какая разница? Вы ехать будете?

– Я ваш вызов передала бригаде уже, – строго ответила диспетчер. – И для них же уточняю диагноз. Пока они едут, я все уточню, чтобы им время сэкономить. И нечего орать на меня!

– П... простите. – Это звучало вполне логично, и мне даже стыдно стало. Диспетчер задала еще пару вопросов, уточнила код домофона (я сказал, что у меня охранник на территории и он же откроет подъезд) и отключилась. Я дал отбой и пошел к любимой.

Карина как-то боком сидела на сиденье, опершись локтем о бачок.

– Как ты? – спросил я с тревогой.

– Каком кверху, – огрызнулась она. – Больно очень.

У нее на лбу выступили капли пота, в глазах застыло страдание. Черт его знает, как это, описать не могу, но я видел – ей очень больно. И мне очень хотелось хоть как-то облегчить ее страдания, но как?

– Я вызвал «Скорую», – сказал я. Она кивнула. – Тебе что-то принести?

– Йаду, пожалуйста, – сказала она сквозь зубы. – Сдохнуть хочу, как

болит.

Я не успел ничего ответить, как раздался звонок. Прибыла «Скорая».

Быстро они, ничего не скажешь. Впрочем, их станция в одной автобусной остановке от моего дома, вспомнил я и пошел открывать двери.

* * *

Для врача, наверно, необходимое качество – располагать к себе. Почему-то мне кажется, что лечение у доктора, которому доверяешь, будет более эффективно, чем у того, кто своим видом вызывает подозрение и неприятие. К сожалению, поскольку медработники тоже люди, они часто бывают нервными и издерганными, а те, кто работает в «Скорой помощи» – в особенности. Конечно, труд врача вообще тяжел, в том числе с психологической точки зрения, а труд врача «Скорой помощи» – тем более. Потому, когда прибывший по вызову доктор сразу вызывает доверие, это большая удача, как по мне.

В прибывшей бригаде было три человека: дюжий пожилой мужчина, оказавшийся водителем, молодая девочка – то ли практикант, то ли стажер, и пожилая женщина, похожая на Матрону Московскую, только и того, что не слепая. Но ее лицо, ее взгляд, даже ее движения как-то внушали спокойствие.

– И где пострадавшая? – спросила она, на ходу набрасывая протянутый ассистенткой халатик. Я покраснел: Карина до сих пор находилась в уборной, точнее, я так думал. Оказалось, с прибытием «Скорой помощи» она кое-как собралась с силами и выползла в коридорчик да еще и накинула на себя халатик, очевидно, подхваченный в ванной. – Ага, вижу... да, девочка, выглядишь ты нездоровой. Покажи-ка, где болит...

Я отступил в коридор, пропуская доктора в комнату. Там, где работают профессионалы, профанам делать нечего, уж это-то я знал точно.

– Если вам что-то понадобится, – начал было я.

– ...то мне Юля поможет, – ответила женщина. – Где я могу осмотреть девочку?

– Проходите в спальню, – сказал я. – По ступенькам вверх и налево.

Врач в сопровождении ассистентки проследовала туда, куда я сказал, подхватив на ходу Карину, которая дожидалась ее в коридорчике, а мы с водителем остались в прихожей.

– Я пойду в машину, – сказал он. – Приготовлю пока носилки, на

всякий пожарный.

– Вам помочь? – спросил я.

– Чем? – удивился он. – У меня даже носилки – раскладушка, я сам с ней управляюсь, а у вас в грузовом лифте можно в футбол играть. Вот это дом, я понимаю, не то что моя хрущоба...

И водитель ушел, оставив меня одного. Я не знал, что делать. Вообще говоря, пока я старался помочь Карине, я как-то не задумывался о происходящем, действовал на автомате, но теперь, когда я ничем не мог помочь, я почувствовал что-то вроде паники.

Впрочем, длилось это недолго – я лишь успел включить сигарету и сделать пару тяг, как из моей собственной из спальни, с вполне жизнерадостным лицом, появилась тетя-доктор, и ее ассистентка следом. Причем девушка – совсем молодая, наверно, еще студентка – выглядела какой-то смущенной.

Доктор на ходу достала из надетой под халат вассерманки блокнот с припиленной ручкой.

– Я выпишу лекарства, – сказала она. – И направление на обследование. Хотя последнее вам, наверно, ни к чему.

– Что с ней? – спросил я тем не менее встревоженно: несмотря на спокойный вид врача, сам я успокоиться все никак не мог. – Что случилось?

– Да уж, случилось так случилось, – сказала женщина, широко улыбнувшись. – В мое время с этим поздравляли, а по нашим временам даже и не знаю, что сказать. У вас с этой девочкой как, серьезно?

– Серьезно... – Я совершенно не понимал, что происходит. – Жениться хочу. Так что, если надо почку на пересадку или...

– Тьфу на вас, какая почка? – продолжала улыбаться женщина. – А что жениться хотите – это правильно. Не понимаю я современную молодежь – чего они так боятся штампа в паспорте. Сами бегают от ответственности, а потом стонут по своим бложикам, какие они одинокие. Так кто ж с тобой быть-то захочет, если ты чуть что – сразу в кусты?

– Я ответственности не боюсь, – сказал я хмуро, включив внутреннего Иа. – Не знаю, как другие, и плевать на них, а я для Карины что угодно сделаю...

– Ага, сделаешь. – Женщина незаметно перешла со мной на «ты», впрочем, возраст ей это вполне позволял. Не знаю, как кого, а меня повсеместное тыканье обычно раздражает, но не в этом случае. – Если мужик, сделаешь. Много придется делать...

– Все так плохо? – еще больше испугался я.

– Как раз наоборот, – ответила женщина. – Все лучше некуда. Но не

только проблемы приносят хлопоты – иногда и счастье требует очень большого труда... да какое там иногда, почти всегда...

Она дописала что-то в блокнотике, вырвала страницу и передала мне.

– Как тебя зовут-то? – спросила она.

– Сергей, – сказал я.

– А по батюшке? – уточнила она.

– Юрьевич, – ответил я. – А зачем вам?

– А затем, что в тех краях, откуда я родом, раньше людей по отчеству начинали величать после того, как они потомством обзаведутся. Так что был ты у нас допрежь Сережей, а сегодня проснулся Сергей Юрьевичем. Ну, чего ты на меня смотришь, как на пришельца с Сатурна? Ребенок у тебя будет, беременна твоя Кариночка. Шестая неделя по всем признакам.

Часть 3

Ветра разлук

Глава 1

На вечеринку один

Я набрал номер Карины, но она трубку не взяла. Я с досадой прервал звонок. Ч-черт, когда надо, никогда не дозвонишься. Я прекрасно понимал, что, скорее всего, она просто спит, но мне действительно было необходимо с ней посоветоваться... а она не брала трубку.

А Александр Ильич не отставал. Он даже схватил меня за рукав и держал, возможно, чисто на автомате. Вроде того, чтобы я не сбежал.

– Вы не понимаете, какой это шанс! – тараторил он. – Это же США! Америка!

Александр Ильич был профессиональным организатором. Круг его задач был мне неясен и казался безграничным. Он являлся главным организатором «Медиапрорыва», но при этом входил в совет директоров крупнейших айти-симпозиумов Запада. И сейчас он приглашал меня буквально в святая святых. По крайней мере, с его точки зрения.

Я пожал плечами:

– Ну США, и что с того? – Я не из тех людей, которые замирают от восхищения, едва заслышав название страны победившего Трампа.

– Как это что? – искренне недоумевал Ильич. – Это же Силиконовая долина!

– Кремниевая, – поправил я его. Интересно, кто придумал этот дурацкий перевод? Материал компьютерных микрочипов – кремний, латыни *Silicium*, но уж никак не силикон. Силиконовая долина – это промежуток между грудой Памелы Андерсен. С таким же успехом этот некогда вожделенный, а теперь несколько потерявший свой мишурный блеск уголок Калифорнии можно было назвать силикатной долиной. Кстати, даже ближе по смыслу. Силикаты – группа минералов, содержащих кремний. В отличие от силикона, который кремний хоть и содержит, но относится к области органической химии.

Это, конечно, занудство, но... у меня было такое настроение. Я раздражался и чувствовал себя, что называется, не в своей тарелке. И на то имелись свои причины.

Когда-то у Виктора Цоя в группе был музыкант, прогуливавший репетиции, ссылаясь на болезнь своей девушки. Эта болезнь, впрочем, не мешала ему посещать вечеринки. Цой в отместку написал песню «Когда твоя девушка больна», где высмеял своего нерадивого приятеля. Чем

закончилась эта история, я не знаю, но суть не в этом.

Нормальный человек просто не в состоянии окунуться в атмосферу праздника и искренне разделять восторги окружающих, когда его девушка больна. Да даже когда ее просто нет рядом. Когда любимого человека нет рядом, подсознание то и дело подает тревожный сигнальчик: что-то не так. Может, именно потому и говорят: «нашел свою половинку»?

Лишь обретя любовь, понимаешь, каким **нецелым** ты был до этого.

Откровенно говоря, сейчас у меня имелось только одно желание – сбежать побыстрее домой. И это при том, что на этих именинах я значился королем. «Мы» стало соцсетью номер один, властно распахив локтями конкурентов и оставив их далеко позади. Более того – для того чтобы конкурировать с моей сетью, конкурентам следовало полностью поменять свою политику сетевой организации, чего они, по многим причинам, сделать не могли. Хотя бы потому, что архитектура «Мы» была бережно запатентована и собственниками международного патента являлись и я, и компания «БИК лимитед» в равных долях.

Конечно, я не обольщался – рано или поздно найдется кто-то, кому удастся создать конкурирующую архитектуру сети. Но до той поры я... мы... «Мы» – находились на интернет-олимпе. И я, по-хорошему, должен был чувствовать себя местным Зевсом и с важным видом принимать поздравления...

Так откуда взялась печаль?

Конечно, беременность – не болезнь, скажете вы и будете правы. Не болезнь, и даже наоборот. Но меня беспокоила реакция Карины. Точнее, даже не реакция, а ее отсутствие.

Я ждал, что она обрадуется, допускал также, что расстроится, всяко бывает. Странно, что такая вещь, как появление на свет ребенка, **твоего** ребенка, может кого-то не радовать и не восхищать, но таковы реалии. Современные люди слишком ценят себя, любимого, чтобы в чем-то себя ужимать, даже ради собственного ребенка. Потому я вполне понимаю тех, кто уходит в «чайлдфри». Понимаю, не осуждаю, но, откровенно говоря, и не поддерживаю.

Лично я был обрадован известием о том, что у нас будет ребенок. Как вы уже поняли, я люблю анализировать свои чувства, так вот эта радость была иррациональной и неконтролируемой. Она ничем не объяснялась, просто существовала как данность. У меня будет ребенок! И пусть весь мир катится в тартарары кверху тормашками – какая разница?

Говорят, что мужчины часто не радуются, получив подобное известие. Это мне непонятно, как непонятны многие другие вещи, для нашего мира

вполне нормальные. Радоваться тому, что у тебя будет ребенок, так естественно! Тем более – мужчине. Я еще могу понять женщин, которые боятся детей, ведь страх перед родами, страх потерять красоту вполне объяснимы. Но почему-то женщины, если не врет статистика и народная молва, радуются беременности намного больше, чем мужчины. Парадокс?

А может, просто изменился и измелечал мужской род? Когда-то мужчина был добытчиком, защитником и кормильцем, но потом цивилизация лишила его необходимости добывать, кормить и защищать. Теперь с этим вполне справляются общественные институты, а между полами добровольно-принудительно установили равенство.

Казалось бы, равенство – хорошая вещь, но иногда оно даже более несправедливо, чем неравенство. Почему-то никому не приходит в голову, что равенство может не только обогащать, но и наоборот. И устанавливая это равенство, мы можем ущемлять чьи-то интересы. Что получилось в итоге? В условиях равенства полов мужчины потеряли ориентир, лишились, можно сказать, смысла жизни, который состоял в заботе и защите. Защищать нужно того, кто слабее; если все равны – кого защищать? О ком заботиться? Вот потому некоторые из нас плюют на все и заботятся только о себе, а потом говорят – мужчины-де эгоисты. А кто их такими сделал?

Я, возможно, какой-то реликтовый вид, но лично я, признаюсь честно, не принимаю идеи равенства. Для меня непреложной аксиомой является то, что я уже сказал: женщину надо защищать, о ней необходимо заботиться, ее даже нужно баловать. Иначе ты не мужчина, а какое-то бесполезное существо с мужским набором половых признаков. Может, с чьей-то точки зрения я – мужская шовинистическая свинья, ну и ладно. Хрю-хрю.

Так вот, осознав, что я стану отцом, я как-то практически сразу изменился. У меня по этому поводу не было ни сомнений, ни терзаний. Это уже произошло. Мир изменился. Теперь не одна лишь Карина, но и наш будущий ребенок – моя ответственность. Потому меня и удивила Каринина реакция. Она восприняла новость абсолютно равнодушно. Нет, я не ожидал, что она начнет носиться по квартире с радостными воплями «ура, я буду мамочкой» или, наоборот, рвать на себе и на мне волосы с криком «за что это мне, я еще так молода-а-а?», но такого полнейшего равнодушия я тоже не ожидал. Она сказала, что очень устала и пойдет спать. Это я еще мог понять. Но, когда на следующее утро я попытался с ней поговорить о случившемся, она заявила буквально следующее:

– Это же только врач «Скорой», а не гинеколог. Не факт, что она не ошиблась.

– И что ты думаешь делать? – спросил я. Откровенно говоря, я не знал,

как Карина относится к детям, хочет она их или нет. Она никогда не говорила об этом, потому в равной мере могла оказаться и чайлдфри, и наоборот.

– Найти нормальную клинику и записаться на прием, – ответила она с тем же невозмутимым спокойствием. – И чем быстрее, тем лучше.

– Почему? – спросил я, внутренне похолодев: она находилась в стадии Снежной королевы, и я испугался, что она хочет прервать беременность. Нет, я не принадлежу к активистам движения за запрет аборт. Если честно, мне вообще все равно, что другие люди делают с собой и своей жизнью. Если завтра, выйдя на улицу, я увижу, что вся Москва ходит на четвереньках, я пойду дальше, даже не удивившись. Но сам на четвереньки не стану: это их жизнь, а это моя.

И в этом смысле я не хотел бы, чтобы Карина делала аборт. Но и отговаривать бы ее не стал, хотя, наверно, это что-то поменяло бы в наших отношениях...

– Потому, дорогой, что беременность – это серьезно, и чем раньше тебя начнет наблюдать хороший специалист, тем лучше, – объяснила она ледяным тоном. Но от этого холода у меня на сердце потеплело.

– Тогда найди самую хорошую клинику, – сказал я. – За любые деньги. Если хочешь, можем даже иностранную...

– Милый, сейчас не девяностые, – продолжила она столь же холодно. – В Москве клиники не хуже, чем в какой-нибудь Швейцарии, были бы тугрики. Благо наш премьер об этом неустанно печется, прям без выходных и праздников.

– Вот с этим точно проблем не будет, – сказал я. – В смысле с деньгами. Карточка у тебя есть, так что...

– Умгу, – ответила она. Мы были на кухне, и у нас как раз поспел завтрак в скороварке. Взяв у Карины свою порцию, я понял, что чувствую себя не в своей тарелке. И все из-за Карины и ее холодности. Чего она так? Будто я виноват... то есть, конечно, я виноват... если здесь вообще применимо слово «виноват».

– Ты на меня обижаешься? – спросил я. Карина, до того смотревшая себе в тарелку (лосось с паровыми овощами, типа, здоровая пища – Карина увлеклась какой-то модной диетой), подняла взгляд. Взгляд Снежной королевы.

– Я? – спросила она, и казалось, в небе появилось жаркое майское солнце – ее взгляд почти моментально потеплел, и Снежная королева превратилась в Золушку так стремительно, как бывает только в сказках. – Ну что ты, Сережа! Наоборот, я очень счастлива. Я же люблю тебя, и этот

ребенок... наш ребенок, он как знак нашей любви, понимаешь? Просто... я сама пока еще не поверила и уж точно не поняла...

Ее слова звучали как-то странно. Вроде правильно, но так, словно за ними скрывалось еще что-то – может, страх, может, неуверенность.

– Может, ты думаешь, что я этому не рад? – спросил я. – Да я так рад, что готов...

– Сережа, – перебила она меня. – Я все понимаю. Просто я устала, понимаешь? Перемены в жизни, особенно такие, выматывают похлеще любой тренировки.

Я кивнул. Не то чтобы я испытывал что-то подобное, но это было понятное и логическое объяснение. А потом меня осенило.

– Вот что, Кариша, – сказал я. – Я планировал сделать это немного позже и в более романтической обстановке, но обстоятельства сложились так, что...

– Сережа, если ты хочешь предложить мне выйти за тебя, то давай немного подождем, хорошо? – вновь перебила меня она.

Я удивился:

– Но почему?

– Ты же хотел, чтобы обстановка была романтической? – спросила она. – Ну, вот и отлично. А пока занимайся своей конференцией, а я подыщу клинику, уговор?

Конечно, я согласился.

* * *

– Какая разница? – не унимался Ильич. – Вы понимаете, о чем я! Это – центр мировых айти-технологий! Там сосредоточено все самое передовое...

– Все самое передовое сейчас сосредоточено в Китае, – парировал я. – В Китае, Индии, Японии и у нас. США в айти постепенно теряют темп, уступая пальму первенства странам БРИКС. Конечно, побывать в КД^[8] было бы интересно, но не более того, а у меня и дома проблем хватает.

– Да вы с ума сошли! – Эмоциональность моего собеседника буквально фонтанировала, он размахивал руками так, словно очутился прямо в эпицентре роя недовольных пчел. – После вашего триумфа здесь, на Медиаэкспо! После того как вы появились...

– Погодите, – прервал я его. – Мне звонят, и звонок важен.

Это была Карина, я понял это по рингтону.

– Ты меня разбудил, – заявила она, но ее тон трудно было назвать сердитым. Скорее наоборот – довольным и умиротворенным. – Что-то важное?

– Ага, – сказал я. – Мне сватают командировку.

– Куда? – уточнила она.

– За океан, – ответил я. – В солнечную Калифорнию, край миллионеров и айтишников. Собственно, на айтишный симпозиум.

– Здорово! – обрадовалась она. – Так и поезжай.

– Без тебя? – удивился я. – В смысле, зная, как ты относишься к авиаперелетам...

– Конечно, без меня, – ответила она. – На кой я тебе там? А в самолет я, будучи в положении, не сяду – черт его знает, как перелет повлияет на течение беременности?

И откуда у нее вдруг взялась эта странная фобия? Я мог бы сказать, что женщины летают и на более поздних сроках. Некоторые даже рожают в самолетах. Но подобная тирада вполне могла разбудить Снежную королеву, а я предпочитаю общаться с Золушкой.

– Меня же неделю в Москве не будет! – продолжал я. – Как ты без меня?

– Наведу любовников и буду заниматься групповым сексом в ванне с шампанским, – хохотнула она, потом на всякий случай уточнила: – Шучу. Сережа, я уже большая девочка. Могу позаботиться о себе. Заодно и решу все вопросы с клиникой. Мне по телефону сказали, что потребуется несколько посещений, анализы там сдать, то-се...

Карина подобрала себе клинику, в которой решила стать на учет. Это была пафосная и дорогая, хоть и не запредельно, контора с дивно романтическим названием «Геката». По моему скромному разумению, такое название больше подходило бюро похоронных услуг. Черт его знает, чем думают учредители наших российских предприятий, но названия некоторых компаний вводят меня в ступор. Например, когда я думал о нашей с Кариной свадьбе, я листал каталог свадебных салонов и наткнулся там на организацию с гордым именем «Дидона». Интересно, а учредители этого салона вообще в курсе, что Дидона – это та дама, которой Одиссей обещал жениться, но кинул с этим по полной программе так, что бедная девочка совершила на этой почве первое в истории аутодафе? Я бы лично не рискнул обращаться в такой свадебный салон. По тем же причинам мне не нравилась и «Геката», но моя любимая, что называется, уперлась рогом, и я вынужден был отступить.

Впрочем, в остальном «Геката» находилась абсолютно на уровне, что

подтверждалось сканами бесчисленных лицензий и дипломов, как российских, так и зарубежных. Да и профильные специалисты, как я убедился, были вполне «на уровне». Клиентура у «Гекаты» относилась в основном к элите средней руки, по принципу «с бору по сосенке», что и неудивительно, учитывая уровень конкуренции на рынке подобного рода услуг. Отрицательных отзывов в Сети я не нашел, как ни искал, положительных же набралось, что называется, даже с лишком. Ну, вот и хорошо.

– И все равно мне стремно, – признался я Карине.

– Милый, я не отношусь к тем клушам, которые стремятся привязать к себе мужчину и водить его за собой на поводочке, – ответила она. – Для этого я слишком тебя люблю. А кроме того, я тебе доверяю и уверена, что в Калифорнии ты будешь заседать с умным видом в компании разных джобсов и гейтсов, а не принимать ванну с шампанским в компании длинноногих фотомоделей.

Далась ей эта ванна... впрочем, плеск воды на заднем плане недвусмысленно подсказывал, откуда у нее такие ассоциации.

– В компанию Джобса, я думаю, мне пока рановато, – ответил я. – То есть ты считаешь, что мне надо соглашаться?

– Конечно! – с жаром сказала она. – Нельзя упускать никаких шансов оказаться на виду. Плюс тебе это будет интересно.

– Хорошо, – сказал я. – Но я буду скучать. Я уже начинаю скучать.

– А я по тебе, – ответила она. – Но для женщины ждать встречи так же естественно, как для мужчины – стремиться к этой встрече. Не переживай, любимый, вернувшись домой, ты всегда застанешь там свою Золушку.

– Люблю тебя, – прошептал я.

Она ответила:

– А я тебя.

Сбросили звонок мы одновременно, так у нас было заведено.

* * *

Тому, что я изменил свое решение, Ильич обрадовался как ребенок:

– Поверьте, вас там очень, очень ждут! Скажу вам по секрету: многие проявляют интерес к сотрудничеству с вашей соцсетью, и нужен лишь небольшой толчок...

– Камушек, сброшенный с вершины горы, – сказал я. На душе у меня было беспокойно. Я чувствовал, что делаю что-то не так, но не мог понять,

что именно меня смущает и не паранойя ли это.

– Вот именно! – Ильич не замечал моей тревоги и сомнений, а если и замечал, то профессионально делал вид, что не замечает. – Камушек, за которым последует лавина!

– Ваши слова да богу в уши, – ответил я. – Вот только у меня нет американской визы, только шенген...

– Забудьте об этом, – отмахнулся Ильич. – У нас наработанные контакты с посольством, получите при регистрации все, что нужно. Я сброшу вам на электронку то, что для этого потребуется.

– Слишком быстро, – сказал я задумчиво.

– Время такое, – вздохнул Ильич. – Темп жизни повысился. Вам, молодым, проще адаптироваться, а нам... В конце концов, у вас почти неделя на подготовку, неужели не успеете?

– Успею, – заверил я его. На том мы и распрощались.

Глава 2

Черная страница

Прямо передо мной ввысь поднимался горный склон. Я в горах отродясь не бывал, но в кино видел неоднократно. Этот склон был довольно крут, как мне показалось, а гора – высокая, я бы сказал, очень высокая. Ее вершину покрывал сверкающий на солнце лед, а каменистые голые склоны клочками присыпал снег. Снег лежал и у меня под ногами, а чуть дальше в долине, где я стоял, виднелся довольно красивый бревенчатый дом. Такой дом украсил бы собой любой музей народной архитектуры – от конька в виде воздетой в немом ржании лошадиной головы до фундамента, покоящегося на вбитых в землю сваях, он был покрыт кружевом деревянной резьбы. Жар-птицы окружали скаты крыши, сплетаясь крыльями и хвостами, горельефные коньки-горбунки и золотые рыбки украшали стены, а наличники казались тульскими пряниками.

Но я лишь бросил недолгий взгляд на эту поэзию народной резьбы по дереву – я смотрел в гору, на далекую, недостижимую для меня вершину. Я ждал.

И дождался. На вершине что-то едва заметно блеснуло. Сначала я даже подумал, что мне показалось, но блеск повторился, затем еще раз, а потом... казалось, сверкающий на солнце ледник дрогнул, словно оплавляясь от яркого солнечного света. Как в замедленной съемке, я смотрел, как часть ледника с кажущейся неспешностью начинает сползать вниз.

Это была горная лавина, огромная масса снега, льда и камня, набирающая скорость вниз по склону. Она двигалась прямо на меня, но я не мог даже пошевелиться, чтобы уйти с ее пути. Я знал, что кто-то беспечно столкнул камушек, вызвавший эту лавину, и теперь она мчится, чтобы похоронить меня в этой долине без отпеваний и надгробных речей. От ужаса – а это по-настоящему ужасно – видеть, как огромная, стремительно теряющая свою белизну и приобретающая все более темный грязно-серый цвет масса мчится прямо на тебя, разрастаясь каждую секунду, – все замерло в моей груди, но я по-прежнему не мог сделать совершенно ничего для того, чтобы хоть как-то спастись. И вот лавина уже рядом, вот она проносится мимо, обрушиваясь на сказочный домик и разнося его в щепки, в мелкую труху. Меня обдает градом щебня и льда, что-то больно бьет меня по рукам, плечам, щекам... а через минуту все

затишает. Долина передо мной похожа на застывшее озеро лавы; его грязевая поверхность слегка подрагивает. О том, что здесь когда-то стоял «пряничный домик», напоминает лишь торчащая из этой грязи конская голова, расщепленная надвое сильным ударом. А я смотрю на себя, на свои руки и вижу, что я весь в грязи, что на кулаках содрана кожа, словно после драки, и кровь смешивается с этой влажной грязью. Болит плечо, бедро и грудь, лицо саднит, словно после бурана, но я жив, жив и не ранен. Но почему-то совсем этому не рад, словно лавина унесла с собой что-то очень дорогое.

С этой мыслью я и просыпаюсь. И тут же слышу приятный женский голос:

– Дамы и господа. Наш самолет произвел посадку в аэропорту Лос-Анджелеса. Местное время тринадцать часов двадцать четыре минуты. Температура двадцать восемь градусов по Цельсию.

Ремень безопасности должен быть застегнут до выключения табло «Застегните ремни».

Приносим свои извинения за причиненные неудобства при посадке, связанные с местной зоной турбулентности.

От имени экипажа благодарим вас за то, что вы воспользовались услугами авиакомпании «Аэрофлот». Мы будем рады новой встрече с вами!

В отношении путешествий люди делятся на три категории. Одни одержимы страстью к передвижениям, их хлебом не корми, дай увидеть новые места. Другие, наоборот, привязаны к родным пенатам, и в дальние дали их калачом не заманишь. А третьи к перемене мест относятся равнодушно и перелет на другой континент воспринимают так же спокойно, как поездку в метро от шоссе Энтузиастов куда-нибудь в Новогиреево.

Увы, судьба (под судьбой я понимаю не какую-то всевластную разумную силу, а исключительно ход событий и стечение обстоятельств) не интересуется нашими предпочтениями и склонностями нашего характера. А потому порой домоседов, к вящему их неудовольствию, мотает от Мичигана до Магадана, а романтики дальних странствий либо сидят дома, сглатывая слюнки на буклеты турфирм, либо на с трудом добытые гроши путешествуют автостопом и ночуют в поле чистом. Я, к счастью, относился к третьей категории. Для меня затворничество не стало бы трагедией, а поездка, даже в Антарктиду, не заставила биться в экстазе о пол с воплями «Ура, наконец-то!».

Более того – если большинство из нас видит за рубежом только блеск фасадов и вывесок, я обращаю внимание и на изнанку этого благолепия. А

в этом отношении, по крайней мере, развитые страны мало чем отличаются друг от друга. Как говорит Матвей, свое Бирюлево есть в каждом мегаполисе. И, алаверды, в каждом городе мира есть своя Красная площадь, фигурально выражаясь.

Мне одинаково непонятны те, кто восхищается чем-то чужим, а свое ни в грош не ставит, равно как и те, кто исходит любовью к каждой кривой осинке или пальмочке, если она произрастает у отчего дома, а все чужое поливает помоями. Дома хорошо, в гостях тоже неплохо.

Потому, спускаясь по трапу в аэропорту Лос-Анджелеса, я не испытывал ни особого воодушевления, ни наоборот. Разве что легкое разочарование – я-то ожидал увидеть бетонные джунгли, застроенные небоскребами от горизонта до горизонта, и на их фоне – ультрасовременное здание аэропорта. Ничего подобного – небоскребов в Городе ангелов оказалось не больше, чем в Москва-сити, да и аэропорт оказался вполне заурядным, а его визитная карточка – диспетчерская башня – вообще до боли напоминала блинчик, зависший над Пейзажным мостом, разве что размерами побольше. А вот горы на горизонте неприятно напомнили мне давешний сон, заставив поежиться.

За таможенным контролем меня тут же перехватили двое встречающих, оказавшихся русскими и вообще приятными ребятами. Гена являлся харьковчанином, он вел машину и по большей части молчал. Предупредил только, что ехать долго, часа четыре, и лучше было лететь до Фриско, и вообще, Силикон Вейли даже входит в округ Сан-Франциско и связана с ним метро. Саша оказался почти что москвичом, из Долгопрудного. С ним мы, по большей части, и общались. Говорил он медленно, тягуче, словно не сразу вспоминал нужные слова, хотя он рассказал, что с языком проблем не будет, «потому что в Силикон Вейли английский – четвертый по употребимости после хинди, русского и китайского». В конце поездки он признался, что ожидал встретить кого-то более заносчивого, дескать, их предупредили, что к ним едет, как выразился вездесущий Ильич, «большой пуритц»^[9], да они и сами с Википедией дружат. Опаньки, а я и не знал, что обо мне написано в Вики. Надо посмотреть, как приеду.

Мы промчались по величественному Тихоокеанскому шоссе через знаменитую Санта-Барбару, не обращая внимания на местные достопримечательности, которых здесь, по словам Сашки, находилось как блох на вшивом Барбоске, и действительно довольно быстро, часа за два, добрались до Сан-Хосе. Остановились мы лишь один раз, чтобы отдохнуть и перекусить с видом на океан. Поскольку Генка был за рулем, а я отношусь

к трезвенникам, пили мы только кофе, при этом Сашка все удивлялся, какого лешего Ильич отправил меня в ЛА, если «у нас в Хосе свой международный аэропорт, да и до фрискинского доплюнуть можно в хорошую погоду».

Сан-Хосе вызвал во мне двойственные чувства – похоже на Сочи, только высотность повыше. Солнечно, свежо, океан рядом, пальмы симпатичные, местами довольно уютные кварталы, но самолеты носятся буквально над головой, едва не задевая небоскребы, по крайней мере так кажется. Я и сам сначала недоумевал, на кой мне было лететь в Лос-Анджелес, чтобы потом машиной переться в город со своим аэропортом, но все выяснилось быстро – после санкций прямых рейсов из Москвы не было ни в Сан-Хосе, ни даже в Сан-Франциско. Только в Лос-Анджелес.

Вообще, Соединенные Штаты я прозвал про себя страной «если бы». Эти два слова не покидали меня все мое краткое пребывание в ней. Если бы я приехал сюда год или два назад – меня бы поразила Силикон Вейли и приятно обрадовало то уважение и то дружелюбие, с которым там ко мне относились. А относились ко мне действительно как к «большому пуритцу», особенно с учетом того, что сам Марк, который Цукерберг, поздоровался со мной как со старым приятелем – и это при том, что я являлся, в сущности, его прямым конкурентом, и конкурентом весьма опасным.

Или если бы я мог привезти сюда Карину! Ее мне здесь очень не хватало. Как бы я хотел гулять с любимой по улочкам этого города или купаться в океанских волнах, да даже просто бродить по здешним супермаркетам или по похожему на цыганскую ярмарку мексиканскому рынку! Без моей Золушки все это было не в радость, без нее все казалось пресным, неинтересным, бесцветным... А моя тоска доходила даже до того, что однажды, когда я возвращался в отель, мне показалось, что я воочию увидел Карину.

Она промелькнула, словно призрак, и скрылась за открытой дверью минивэна с логотипом какой-то новостной компании – две черные буквы на зеленом фоне. Дверь микроавтобуса тут же закрылась, и он сразу же двинулся с места в сторону выезда со стоянки. Я лишь успел заметить, что за рулем его сидел темнокожий, скорее мулат, возможно, кубинец.

Конечно, предположить, что моя любимая оказалась в Калифорнии в компании неизвестного мне кубинца, я не мог. Это было всего лишь *déjà-vu*, и ничто иное. Но мне, как назло, вспомнился рассказ Карины про доппельгангера – и я почувствовал ничем не мотивированный страх.

Конечно, глупо бояться призраков и доппельгангеров в моем-то

возрасте! Я же не школьник в летнем лагере. И все-таки что-то примитивное в нас поддерживает и питает подобные суеверия, потому многие взрослые и серьезные люди обходят стороной черных кошек, хотя чем может повредить несчастное животное?

К концу моего пребывания, словно еще одна примета, погода неожиданно для всех взяла и испортилась. Небо заволокло тяжелыми тучами, то и дело срывался дождь, и казалось, подобному поведению природы удивлены даже старожилы.

* * *

Перед бурей, грозой или снегопадом у метеочувствительных людей, которых с каждым годом становится все больше, резко ухудшается самочувствие. Это вполне объяснимо – в окружающей среде происходят изменения, и это отражается на нашем организме. Я, в силу своей «профдеформации», всегда считал человеческую психику чем-то вроде компьютера и вскоре с удивлением отметил, что многие правила, применимые к компьютеру, вполне уместны при описании человеческой психики, а соответственно концепции организации компьютерных сетей неплохо применяются для анализа общественных отношений – и, что самое удивительное, наоборот тоже. Эта находка меня заинтересовала. Пообщавшись на конференции с аййтишниками разного профиля, происходившими из разных культур, я еще больше уверился в этом выводе и еще больше этим заинтересовался. Возможно, когда-нибудь я создам стройную теорию на сей счет и, конечно же, опубликую ее... Глядишь, еще и Нобеля отвесят, чем черт не шутит, последнее время его повадились давать кому ни попадя.

Так вот, человеческая психика, на мой взгляд, совершеннейший компьютер, и нам, пользователям, известна лишь малая часть его возможностей. Что вполне справедливо и для «железа» – рядовой пользователь той же операционки «Виндовс» знает о ее возможностях хорошо если десять процентов, и из того, что знает, использует только малую часть. Чтобы в этом убедиться, достаточно просто взять книжицу из разряда «Виндовс для чайников».

А человеческая «операционка» намного сложнее и интереснее, да только мануалы к ней, говорят, находятся в недоступном для рядового ламера месте и охраняются файерволом ну очень высокого уровня^[10]. Не удивлюсь, если там описано, например, как читать мысли или превращать

свинец в золотишко. Кто знает, ведь даже с помощью тех вещей, которые созданы нами, мы научились делать не меньшие чудеса. Мыслей, слава богу, пока не читают, но свинец в золото вроде бы уже превратили в синхрофазотроне – правда, пока лишь несколько атомов...

Я не зря сказал о метеочувствительности; раньше я уже говорил о том, что мы удивительно нечувствительны к тем знакам, которые могут предупреждать нас о чем-то, что может случиться. Но даже самый нечувствительный и толстокожий человек порой без причины переживает какое-то странное волнение, какую-то необъяснимую тоску – и как раз тогда, когда неведомые силы его судьбы что-то меняют в привычном течении его жизни.

Тревогу я почувствовал, кажется, на второй или третий день своего пребывания в Сан-Хосе и сначала связал ее со своей тоской по Карине. Я с ней созванивался дважды в сутки по скайпу, чаще не получалось из-за разницы во времени. Она была спокойна, даже весела, много шутила и лишь чуточку тревожилась из-за того, что в «Гекате» к ней отнеслись, на ее взгляд, излишне серьезно.

– Я Василию Владимировичу говорю: «Я же беременна, а не больна», – рассказывала мне она, – а он мне отвечает: «Плохой врач лечит болезни пациента, а хороший – их предупреждает».

– Здравый подход, – комментировал я. Василий Владимирович, которого Карина неизменно хвалила, был главврачом и, как я понял, соучредителем «Гекаты», медицинским светилом и прочая, и прочая. Не довольствуясь рекомендациями Карины, я воспользовался гугл-поиском и тогда успокоился. Профессор Скорняков являлся действительно известной личностью, даром что молод, немногим старше меня. Научные звания и публикации в авторитетных журналах имелись даже в избытке, единственное, что меня смутило, хоть я и понимал, что придираюсь, – это полная тишина вокруг его деятельности со стороны коллег и конкурентов.

Научный, в том числе медицинский, мир кажется непосвященным холодным и стерильным, как лаборатория. На деле же там кипят такие страсти, что впору приключенческие романы писать. Страсти вообще кипят в любом человеческом обществе, от Капитолия до последней помойки, – отчего наука должна быть исключением?

В статьях ученые мужи, тонко иронизируя, поднимают доводы коллег буквально на смех, но оценить это под силу только специалисту. Чтобы понять, что творится в мире белых халатов и стерильных пробирок, достаточно прогуляться по форумам научных и медицинских сайтов. Если бы светила медицинской науки с тем же рвением, с каким они бросаются

друг на друга, боролись с болезнями, наверно, мы жили бы вечно и без молодильных яблок. Иногда мне кажется, что наука развивается не благодаря, а вопреки стараниям ученых и все открытия делаются только для того, чтобы доказать сопернику, что он не прав.

А может, я слишком много уделяю внимания тому, что пишут на форумах?

Как бы там ни было, в этом бурном море вокруг корабля под именем «Академик Скорняков» царил полнейший штиль. О коллегах, даже тех, с кем он конкурировал, этот видный специалист ранней диагностики заболеваний отзывался с неизменным уважением; они относились к нему примерно так же – в худшем случае, просто игнорировали, но чаще отзывались не без похвалы, хотя и какой-то... накрахмаленной, как воротничок, – так хвалят вышестоящее начальство, если хотят выслужиться. Общие фразы, без «жара сердца», хотя, может, для ученых людей это норма?

Справедливости ради скажу, что Скорняков являлся не единственным в своем роде – подобных ему деятелей науки можно было найти в любой стране с мало-мальски развитой наукой, но и пересчитать их можно было по пальцам. Никто Скорнякова не ругал, но и восхищались им как-то осторожно. Впрочем, я решил, что просто придираюсь и предвзято отношусь к этому человеку.

Второе, что меня удивило, – это отсутствие в Сети вменяемых фотографий профессора. Возможно, где-то они размещались, но я так и не нашел их ни одним из средств поиска. Это меня скорее удивило, зная, как ученые мужи любят попозировать для собственных изданий по поводу и без. Вероятно, Василий Владимирович был не тщеславен. Настолько, что даже вполне информативная статья Википедии о нем (что, кстати, свидетельствовало тоже в его пользу, я имею в виду – наличие статьи в Вики, причем не только на русском, но и на других языках – английском, немецком, испанском, даже японском и китайском) вместо фото тиснула только его факсимиле.

Для сравнения, статья, посвященная программисту-разгильдяю Сергею Аникееву сопровождалась моей фоткой, взятой из буклета «Медиаэкспо» годичной давности. Вид на ней у меня был... не зря говорят, хотите посмотреть на себя глазами недоброжелателя – посмотрите на фото в паспорте.

Черт! Мне очень хотелось взглянуть на этого Скорнякова. Я представлял себе эдакого типичного ученого-сухаря, высоколобого, с залысинами и глубокими мимическими морщинами. Когда мы читаем

чужие тексты, иногда перед нами предстает образ того, кто мог их написать, и такой образ рисовался передо мной, когда я читал публикации этого Скорнякова.

Более того – я не нашел ни одного связанного с ним мало-мальски значимого скандала, разве что на одном совсем уж желтушном форуме два неадекватна на трех страницах пытались «пришить» Скорнякову «пятую графу», и то без особого успеха.

Не знаю почему, но меня все это тревожило. Нет, не возможная «пятая графа» доктора, я вообще никогда ничьей национальностью не интересовался – свои ангелы и уроды есть у каждого народа. А то, что вокруг Скорнякова царило полное молчание. Возможно, это свидетельствовало только о том, что он хороший доктор. Но в моей голове, абсолютно неожиданно и совершенно непонятно откуда, внезапно появилась давным-давно услышанная несмешная чернушная шутка про то, что по-настоящему плохого врача никто не ругает. Некому ругать.

* * *

Тогда я прекрасно осознавал, что страдаю паранойей. Много позже я понял одну непреложную истину. Паранойя, конечно, относится к разряду психических заболеваний, но, как и любое заболевание, в том числе психическое, имеет свою причину. Мания преследования может возникнуть и от травмы, и от болезни мозга, и от какого-то стресса или травмирующего переживания. Как я уже сказал, нас снабдили самым совершенным во Вселенной компьютером из доступных, но забыли дать к нему документацию, включая описание багов.

Все началось с денег. Дело в том, что, когда я открывал счет Карине, я указал свой собственный телефон для посылки отчетов. Не потому, что хотел контролировать ее расходы, а лишь для того, чтобы вовремя пополнить этот счет, если деньги на нем будут заканчиваться.

Шел последний официальный день конференции. В Москве наступало утро, в Сан-Хосе вечер переходил в ночь. Само мероприятие, собственно, закончилось, и участники переместились в уютный мексиканский ресторан, отпраздновать. Торжество проходило не особо бурно, с пивом и мексиканскими закусками, кому-то могущими показаться чересчур острыми, а мне норм, тем паче что алкоголь я не жалею. Перед фуршетом я созвонился с Кариной. Настроение у нее было вполне бодрое, она собиралась в клинику за какими-то очередными анализами. Так что я

вполне мог позволить себе немного расслабиться.

Мог, но не стал. Наоборот, я чувствовал себя так, словно надел на голое тело колючий шерстяной свитер. Самое главное, что я не мог понять, откуда такое неудобство, что именно меня тревожит. Смутное беспокойство, как у кошки или собаки перед землетрясением. Странно: люди, которые так много узнали о строении Земли, о составе и движении магмы, о тектонике, вулканах, материковых плитах и прочем, не могут предсказать землетрясения, а животные, которые вообще ничего об этом не знают, чувствуют его за несколько часов до начала. Может, чем меньше мы знаем, тем больше можем почувствовать?

Сообщение пришло примерно в то самое время, когда Золушка из сказки, спохватившись, вспомнила, что ее платье, карета и прочее – контрафакт и вот-вот может превратиться в нечто такое, в чем щеголять перед прекрасным Принцем будет вовсе не комильфо. Иными словами, было около полуночи, то есть в Москве через час должен был настать полдень. Честно говоря, я не обратил бы на это сообщение ровным счетом никакого внимания, если бы не одно но – через десять минут после этого раздался звонок. Телефон у меня находился в роуминге, так что тому, что звонили из Москвы, я вовсе не удивился.

– Сергей Юрьевич? – спросил приятный женский голос. Я подтвердил, что с утра меня звали именно так и с тех пор я имя-отчество не менял. – Вы являетесь клиентом нашего банка, расчетный счет такой-то, карточка номер такая-то?

Понятно, что девушка добросовестно назвала мне оба номера. Если бы я еще помнил их... но цифры показались мне знакомыми, и я подтвердил этот факт.

– К нам поступило требование на списание с вашего счета денежных средств в размере шестьсот шестнадцать тысяч сто шестьдесят шесть рублей двадцать шесть копеек. Согласно правилам нашего банка...

Честно говоря, наверно, повлияло то, что я уже расслабился и отпустил удила – я не сразу понял, о чем идет речь, но потом до меня дошло: номер карточки, названный девочкой-операционисткой, соответствовал номеру карточки Карины. Я забросил ей два миллиона рублей перед поездкой – по моим прикидкам, за все про все должно было хватить. Но полмиллиона сразу... машину она, что ли, купить собирается? Или антикварное кольцо? Нет, я ничего против не имею, наоборот, но такое поведение для Карины являлось несвойственным. Чего-чего, а в алчности она ни разу замечена не была, наоборот: ее скромность в тратах меня порой даже раздражала.

– Я в курсе, – сказал я. – Средств на счету достаточно?

– Остаток на счету до операции – один миллион восемьсот семьдесят две тысячи восемьсот восемь рублей ноль-ноль копеек, – отчиталась барышня.

– Тогда осуществляйте платеж, – сказал я, назвав кодовое слово (поскольку этот счет давно закрыт, могу признаться – кодовое слово было «Золушка»). – Могу я поинтересоваться, кто получатель платежа?

– Акционерное общество «Центр охраны здоровья «Геката», – отрапортовала девушка. – Расчетный счет номер...

– Спасибо, не надо, – прервал ее я. – Проводите платеж, спасибо за беспокойство.

– Что вы, это наш долг, – ответила она. – Вы нас простите, что побеспокоили.

– Ничего, – ответил я, – всего доброго.

Завершил разговор и крепко задумался.

– Эй, Серый, чего смурной такой? – рядом со мной приземлился Генка. Он находился в ирландских наручниках – то есть обе руки у него были заняты пивом. Я алкоголь не потреблял, потому пил безалкогольное; оно было паршивым на вкус и мутным на цвет, но раз уж все кругом дуют целебный напиток, мне тоже надо, типа я с ними. – Хлебни пивка, пройдет тоска!

– От моего не пройдет, – ответил я, забирая у него бокал с безалкогольным суррогатом. – Проблемы, Генка.

– Что-то с сеткой? – уточнил он. Эх, Генка... хороший парень, но кажется, если бы его подключили к серверу вместо винчестера, он был бы от этого счастлив. С другой стороны, он железячник просто от бога, и узнай я, что он общается с железом напрямую, сильно не удивился бы.

– Нет, – ответил я. – Просто проблемы. Слушай, пацаны не обидятся, если я тихонько сольюсь? Кажется, мне срочно надо собираться домой.

– Как домой? – У бедного Генки глаза буквально на лоб полезли. – Мы ж завтра в Лос-Анджелес собирались!

– Вот что, пока не хипишуем, – сказал я. – Я сейчас к себе, уточню, что произошло, может, еще и съездим в Лос-Анджелес.

– Так все серьезно? – В голосе Генки появилось беспокойство. – Заболел кто-то, что ли?

– Может быть, – сказал я, чувствуя внутри нечто новое. Это нечто напоминало ураган и отчетливо пахло нарастающей паникой. – Надеюсь, что нет. Тогда завтра поставлю всем выпивку. В Городе ангелов.

– Смотри, брат, если вдруг какая беда, сразу звони, – напутствовал

меня Генка. – Ночь-полночь, по фигу; если что, у меня тут знакомец живет, пуэрториканец. По-английски шарит с трудом, зато у него свой самолетик, «Цэ-элька». За полчаса будем в Лос-Анджелесе. Усек?

– Железно, – сказал я. – Спасибо, Генка!

– Не за что, – ответил он. – Свои ж люди...

* * *

Дома я сразу же набрал Карину. Почему я не сделал этого в ресторане? А спросите у больного. Честно говоря, я находился в шоковом состоянии. Не из-за денег, конечно: просто у меня появилось плохое предчувствие.

Карина сняла трубку почти сразу и сказала:

– Привет, Сережа.

Иногда я мыслю чересчур образно даже для программиста, но, если бы кто-то попросил меня описать ее голос, я бы сказал, что он поседел. Вот почему-то именно такая у меня ассоциация была. Седой, как покрытая инеем трава.

– Что случилось? – выпалил я.

– Ничего, – ответила она все так же бесцветно. – С чего ты взял, что что-то случилось?

Я не стал говорить ей про звонок из банка – мало ли что она может подумать? Вместо этого я сказал:

– Мне тревожно.

– Не надо, – сказала она, и что-то в ее голосе неуловимо поменялось, словно в проталине на ручье блеснула чистая ото льда, по-осеннему холодная вода. – Все хорошо, все у нас хорошо. Я тебя люблю, а ты меня?

– Конечно, люблю! – ответил я, стараясь вложить в эти слова весь жар моей души, чтобы согреть ее. Мне казалось, что ей очень холодно внутри, такой у нее был голос.

– Я спать пойду, – сказала она. – Устала очень... ты только возвращайся поскорее, хорошо? Холодно здесь без тебя, хоть и лето, а все равно – холодно...

У меня морозец прошел по коже.

– Я вернусь, – пообещал я. – Завтра уже вылетаю.

– Жду тебя, – ответила она. – И очень люблю. Пока.

И повесила трубку до того, как я успел попрощаться.

Я машинально включил ноутбук. Пока он грузился, я понял, что ничуть не успокоился. С Кариной что-то не так, с ней что-то случилось, и

явно плохое. От того, кто любит, трудно что-то скрыть, для него интонации родного голоса говорят больше, чем тысячи слов...

Сначала я зашел на сайт «Аэрофлота» и забронировал один билет на трехчасовой рейс из Лос-Анджелеса на завтра. Решение я принял моментально, я вообще об этом не думал. А вот после этого задумался – но не над тем, стоит ли лететь, а над тем, что произошло. Что могло вообще произойти.

Внезапно я подумал, что то, что Карина мне не сказала, она могла выложить у себя в блоге. На своей страничке она была намного более откровенна в своих чувствах, чем по телефону или даже при личном общении. Именно в ее блоге я прочитал самые трогательные слова о ее любви ко мне. Значит, именно в блоге я, возможно, найду ответ на вопрос, что произошло.

Я вручную, по памяти, набрал ее адрес. Сначала я подумал, что сетка глюкнула и перебросила меня куда-то не туда, но адрес был верен. И название блога тоже не поменялось, и записи остались теми же. Но оформление...

Раньше блог Карины был выполнен в пастельных тонах – кремовом, мягко-розовом (кажется, это называется «персиковый»), светло-голубом. Декоративные элементы представляли собой изящные виньетки из неяркой золотистой бронзы («старое золото») в виде ажурных уголков, стилизованных голубей и тому подобное. В общем, очень мягкий, нежный, приглушенный дизайн, теплый и уютный.

Все это исчезло. Теперь экран заливала чернота, местами становившаяся темно-коричневой. Цвет шрифта сменился на темно-красный, плохо различимый на черном фоне. Место виньеточек заняли странные белые фестоны, вызывавшие неприятные ассоциации с обивкой края крышки гроба.

Ее страницу взломали? Не может такого быть, потому, что не может быть никогда. Что ж это за суперхакер работал, если ни один из моих «сторожевых псов» – программ-охранников – и ухом не повел? Конечно, неуязвимых сетей не бывает, и мою тоже регулярно «проверяли на прочность» разные скучающие личности – но при любой попытке «несанкционированного вмешательства» я сразу об этом узнавал.

А значит, вмешательство являлось санкционированным. Может, ее ограбили? Украли телефон, ноут, планшетник? Ага, и сразу бросились менять дизайн блога. Что за бред!

Хотя... я вспомнил Ксюшеньку – это было вполне в ее духе. Ну, если это она постаралась... только профан думает, что, заходя в сетку через

проксию и анонимайзер, он становится неуловимым невидимкой. Это справедливо лишь в отношении таких же профанов, как он. Каждое электронное устройство уникально, у него есть биллинг, который, в свою очередь, связан с геолокацией. При нужном навыке вычислить любого злоумышленника не составит труда. Вот и посмотрим, с какого оборудования выходили в Сеть, чтобы нагадить на Карининой странице, и если это Ксюшка-сучка, ей-богу, я ей лично ноги повыдергиваю из того места, откуда они растут.

Я зашел в Сеть под админкой и занялся исследованиями. Когда я закончил, мне стало по-настоящему страшно. Дизайн меняла сама Карина. Кое-что она делала прямо с того телефона, на который я ей после этого звонил. Потом телефон отключила и закончила с домашнего ноута. Не было никаких сомнений – она сама превратила свой уютный бложек вот в этот ужас, устрашающе похожий на гроб.

Что случилось?! Моя паника медленно, но верно становилась хтоническим ужасом. И тут я подумал, что ответ, возможно, лежит у меня прямо под носом. Она что-то оплатила в «Гекате», что-то явно экстраординарное. Может, это как-то связано?

На минутку мне пришла в голову ужасная мысль – а не сделала ли она втайне от меня аборт? Но для аборта такая сумма была явно излишней, даже для «Гекаты». Тогда я просто зашел на сайт клиники и посмотрел их прейскурант.

Вот только там не нашлось подобной суммы. Вообще.

Я перезвонил в банк, благо номер в памяти телефона остался.

– Девушка, я бы хотел уточнить, – сказал я, поздоровавшись. – На какой номер счета сегодня были перечислены деньги с моего. Не могли бы вы...

– Вам должна была прийти СМС, – ответила девушка. – Если вы ее не удалили...

– Нет, конечно, – ответил я. – Спасибо за информацию.

И завершил звонок, а потом просмотрел СМС. Номер счета не совпадал. Был похож, но отличался – одной цифрой. Может, Карина ошиблась номером счета и поэтому так расстроилась? Хотя... все равно непонятно, за что она платила. Я вбил номер счета из СМС в поисковик гекатовского сайта, скорее на всякий случай. На авось, как говорится, но в этот раз авось сработал. Меня перебросило на страницу того же сайта, сильно отличающуюся от тех, которые я посещал. Что за... какая-то скрытая страница, которой нет в проводнике? Другой заголовок – только сейчас я понял, что основной сайт принадлежал «Центру охраны

материнства и детства «Геката», а эта страница – одноименному «Центру охраны здоровья». Пройгнорировав другие разделы, я сразу открыл преЙскурант...

Если вы читали Лавкрафта, то, вероятно, имеете представление о том, что такое «невыразимый ужас». Но ни один мастер пера не в состоянии по-настоящему описать это чувство, когда Вселенная с хлопком коллапсирует в груди, забирая остатки воздуха из легких; когда страх и безнадежность, кажется, тысячами обжигающе ледяных игл пронзают каждую клеточку и ты понимаешь, что произошло нечто такое, чему и имени нельзя придумать, потому что сам страх боится произносить такое имя...

Нужную сумму я увидел моментально.

Это оказалась стоимость комплексной терапии неоперабельного рака органов малого таза III стадии в условиях протекающей беременности.

Неоперабельного рака. Рака, который успел дать метастазы. Рака органов малого таза. Рака третьей стадии. Рака.

Я потянулся к телефону, чтобы позвонить Гене, и одновременно открыл закрытую ранее вкладку «Аэрофлота».

Я должен был быть в Москве как можно скорее.

Глава 3

Умирающая звезда

Дым сигареты, марку которой я не знал, был горек и неприятен. Но иногда нам нужно что-то горькое и неприятное для того, чтобы заглушить, притупить еще более горькое и неприятное чувство в душе.

Я больше не курил электронные сигареты – трудно сказать почему. Может, по той же причине, по которой дикари, пребывая в состоянии глубокой печали, ранят сами себя. Может быть, я хотел наказать свою слишком здоровую плоть за то, что она здорова. Может быть – хотел хоть чуть-чуть почувствовать то, что чувствовала Карина.

На Москву опускался угрюмый октябрьский вечер. На улице с утра... да нет, уже несколько дней подряд, лил дождь и дул пронзительный, сквознячно-холодный ветер. Я опять вспоминал слова из первого блога Карины, те самые, после которых я в нее влюбился. «Мне предстоит долгая, унылая осень, наполненная невеселыми мыслями о смерти и увядании, о неотвратимом и роковом», – писала она и словно предсказывала то, что я сейчас переживал. Моя жизнь была наполнена мыслями о смерти и увядании, но не моем. Если бы моем! Если бы смерть грозила мне, если бы это у меня внутри росла эта трижды проклятая опухоль, пожирающая силы и здоровье с быстротой пожара в сухом сосновом лесу и неотвратимостью сорвавшейся с горы лавины! Если бы это я умирал!

Но нет. Смерть стояла рядом в ожидании, но ждала она не меня. И невидимая стена между нами не позволяла ей услышать мои мольбы, обращенные к ней: забери меня вместо нее! Пусть это буду я!

Почему, по какому принципу судьба выбирает себе жертву? Сколько, должно быть, в мире негодяев? Я читал про мужчину, двадцать лет державшего в подвале девочку, регулярно насилуя ее. Он бежал из тюрьмы и свел счеты с жизнью, бросившись под поезд. Почему рак не сжег его? Почему живет и здравствует маньяк Пичужкин? Почему три выродка, заживо спалившие девочку в курортном черноморском городке, отбывают наказание в тюрьме – и абсолютно здоровы?

А молодая, нежная, прекрасная Карина в это время сгорает от рака. А наш ребенок уже погиб. Он умер еще до того, как рак был обнаружен, собственно, с этого все и началось. Подозрения в том, что с ребенком какие-то проблемы, заставили сделать дополнительные анализы. Тогда-то

страшная правда и открылась.

Известие о смерти моего ребенка, который даже не успел еще определиться с тем, мальчик он или девочка, состарило меня на двадцать лет. Я хотел напиться, но этот путь был для меня закрыт, и мне оставалось лишь в бессильной злобе колотить кулаками по чему ни попадя. В результате я содрал в кровь руки, прямо как в своем сне. Нельзя сказать, что я успокоился. Скорее просто **уговорил** сам себя. Мне надо жить. Мне надо быть сильным. Не для себя, а для того, чтобы спасти Карину.

Смерть хочет отнять ее у меня? Посмотрим. Я сделаю все, чтобы она ее не получила. Даже если для этого мне придется... да что угодно. Я был готов умереть или кого-то убить, лишь бы она жила.

* * *

Когда я вернулся в Москву, сразу же созвонился с Кариной. Она находилась в клинике, и я, не теряя времени, отправился туда. Меня провели к ее куратору, тому самому Василию Владимировичу. Он абсолютно ничем не напоминал тот образ, который я себе нарисовал, да и вообще мало походил на врача. Пожилой крупный мужчина, вероятно, несколько лет тому назад он выглядел довольно крепким, накачанным, но сейчас слегка обрюзг, обзавелся пузцом. Выдающуюся вперед массивную челюсть покрывала седая щетина, глаза навывкате смотрели через тонкие стекла очков агрессивно и неприветливо. Его взгляд очень контрастировал с тихим, почти интеллигентным голосом:

– Я, конечно, понимаю, что в такой ситуации говорить о везении странно, но вам с Кариной повезло, что вы обратились к нам, в «Гекату». Нормальное протекание беременности – несколько, как бы сказать, не наш профиль, мы преимущественно занимаемся патологиями этого процесса. И ранней диагностикой всяких аномалий. К счастью, мы держим руку на пульсе современной науки: с гордостью могу сказать, что у нас собраны последние достижения онкотерапии!

– И все-таки вы уверены в поставленном диагнозе? – спрашивал я. У меня не имелось никаких оснований не доверять доктору Скорнякову – никаких, кроме моей собственной паранойи и его бандитской внешности. Все документы, все дипломы, все лицензии, которые я смог проверить, являлись подлинными. Но я не доверял. А что, если это всего лишь чудовищная ошибка? Когда правда так ужасна, мы невольно отвергаем ее. Мы не верим, что такое происходит с нами, что такое могло произойти

именно с нами...

Удивительное дело, но в беде даже законченный негодяй спрашивает: «За что мне это, Господи?» Но нам не нужен ответ на этот вопрос. В душе мы всегда считаем себя невинными жертвами, и даже беда не может поколебать нашей уверенности в своей невинности. Может, именно поэтому и случаются с людьми несчастья?

– Я прекрасно понимаю ваши сомнения. – Казалось, мои слова ничуть не задели доктора. – Увы, я с удовольствием отказался бы от этого контракта, лишь бы ваша девушка была здорова. Вот что: я дам вам все результаты ее анализов, все, что у нас есть на сегодня, и **настаиваю**, чтобы вы обратились в любой другой онкоцентр, по вашему выбору. Пусть они дадут свое заключение, а мы с вами сверим с нашим, хорошо.

– А почему вы сами этого не сделаете? – спросил я.

– Кто вам сказал, что я этого не сделал? – моментально парировал он. – У меня есть заключение ряда израильских, швейцарских, бельгийских и даже заокеанских онкоцентров. Все они, к моему глубочайшему сожалению, подтверждают мой вывод. Но вы сейчас в таком состоянии, что можете меня заподозрить в том, что эти заключения тоже недостоверны, что я каким-то образом их фальсифицировал. Именно поэтому...

– Что вы знаете о моем состоянии? – огрызнулся я.

– Больше, чем вы думаете, – спокойно ответил доктор, – поскольку, во-первых, неоднократно его наблюдал, а во-вторых, самому довелось пережить нечто подобное.

Он тяжело вздохнул и отвел взгляд.

– И что, по-вашему, я чувствую? – спросил я.

– Это называется «стадия неприятия», – сказал доктор. – То, что случилось, невероятно несправедливо. Все внутри вас бунтует против этого. Потому вы не хотите в это верить, отрицаете это, а любого, кто пытается вам что-то доказать, неосознанно записываете во враги, лжецы и подлецы. Свою ненависть к болезни вы переносите на меня. Вам нужен кто-то, кому можно вцепиться в горло. Рак для этого не годится, а доктор, который его обнаружил, вполне подходит.

Я машинально кивнул. Следует признать, Василий Владимирович неплохо понимал, что со мной происходит. Наверно, у него и правда был большой опыт в этих вопросах.

– Я попрошу секретаря подготовить все материалы, – продолжил он, подводя меня к мягкому уголку в приемной. Я присел, опять машинально; он опустил в кресло напротив и посмотрел на меня поверх очков:

– Знаете, Сергей... если центр, куда вы отправите анализы, обнаружит,

что я ошибаюсь, я буду даже рад этому. Даже если вы меня после этого хорошенько отчитаете за то, что заставил нервничать вас и Карину. И вовсе не потому, что я мазохист и жажду, чтобы кто-то дал мне в нос.

– А почему? – спросил я. На столе я заметил пепельницу. – У вас можно курить?

– Курите, – разрешил он. – Сергей, несмотря на кучи победных реляций, борьба с раком – это всегда сражение с самой Смертью, и его исход вовсе не предрешен. Мы с горем пополам научились побеждать в некоторых случаях – при ранних обращениях пациентов, что случается нечасто, потому что большинство людей не является ипохондриками и не склонны следить за своим здоровьем с маниакальной подозрительностью, которая в данном случае необходима. К счастью, ваш случай дает надежду на благоприятный прогноз, – поспешил он меня успокоить. – Карина обратилась как раз вовремя. Но...

– Что но? – внутренне сжался я. К тому моменту я достал купленную еще в аэропорту пачку, но закурить пока не успел.

– Можно? – Доктор жестом попросил у меня сигарету. Я протянул ему пачку. – А ведь курение и даже новомодные «ингаляторы» – одна из основных причин онкопоражения гортани, горла, легких...

Он подкурил от своей зажигалки, прикрыв огонек рукой, выпустил дым и продолжил:

– Рак... иногда мне кажется, что он наделен сознанием, что нам противостоит некое разумное существо или даже божество – жестокое и изобретательное. Он научился скрывать свои симптомы и никак не проявлять себя, пока его армии – метастазы не овладеют как можно большей территорией. Он нападает внезапно, стремительно и коварно, и, даже сражаясь с ним, ты не можешь с уверенностью сказать, победил ты или это тактическое отступление, очередная коварная хитрость жестокого врага. Но мы будем сражаться – до победы!

То, что он говорил о победе, мне понравилось, и я даже, на какой-то момент, почувствовал к доктору некое расположение.

– Доктор, если будут нужны любые финансовые затраты, – начал было я.

– ...я дам вам знать, – ответил он. – Пока довольно того, что вы уже заплатили. А проверку моего анализа сделайте. Хотя бы ради того маленького шанса, который всегда есть.

– Шанса на выздоровление? – уточнил я с ужасом. Неужели все так плохо?!

– Шанса на ошибочный диагноз, – ответил он. – А над

выздоровлением поработаем совместно. И не опускайте рук: все плохо, но не безнадежно. И я решительно настроен в данном случае одержать победу.

Я тоже был на это настроен, но желание победить и уверенность в победе – отнюдь не одно и то же. Желание у меня имелось, а вот уверенности не наблюдалось ни у меня, ни, похоже, у доктора Скорнякова...

* * *

Когда пришла великая беда, самое худшее, что может ее сопровождать, – это одиночество. Все-таки, страдая, человек очень нуждается в чьей-нибудь, пусть и не совсем искренней, но поддержке. В слове, взгляде, прикосновении.

Не знаю, как раньше, но сейчас мы не умеем, а главное, не любим сопереживать. Необходимость выразить кому-то свое сочувствие вызывает у нас панику. Но почему? Мы так часто слышим о том, что какие-то слова не могут утешить чужую боль, что безоговорочно поверили этой фразе. Но мы так легко принимаем на веру эту идею именно потому, что она словно дает индульгенцию нашей безучастности. Если словами невозможно помочь горю – значит, мы можем ничего не говорить, все равно без толку.

Но самое худшее, что, когда горе обрушивается на нас самих, мы, вместо того чтобы прибегнуть к чьей-либо помощи, начинаем избегать людей. Мы не хотим слушать чужие слова утешения, подозревая утешителей в неискренности, в том, что они, через силу, сочувствуют нам, а в душе из-за этого только злятся на нас же. Мы, словно ракушка, закрываемся в раковине собственной скорби, и наша «ракушка» вскоре переполняется нашим страданием, нашей болью настолько, что кажется, будто по венам уже течет не кровь, а слезы...

Карину поместили в стационар, и я остался один. Конечно, я навещал ее дважды в день, привозил ей все, что она могла захотеть, и все, что ей могло понадобиться, но...

Несмотря на то что терапия только началась, на Карину она подействовала плохо. Она стремительно худела, появилась отечность и аномальная пигментация кожи, язвочки во рту и на губах, начали выпадать волосы. А главное – она невероятно ослабла и едва могла передвигаться самостоятельно.

– Мы применяем революционную химиотерапию, – объяснял Василий Владимирович. – Она содержит сильнейшие онкостатики в сочетании с не

менее мощными иммуностимуляторами. С одной стороны, мы бьем по опухоли специфическим, противоопухолевым оружием; с другой – побуждаем организм бороться с ней самостоятельно.

– Отчего тогда ей так плохо? – с отчаяньем спрашивал я.

– Потому, что в ее организме идет война, – пояснял Скорняков. – И война нешуточная; когда мы боеем гриппом, мы чувствуем себя совершенно разбитыми. А грипп по сравнению с опухолью – ничто. Так что все это вполне объяснимо.

Объяснимо, понятно, но не все объяснимое нам легко принять. Состояние Карины полностью меня деморализовало. Еще хуже было то, что она находилась, мягко говоря, в совершенно подавленном настроении. А еще точнее – у нее была просто крошечная депрессия. Она как-то ухитрялась делать записи в свой черный блог, и эти записи вполне соответствовали его оформлению – крошечная тьма сочилась из каждого слова, из каждого предложения...

Она писала о смерти, о том, что она испытывает, умирая. Карина не допускала даже проблеска надежды на выздоровление. Нет – она точно знала, что умрет, и страдала – но не потому, что ее жизнь вот-вот окончится, а из-за грядущего расставания со мной.

Я пытался ее успокоить, и во время визитов к ней, наедине, и публично – в комментариях ее блогов. Тем временем число ее подписчиков еще больше выросло. Вскоре у меня от цифр буквально волосы становились дыбом, и оставалось лишь удивляться тому, скольких людей привлекает чужое страдание.

Встречались среди подписчиков и неадекваты, пытавшиеся потешаться над чужим горем; таких я банил раз и навсегда, а поскольку популярность «Мы» продолжала расти, вскоре никто из ее участников уже не пытался хамить, понимая, что может моментально и без малейшей надежды на прощение лишиться возможности подключаться к моей соцсети с официальной регистрацией. На фоне этого меня приятно удивила Ксюшенька – она появилась внезапно, написала трогательный пост, полный сочувствия и поддержки, – словно и не она, и с тех пор стала завсегдатаем Каринино блога, не ленись поддерживать и ободрять мою любимую. Меня не покидало ощущение, что она лишь играет в сочувствие, но я не мог не отметить, что играла она талантливо.

Говорят, что друзья познаются в беде. Неправда – не только друзья. В беде познается всё. Все окружающие люди. Когда приходит беда, она словно срывает с тебя радужные очки, и ты видишь, кто чего стоит – и чего сам ты стоишь. Потому что лишь беда, лишь горе проявляют глубинную сущность человека. Показывают, чем наполнена его душа.

Меня иногда удивляла, иногда трогала до слез – а иногда, наоборот, повергала в шок реакция людей. Оказалось, очень многие, никогда нас не знавшие, сочувствуют нам так искренне, что готовы предложить любую помощь – и не только денежную. В черном блоге имелось несколько сотен записей от людей, предлагавших себя в качестве донора, и мне вновь и вновь приходилось повторять, что мы не нуждаемся ни в донорской крови, ни в костном мозге, ни в чем бы то ни было. В конце концов, все это мог бы дать я сам, если бы было нужно, но этого, увы, не требовалось.

Неизвестные мне люди открыли фонд лечения Карины, предложив мне его модерировать; я сказал, что это ни к чему, что я справлюсь со всеми расходами – но мне буквально всучили реквизиты для снятия и контроля средств фонда. Как оказалось, Карина тоже их получила, но об этом я узнал позже. Все-таки благородство некоторых людей сложно переоценить. Но так же сложно переоценить подлость или, по крайней мере, бестактность других.

Предложения написать статью, взять интервью у меня или у Карины посыпались как из рога изобилия. Я всем отказывал до тех пор, пока Карина, которой стало чуть лучше, не попросила меня не препятствовать.

– Но ты же очень слаба! – возражал я.

– Понимаешь, – она говорила хриплым, сдавленным шепотом. Сейчас она не была похожа ни на Снежную королеву, ни на Золушку. Отеки больше ее не преследовали, но кожа пожелтела, почти как у мумии, под глазами пролегли черные круги, а щеки впали. Говоря, она едва приоткрывала рот, – эти люди... любят меня. Мне... это нужно, это... меня поддерживает.

Я очень сомневался, что хоть кто-то из этих стервятников ее любит, но дал согласие. Я вообще старался с ней не спорить. Нельзя спорить с тем, кому настолько плохо. Особенно когда любишь. И с тех пор к ней каждый день являлись представители пишущей братии, по одному и кучками.

В разгар этого действия мне позвонил мой циничный друг из издательства.

– Выражаю глубочайшие соболезнования, – сказал он, но в его тоне я не услышал ни нотки сочувствия. – Надеюсь, твоя девушка скоро выздоровеет.

– Спасибо, – устало ответил я.

– Но, согласись, нет худа без добра, – продолжил он. – Теперь твоя девушка не просто популярна, она звезда первой величины!

Меня эти слова покоробили.

– Умирающая звезда, – заметил я. – Откровенно говоря, я бы с удовольствием отдал всю эту дешевую популярность за то, чтобы она выздоровела.

Это была правда; более того – я готов был отдать за это все, что имею, даже «Мы».

– Понимаю, старик, – ответил он, опять-таки без малейшего намека на то, что он **действительно** понимает. – Хотя и ты у нас на этой волне вознесся в ранг звезды. Про вас с Кариной вся страна говорит. Тебе все сочувствуют. И зря ты отказываешься от интервью.

Это была правда – от любых попыток взять интервью у меня я отказывался решительно и бесповоротно.

– Я, собственно, вот почему звоню, – гнул свое мой приятель. – Только ты не обкладывай меня сразу же нелепыми глаголами^[11], а выслушай до конца, обещаешь?

Я мог бы сказать, что ничего не обещаю, посмотрим, мол, что он скажет, но... Я сильно устал. Я устал ото всего, кажется, даже дышать мне стало тяжело и невыносимо:

– Ну, говори.

– В общем, мое издательство хочет написать о вас книгу. Больше, конечно, о Карине, сам понимаешь. Ты, само собой, можешь отказаться, но учти – если не мы, напишет кто-то другой. Зато у нас ты можешь сам редактировать содержание, понимаешь?

Как все это мерзко... Люди, люди, неужели вас и правда **так** интересует чужое горе? Почему? Так приятно наблюдать за страданиями других? Я так не умею. Когда кто-то страдает, я представляю себе, что он чувствует, и просто не могу спокойно смотреть на это.

Я понимал, что книгу будут читать как раз **такие**. Такие, как Ксюшенька. Хотя зря я так о Ксюше, наверно – когда Карине стало плохо, она моментально сменила тональность, и в ее душе, которую я долго считал отсутствующей, как аппендикс у наших дальних потомков, нашлось место для подлинного сострадания или, по меньшей мере, хотя бы достоверной его имитации.

С другой стороны – если книга будет написана **действительно** хорошо? – может, она приободрит Карину или хотя бы разбудит это сострадание еще в ком-то. А если – я старался отмахнуться от этой мысли,

но она лезла в мою голову с навязчивостью престарелого казановы, наметившего жертву во дворе дамского пансиона, – Карина умрет, то книга станет ей памятником. Не даст уйти во тьму забвения, не позволит так поздно вспыхнувшей звезде погаснуть, замеченной лишь на краткий миг и тут же забытой.

Я понял, что плачу. В жизни не был плаксой и впервые с подросткового возраста разрыдался после посещения «Гекаты» по возвращении из Америки, когда узнал, что у Карины рак и наш ребенок мертв. И это случилось во второй раз. То были слезы отчаянья, а эти – от безнадежности.

Мой приятель, однако, оценил мое молчание по-своему:

– Старик, скажу по секрету – к истории твоей Карины огромный интерес, и не только у моих шефёв. Так что уже решено делать из этой книги бестселлер. Сам понимаешь – бестселлером может стать только та книга, на которую пал выбор издателей. Например, мало ли на свете инвалидов без рук и ног? И пишут о своих злоключениях многие, но издают только книги Ника Вуйчича.

Так вот книгу про твою Карину будут делать бестселлером, и не просто бестселлером, а мировым – шефья решили, что на Западе тебя хорошо знают, потому читать будут с визгом и писком, прости за откровенность. Мы с тобой заключим выгодный контракт, я уже подготовил...

– Допиши в контракт как обязательное условие – я буду читать каждую строчку, и все, что я скажу выбросить, вы выбросите, – сказал я с таким чувством, с каким, вероятно, доктор Фауст давал согласие Мефистофелю. – Без этого никаких контрактов, более того, я буду судиться...

– ...и проиграешь, – хохотнул мой приятель. – Даже несмотря на твоего Артема Викторовича. В лучшем случае останешься при своих. Дружок, я работаю с западными издателями, а они – та еще мафия, здесь такое бабло гуляет, мама не горюй. Но мы на твое предложение согласны. Теперь давай с оплатой определимся...

– Все деньги перечислите в фонд поддержки Карины, – сказал я раздраженно. – Когда к тебе подъезжать подписывать?

– Да я сам к тебе приеду, – торопливо, словно боясь, что я передумаю, сказал он. – Можно прямо сейчас?

– Почему бы и нет? – пожал плечами я. Через полчаса этот шакал от литературы уже сидел в кресле в гостиной и дудлил кофеечек, пока я перечитывал условия контракта по телефону Артему Викторовичу.

Подписал я только после его одобрения.

С момента, как я узнал о болезни Карины, едва прошло полтора месяца, но я чувствовал себя так, словно прожил годы. В середине октября забрезжила надежда.

– Не знаю, может, это ремиссия, – сказал Василий Владимирович. – Но Карине определенно лучше.

– А что показывают анализы? – спросил я.

– Новых очагов нет, – ответил он. – Несколько старых, кажется, рассосались, но там еще не очевидно. Некоторые крупные уменьшились, но, может, просто уплотняются. Но если дальше так пойдет – вероятно, к весне можно будет прооперировать. В худшем случае.

– А в лучшем? – спросил я.

– А в лучшем даже оперировать не придется. – Василий Владимирович посмотрел мне прямо в глаза. – Я очень надеюсь на успех своей методики. Скажу без ложной скромности: она самая передовая в мире. Я ведь даю не только онкостатику, вернее, не просто онкостатику – у меня лекарство модифицировано на молекулярном уровне. Так сказать, нанотерапия.

– Постойте, – перебил его я. – Вы что, опыты ставите на Карине?

– Что вы, какие опыты! – отмахнулся он. – Мы применяем только сертифицированные, проверенные, одобренные нашим минздравом и ВОЗ методы. Но самые передовые! Например, я заметил, как вы скривились, когда я заговорил об операции. Не скрою – раньше в таком случае после нескольких сеансов химиотерапии нам пришлось бы прибегнуть к гистерэктомии^[12], а скорее всего – даже к гистеросальпингоэктомии^[13].

– Звучит устрашающе, – сквозь зубы ответил я, – но я не понимаю значения этих жутких слов, так что...

– Удаление матки или даже матки вместе с яичниками и придатками, – пояснил врач. – У вас сигареты есть?

Я достал из кармана мятую пачку дешевой белой «Явы». Я заметил, что самые крепкие сигареты – самые дешевые. А мне нужны были самые крепкие, вонючие и самые вредные из тех, что продавались. Если бы я мог найти «Беломор», я перешел бы на него, но в Москве эту отраву не продавали, по крайней мере, мне она не попадалась.

– А теперь что, не нужно? – уточнил я. – Вы же говорили об операции...

– Операция и эктомия – не одно и то же, – ответил доктор. – Мы даже не будем вскрывать полость – просто введем внутрь зонд и операционный

манипулятор, на месте наметим границы пораженных участков и удалим миниатюрным лазером исключительно постметастазный некроз... грубо говоря, убитые химиотерапией узлы опухоли. Ваша девушка после этого даже, возможно, останется фертильной. Способной иметь детей, то есть, – он подкурил мою «Яву» и скривился: – Что за гадость вы курите? Хотите попасть в число моих пациентов?

– Мне все равно, – ответил я, сам не зная зачем. – Если честно, я и через дорогу хожу, не обращая внимания на цвет светофора. Собыют, так и слава богу!

Да, я сорвался, и это был не единственный раз, когда я срывался. Не вижу причины этого стесняться: человек не железный, а я и злейшему врагу не пожелаю пережить то, что я в те дни переживал.

Василий Владимирович сжал губы и с силой стиснул мою пачку в кулаке, сминая последние сигареты.

– Вы это бросьте, – сказал он. – А то я еще решу, что вы не верите в успех нашего дела.

Он вздохнул и затаился, а затем сказал:

– Не знаю, что и кто вам напел, но понимаю, что у вас, наверно, есть основания для пессимизма. Рак – это страшно. Но тот, кто начинает борьбу, не надеясь победить, уже проиграл. Вы должны держаться. Обязаны верить. На вашей вере все держится – и мой успех, и ее выздоровление. Рухнет эта опора – и все, понимаете, все рухнет.

Он затаился еще раз:

– Я не слепой. Я вижу, в каком настроении ваша Карина. Она уже опустила руки. Значит, вы ни в коем случае не должны. Вы должны, вы просто обязаны верить и за себя, и за нее. До самого конца, каким бы ни был этот конец. Ради нее самой.

– А если она... – Я вынул из смятой пачки чудом уцелевшую, но совершенно измятую явину. Закончить фразу я не смог, помешал неведомо откуда взявшийся в горле ком. Вместо этого я подкурил, отведя взгляд от внимательно смотревшего на меня доктора.

– Умрет? – спросил он. – Будьте мужчиной, хватит бояться слов! Да, такое может быть. Иногда бывает так, что на помощь уже, казалось бы, поверженной армии рака совершенно неожиданно приходят новые полчища метастаз, возникающие, кажется, из ниоткуда. Видите, я не скрываю от вас правду. Такое бывает. Но мы обязаны сделать все возможное, чтобы этого не произошло, понимаете?

– А если все-таки произойдет? – упрямылся я.

– Тогда вам придется найти еще кого-то, ради кого стоит жить, –

строго сказал Василий Владимирович. – А для начала вам придется собраться с духом и сделать это прямо сейчас.

Он докурил и затушил сигарету в пепельнице.

– Вот что, – сказал он, – я понимаю, что это может прозвучать цинично, но я бы советовал вам сейчас, что называется, «спустить удилу». Пуститься во все тяжкие. Но так, чтобы не совсем «терять берег», вы понимаете? Сходите в ночной клуб, расслабьтесь, может, даже поднимете кого-нибудь на ночь, сейчас таких девиц пруд пруди...

Мне захотелось ударить его. Как только у него язык повернулся предлагать такое?! Сама мысль об этом казалась мне кощунственной, как танец на алтаре храма, как секс на свежей могиле. Но я слишком устал даже для того, чтобы возмутиться. И сдержал себя.

– Не получится, – ответил я, вставая. – Даже просто физически не выйдет. Наверно, я не из того теста слеплен. Пойду домой, заниматься самоедством.

– Ну, так хоть напился бы, – сказал он мне вдогонку.

– У меня на алкоголь аллергия, – ответил я, выходя из его кабинета. Станный он какой-то – начал за здоровье, кончил за упокой...

* * *

В одном добрый доктор оказался прав – нервы у меня были ни к черту. Например, когда я выходил из больницы, мне показалось, что в регистратуре, спиной ко мне, стояла Карина. Конечно, это была не она – хотя бы потому, что после потери значительной части волос ее попросту обрили налысо. Задумавшись об этом, я дошел до гипермаркета, куда зашел за одной вещью, которую прямо сейчас решил купить.

Если честно, сейчас я не помню, чем даже питался в те дни. Вероятно, что-то все-таки я ел, иначе помер бы. Скорее всего – дошираки или какие-то консервы. Но в гипермаркет я зашел не за едой. Впрочем, то, что я там искал, нашлось далеко не сразу – и чудо, что нашлось вообще.

Придя домой, я снял верхнюю одежду, обувь, затем разделся до пояса и прошел в ванную. Когда-то мы с Кариной выбрали вместе зеркало для ванной – в рост человека, нам тогда казалось это удивительно сексуальным... человек, отражавшийся сейчас в этом зеркале, походил на Коцея Бессмертного, напоенного и ограбленного Иваном Царевичем. Или на фотку уроженца Южной Намибии в неурожайный год (который там каждый год). Выпирало все, что могло выпирать (кроме пуза, конечно),

впало все, что было способно впадать. Я выглядел, пожалуй, даже хуже, чем моя невеста, хотя никакого рака у меня не обнаружили – Василий Владимирович настоял на полном обследовании, и я его прошел. Но казалось, рак Карины пожирает и меня – так я был тогда похож на нее. И при этом я хотел еще больше усугубить наше сходство.

Я достал свое сегодняшнее приобретение. Это была опасная бритва.

* * *

Когда в дверь позвонили, я почти закончил, с непривычки, правда, пару раз хорошенько себя полосонув. Ничего... до свадьбы заживет. Если эта свадьба будет, а если нет – пусть и не заживает. Пусть загноится и закончится заражением крови.

Доктор сказал – надо верить? Ну что ж. А что мне еще остается? Когда нет выхода, приходится ломать стены. Когда остается только верить – приходится верить.

Я принял решение. Хрен с ним, со всем, что я когда-либо слышал или читал о раке. Доктор сказал, что Карина **может выжить** — и она **будет жить**. Никаких гарантий этого мне никто не давал, но я решил, что буду в это верить. Вопреки всему мне известному. Наперекор вообще всему, даже логике и здравому смыслу, которые являлись моими кумирами всю мою жизнь. Когда то, во что верил, не спасает – нужно найти другую, спасительную веру, способную творить чудеса.

В дверь вновь позвонили. Я хотел включить воду, чтобы помыть бритву, но забыл, и пошел открывать дверь, на ходу бросив полотенце, которым вытирал новоявленную лысину, на подлокотник дивана в гостиной. Я даже не спросил, кто там. Мне было абсолютно все равно, кто за дверью.

Все мои чувства, все мысли, все мое я постепенно поглощалось крепнувшей решимостью верить.

Я отодвинул засов и открыл дверь квартиры.

Глава 4

Гостя из зазеркалья

Жизнь – удивительная штука; порой в ней происходят весьма странные, просто абсурдные коллизии, со стороны могущие показаться даже смешными – по крайней мере, подобные ситуации часто становятся сюжетами комедий. Вот только зрители, надрывающие животики над такой комедией, почему-то никогда или почти никогда не ставят себя на место героев того действия, что разворачивается на экране. А это не всегда смешно, иногда даже наоборот.

Вы – молодая женщина. Возвращаетесь поздно вечером домой. Дверь распахнута настежь. В квартире горит свет. На вашей кровати лежит без движения незнакомый мужчина. Весело? А со стороны – просто обхохочешься.

Или другой сюжет. Вы – опять-таки, молодая женщина, к тому же у вас нервы на взводе – по семейным обстоятельствам. Вы звоните в дверь квартиры, единственной квартиры в полупустой, почти еще незаселенной элитной новостройке – на все парадное с десятков квартир обжиты, и то некоторые уже приобретенные все еще пустуют. Двери открываются, и вы видите на пороге обнаженного до пояса, окровавленного лысого мужчину с покрытой кровью опасной бритвой в руке и безумными глазами во впалых, темных глазницах. Да разве же это комедия? Это скорее триллер или ужастик. А мужчина смотрит на вас так, словно увидел призрак, и черт его знает, что у него на уме, а ну как полосонет?

Надо обладать поистине крепкими нервами, чтобы в этой ситуации не лишиться рассудка или, по меньшей мере, сознания.

* * *

Мне казалось, что я сошел с ума. Я словно окаменел. В тот момент я совсем не думал о том, как я выгляжу. Потому что на площадке стояла Карина.

Я хотел что-то сказать, но вместо этого издал какой-то нечленораздельный бульк. Я не понимал, что происходит. Наверно, я все-таки сошел с ума – Карина стояла передо мной, словно и не было этих почти что двух месяцев непрерывного кошмара смертельной болезни и

борьбы с ней. Такая же здоровая, такая же цветущая, как до болезни, даже с волосами...

Стоп. Волосы. Цвет волос несколько отличался от привычного мне русого – он выглядел ближе к темно-русому, даже, по-моему, с рыжинкой. У Карины рыжинка имелась только на ресницах – и, кстати, ресницы у нее тоже выпали, как и брови, а у моей гостьи и то, и другое было в наличии.

– Вы кто? – наконец выдавил я из себя. – Что вам нужно? Что вы такое?

– М-мне нужен Сергей Ю-урьевич. – А девушка-то изрядно напугана, догадался я и лишь тогда обратил внимание на свой внешний вид. Ч-черт. Я бы и сам испугался.

– Сергей – это я, – сказал я, второпях складывая бритву. – Не обращайтесь внимания. Я брился.

– У вас кровь, – сказала она. Ее голос тоже отличался от Каринино, хотя и походил в чем-то. – На голове. И на бритве.

– Порезался, – объяснил, точнее, попытался объяснить я. – Думаете, легко самостоятельно побрить себе голову?

– Не знаю, – пожала она плечами. – Никогда не брила себе голову.

Я отступил назад и сказал:

– Проходите. И представьтесь наконец. Если вы – не моя галлюцинация, конечно.

– А у вас бывают галлюцинации? – с опаской спросила она, все еще не решаясь заходить. Еще бы, я бы на ее месте тоже опасался. Станный, бритый налысо тип с опасной бритвой, говорящий, что видит глюки...

– До сегодняшнего дня не было, – ответил я. – Если честно, я в шоке не меньше вашего. Если вы действительно реальны, то кто вы? Доппельгангер?

Она хлопнула себя ладошкой по лбу:

– Вот оно что! Разве вы не знаете, что мы очень похожи? Даже в детстве нас с трудом различали!

– Мы с вами? – вытаращился на нее я. И тут она рассмеялась. Конечно, это был нервный смех, но при этом заразительный, так что вскоре я тоже нервно захихикал.

– По-вашему, я похожа на лысого мужика? – спросила она сквозь смех. – Нас с Кариной, конечно.

– Слушайте, может, вы все-таки зайдете? – предложил я, продолжая нервно хихикать. В общем, смех у нас был довольно невеселый, скорее просто нервная реакция. Так иногда смеются жертвы страшных катастроф, понимая, чего им удалось избежать. – Если хотите, я могу отдать вам

бритву. Если вы ее так боитесь.

– Предлагаете мне тоже побриться налысо? – спросила она, что вызвало у нас очередной приступ смеха. В конце концов она все-таки вошла, а я закрыл двери.

– Откуда у вас кровь? – вновь спросила она.

– Говорю же, порезался, когда брился, – ответил я.

– Идемте на свет, я осматрю ваши раны, – сказала она, почти машинально отдавая мне свою куртку – теплую парку с капюшоном. Я, также машинально, повесил ее на вешалку и провел девушку в гостиную.

– Садитесь в кресло, – сказала она. – Пойдите... – она осмотрелась по сторонам, затем взяла брошенное мной полотенце, на котором уже была кровь, и накрыла сверху спинку кресла, – чтобы обивку не испачкать, – пояснила она. – Теперь садитесь.

Я сел. Ее голос отличался от Каринино, и теперь я понял, чем именно. Он был не такой мягкий, чуть более резкий. Карина всегда говорила тихо, и интонации в ее голосе звучали мягко, даже когда она раздражалась. У моей гостьи голос был, если так можно выразиться, более резко очерченным, словно она старалась произносить слова как можно более разборчиво. И говорила она громче, а чуть позже я понял, что у нее был тот же акцент, что у Сашки и Генки, моих американских корешков.

Пока я размышлял над этим, она краем полотенца отерла мою свежевыбритую макушку.

– Всего-то две царапины, – сказала она. – А кровищи-то... Минуточку.

Она открыла довольно вместительную и совершенно невзрачную дамскую сумочку с логотипом «Картье» и стала в ней копаться.

– Я вижу, вы шокированы моим визитом, и поражаюсь вашему удивлению, – говорила она. – Хотя, зная Каришку, догадываюсь, в чем причина. Вы про меня раньше не слышали, она вам ничего не рассказывала.

Она не спрашивала, она утверждала, словно знала, что так и есть. Тем временем девушка достала из сумочки темный пузырек с белой пробкой и ватные диски. Один из них она намочила из пузырька.

– Это перекись водорода, – объяснила она. – Не рискну смазывать зеленкой, иначе вы из дому еще неделю не выйдете... Нет, я понимаю, зачем вы побрились, но почему вы не пошли в парикмахерскую?

– А разве в парикмахерских бреют налысо? – спросил я, чувствуя себя как-то странно. Мои мысли словно мешали друг другу. Я все еще не понимал, кто такая моя гостья, может, действительно допдельгангер из кошмаров Карины? Но, выходит, она была знакома со своим

доппельгангером?

– А вы когда-нибудь видели у Куценко и Нагиева с Бондарчуком на голове порезы? – спросила она. – К тому же и побрились вы неаккуратно, на затылке клочки волос остались. Если хотите, я потом вас приведу в порядок.

Пока она говорила, она довольно сноровисто обрабатывала мои порезы, слегка брызгая на них перекисью и протирая ватным диском. Раны пощипывали, но не так чтобы очень – когда мама в детстве обрабатывала мне сбитые коленки, было неприятнее.

– Если вас не затруднит, – ответил я. – Хотя я не понимаю, зачем это вам.

– Потому, что вы – близкий Карине человек и единственный, кто ее поддерживает, – ответила она.

– Ее полмира поддерживает, – ответил я. – В Сети у нее фанатов больше, чем у голливудской звезды.

– В Сети, – фыркнула гостья. – Такая популярность стоит копейку в базарный день. Фанатская любовь – как ветер, сегодня она дует в твои паруса, завтра в чужие, а послезавтра рвет и те, и другие с яростью урагана. Это не любовь, это что-то совсем другое.

– Что вы об этом знаете? – спросил я, морщась – перекись стала пощипывать сильнее.

– Достаточно, – ответила она. – Поскольку работаю спецкором и ведущим колумнистом в «Холивуд Ревю». И по совместительству являюсь корреспондентом русского сегмента эмтиви.

Я не удержался и присвистнул. Это многое объясняло – и четкое произношение, и едва заметный акцент. «Холивуд Ревю» – авторитетное медийное издание, известное по всему миру. Эмтиви, я думаю, в представлении не нуждается.

– И какое вы отношение имеете к Карине? – спросил я. – Кроме того, что похожи на нее, как ожившее зеркальное отражение годичной давности.

– Если вы присмотритесь, вы заметите разницу, – ответила она. – Цвет волос, цвет глаз, оттенок кожи... черты лица немного отличаются, фигура, рост – я на пару сантиметров ниже ее.

– Карина говорила, что у нее нет сестры-близнеца, – упрямо сказал я.

– А мы и не близнецы, – ответила гостья. – Даже не двойняшки – мы погодки. Нашего папу даже прозвали на работе ксероксом – за нашу с Каришей схожесть.

Она скомкала ватный дискочек и положила его в свой ридикюльчик.

– Теперь официально: Логинова Ирина, старшая сестра Кариши.

– Хм... Аникеев Сергей Юрьевич, администратор... – начал было я.

– Боже, вы думаете, я не узнаю создателя «Мы», даже лысым? – улыбнулась Ирина. Улыбка у нее была приятной, так Карина улыбалась в ипостаси Золушки. – Точнее, сразу, конечно, не узнала, но скорее с перепугу... Однако для иконы медийного мира вы выглядите не очень презентабельно. Давайте-ка свою бритву, я вас добрею.

Я передал ей бритву. Она достала еще один диск, оттерла лезвие бритвы от крови и волос и приступила к работе. Для того чтобы довести до ума мою голову, ей хватило пары движений, и я даже не почувствовал ее манипуляций.

– Готово, – отрапортовала она, возвращая мне бритву. – Должна заметить, это было довольно смело. Вы ведь побрились для того, чтобы быть **как она**, да?

Я кивнул. Все время, пока Ирина орудовала бритвой, я думал. Я ничего не знал о прошлом Карины, несмотря на то что несколько раз порывался расспросить ее. Всякий раз она виртуозно уходила от темы – почему? Почему она не говорила о том, что у нее есть сестра? И не из-за поразительного своего сходства с Ириной ли она так боялась своих мифических доппельгангеров? Точнее, может, она и не доппельгангеров боялась вовсе?

– Что между вами произошло? – спросил я без обиняков. – Карина мне никогда про вас не рассказывала. Откровенно говоря, она вообще никогда не рассказывала мне о своем прошлом – почему?

Ирина ответила не сразу.

– У вас есть кофе? – наконец сказала она. Я посмотрел ей в глаза... говорят, что в глазах нельзя ничего прочесть, но это не так. Какие-то скрытые, фоновые протоколы нашего мозга безошибочно определяют в чужих глазах тень эмоций: радости, сочувствия, обиды, злорадства... в глазах Ирины была боль.

– Есть даже коньяк, – ответил я. – И можете курить. А я пока сготовлю кофе.

– Не курю, – ответила она. – Но от коньяка не откажусь. Вы не смотрите, что я такая спокойная – после того как до меня дошли новости про Карину, я сама не своя.

Спокойной я бы ее не назвал.

Я поднялся с кресла.

– Пойду готовить вам кофе.

– Давайте я помогу вам с этим? – предложила она, снимая со спинки кресла полотенце. – Если честно, просто не хочется оставаться одной. А

полотенце, кстати, надо простирнуть, оно все в крови.

Я забрал у нее несчастное, окровавленное полотенце и повел ее на кухню, вернее, пошел сам, кивком пригласив ее следовать за собой. Полотенце по дороге я выбросил в мусорный ящик. Стирать? Вот еще. Не хватало.

Ирина тем временем начала свой рассказ:

– Наш с Кариной отец, Яков Иосифович Логинов, служил работником финотдела Внешторга СССР, часто бывал в Швейцарии, в общем, семья была не бедной. Все это могло закончиться в девяностом, с распадом Союза, но отец оказался человеком предусмотрительным и сумел набить себе подушку безопасности – и деньгами, и связями. Впрочем, есть нечто, что сильнее денег и связей, – неумолимый рок. Онкологию у отца заподозрили еще в восемьдесят девятом, умер он семь лет спустя, несмотря на лечение в лучших зарубежных клиниках. Нас с Каришей воспитывала мама, но ей помогали связи и средства отца.

В Каришке мама души не чаяла, ко мне относилась немного холоднее, хоть я и старше-то всего на год. Тем не менее моим неофициальным вторым именем стало Тыжстаршая. Тыжстаршая Потомудолжнауступить – прямо индийская принцесса из грустного фильма с танцами и песнями. Грех сказать, что мне чего-то не хватало, даже материнской любви, это не так. И все равно я чувствовала некую обиду, что не мешало мне искренне любить Каришку, которая в то время тоже меня любила. Впрочем, наша сестринская любовь не мешала нам порой ссориться и даже драться до ссадин и смертных обид. Так всегда, наверно, бывает между братьями и сестрами.

– Не знаю, – сказал я. – У меня не было ни братьев, ни сестер.

– Бедный, – пожалела меня Ирина. – Хотя, наверно, у каждого, у кого есть родные брат или сестра, иногда появляется желание придушить назойливого спиногрыза, – Ирина виновато улыбнулась, – но уже в следующую минуту ты готов отдать ему свой орган для пересадки. Так я отношусь к Карине и, если честно, не понимаю... с ваших слов, да и из того, что я узнала в больнице... надо ж было так назвать медицинский центр! «Геката», а почему сразу не «люцифер»?

– Вообще-то, Геката считалась покровительницей целительства, женского здоровья и полового благополучия, – неуверенно сказал я. – А колдовство скорее побочный эффект.

– Тем не менее основные ассоциации, вызываемые таким названием, будут связаны как раз с колдовством и ведьмами, – пожала плечами Ирина. – Не знаю, чем они там думали, когда так называли клинику... –

Она махнула рукой и стала наливать нам кофе из кофемашины, пока я доставал коньяк (в шкафу на кухне у меня хранилось несколько бутылок спиртного; я держал их на всякий случай – у меня самого на алкоголь была аллергия, хотя порой так и подмывало напиться до анафилактического шока).

– Росли мы вместе, учились в одной школе, с углубленным изучением языков. Я окончила первой и поступила на журфак. По благу, конечно, но я честно сдала все экзамены. Говоря начистоту, мне хотелось быть журналистом с ранней юности; эта профессия казалась мне удивительно романтичной. Скажу откровенно – я уже не первый год в профессии и давным-давно потеряла иллюзии на этот счет, но... наверно, это все-таки моя судьба. И журналистику я не променяю ни на что, даже на собственный остров с виллой в Майями и банковский счет с десятью нулями.

Карина тоже хотела стать журналисткой, примерно с того времени, как узнала, что об этом мечтаю я. Не стану утверждать, что мой выбор как-то повлиял на нее, но и отрицать этого не могу. Я поступила без труда; Кариша экзамены завалила, но в то время появилась коммерческая форма обучения, и для коммерческой формы ее проходного балла хватило. Мне учиться было легко. Я словно предвосхищала то, что мне преподавали. Каришка училась, прямо скажем, с большим трудом, и преподаватели были не в восторге от ее знаний, но меня восхищало ее упорство в достижении цели, хотя и несколько обескураживало то, что она решительно отказывалась от моей помощи.

– Вам коньяк в кофе или в рюмку? – уточнил я, прервав ее рассказ. Мне показалось, что Ирина немного свысока относится к моей любимой. Хотя, с другой стороны, как я ни старался, в ее сочувственном к Карине тоне я так и не уловил ни грамма фальши. Скорее наоборот – о сестре она говорила с теплотой, даже, пожалуй, с нежностью.

– Как вам, – ответила она. – У вас сахар есть? Не пью кофе без сахара.

Я указал ей на сахарницу в виде бочонка с надписью «Міодъ» на пузатом боку.

– Я коньяк не буду. У меня на спиртное аллергия.

– Тогда и я не буду, – кивнула Ирина. – В одиночку только алкоголики пьют.

– Не отказывайтесь, – сказал я. – Пятьдесят граммов коньяка алкоголизмом не назовешь, а у вас наверняка нервы на взводе...

– Ох, не говорите, – согласилась она. – Я, с тех пор как ее бложик увидела, сама не своя, а как прочитала – спать спокойно не могу. Нервы у меня крепкие, я же журналист, хоть и богемщик, но навидалась разного.

Так ведь одно дело, когда проблемы у чужих людей, и совсем другое, когда у твоих близких.

Она решительно тряхнула головой:

– Тогда в кофе. Я буду думать, что у вас тоже кофе с коньяком.

Я добавил, и мы выпили – я чистый кофе, она ирландский.

– Я закурю? – спросил я, доставая сигареты.

– Боже мой, это же ваша квартира, – ответила она.

– Мало ли, может, вам табачный дым неприятен, – сказал я, подкуривая.

– Господи, Сережа, я брала интервью у Анны Муглалис, – улыбнулась Ирина. – За полчаса она выкурила полпачки красного «Marlboro», и ничего страшного со мной не случилось.

– Говорят, пассивное курение опаснее активного, – упрямо ответил я, затягиваясь. – Ирина, я не могу понять одного... по всему видно, что вы любите сестру. Но тем не менее вы невысокого мнения о ее талантах в журналистике. Где именно вы неискренни?

– А почему я вообще должна быть неискренней? – удивилась Ирина. – Да, мне не кажется, что Карина создана для журналистики, но я отнюдь не считаю, что моя сестра лишена талантов. Наоборот! У нее уникальные способности к перевоплощению, к подражанию, у нее стратегическое мышление и прекрасная память. Из нее получилась бы прекрасная актриса или режиссер, но не журналист. Для журналиста у нее крайне мало умения слушать. Она не может принять чужую точку зрения, даже если ей не надо с ней соглашаться. Существование точки зрения, отличной от ее, приводит ее в исступление. Когда что-то идет не так, как она задумала, она нервничает и совершает необдуманные, поспешные поступки.

А уж если она что-то втемяшила себе в голову – то упрется рогом, пока не продавит. И в этом случае взывать к ее пониманию абсолютно бессмысленно.

– Не знаю... – сказал я, задумчиво дымя сигаретой. – Не заметил за ней ничего подобного.

Про себя же я отметил, что Ирина описывает Снежную королеву Карины. А я все-таки больше общался с Золушкой.

Ирина пожала плечами:

– Может, она изменилась, ведь мы не виделись больше семи лет. Тогда она была такой – неуловимой, как ртуть, едкой, словно серная кислота, и холодной, как зимняя дорога.

«Как Снежная королева», – подумал я. А Ирина продолжила:

– В то время все мало-мальски значимые ВУЗы нанимали

преподавателей из-за рубежа. Наивное время, когда даже убеленные сединами академики находились под впечатлением от Запада! А Запад цинично этим пользовался. Преподаватели попутно выполняли роль head hunter`ов – перехватывали способных студентов еще на стадии учебы и вербовали для работы у себя на родине. Это называют «утечкой мозгов», но утекают не просто мозги – таланты, гении, хотя иногда попадаются и просто способные люди вроде меня. Окучивавший меня профессор носил фамилию Сеймур и являлся асом «салонной» журналистики. Не буду скрывать, когда он предложил мне работать на западные издания, я не стала отказываться. В то время я была очарована западным образом жизни, как и все остальные наши сограждане. Америка казалась для нас волшебным неоновым тридевятым царством, Манхэттен – вождленным Валинором, Калифорния – Нарнией, но не в шкафу, а за океаном.

Беда в том, что Сеймур, даром что профессор, был не так стар и дивно хорош собой, такой себе Тимоти Далтон от журналистики. Уж не знаю, что там нашло на Каришу, но, похоже, она в него влюбилась по уши. А в силу того, что я имела к нему подход, по крайней мере, с ее точки зрения, она стала подталкивать меня к тому, чтобы я завела с мистером Сеймуром более неформальные отношения, рассчитывая через меня подобраться к нему.

Честно говоря, я только обрадовалась, что Каришка наконец-то хочет от меня какой-то помощи. К тому же, вы никогда не замечали, как она умеет убеждать? Она вроде и не делает ничего особенного, но вскоре ты уже согласен на то, что она только от тебя хочет. Это еще один из ее талантов, проистекающий из ее врожденного артистизма. Вскоре мои отношения с Сеймуром стали дружескими... точнее, я считала, что они дружеские. Наверно, я и сама была немного... да что там говорить, довольно сильно наивна, но я совершенно не думала даже, что Сеймур эти отношения может воспринять как-то по-другому, а поди ж ты...

Развязка наступила после моего диплома. Я подписала документы для работы в Штатах и ждала оформления визы. Сеймур съездил в США и скоро вернулся. Мы с Каришкой договорились пригласить его на родительскую дачу, где я должна была оставить их наедине. Получилось все с точностью до наоборот. Дело в том, что мы с Сеймуром поехали на дачу на его «Форде», Каришка должна была прибыть на рейсовом автобусе. Причем заранее. Вот только рейсовые автобусы тогда ходили, скажем так, не очень пунктуально, в отличие от машин марки «Форд», справлявшихся неплохо даже на наших дорогах. В итоге мы на даче оказались намного раньше. И Сеймур решил, что наедине мы оказались не просто так.

Ирина отвернулась и отхлебнула кофе. Я задумался.

У меня не находилось причин не доверять Ирине, но и верить ей у меня было еще меньше оснований. Карина из ее рассказов отличалась от той, которую я знал, но все-таки чем-то была похожа. Однако такой хитрой, расчетливой я ее не знал и даже не мог бы предположить это в своей Золушке...

(«А в Снежной королеве?» – предательски спросил внутренний голос.)

И я не понимал, почему Ирина так откровенничает со мной. По простоте душевной? А существует ли эта пресловутая «душевная простота» или это вымысел? Какие цели Ирина преследует своей откровенностью? Выгородить себя от обвинений в том, что не участвовала в жизни сестры?

Может, она внутри переживает, что не могла быть рядом, когда с Кариной случилось горе? Или ее расстраивает то, что даже сейчас, когда ей так ужасно плохо, Карина не принимает от Ирины помощь и поддержку?

– Наверно, это странно... – сказала Ирина. – И вы мне не поверите. Сеймур был хорош собой, обеспечен, его отличали тактичность и обходительность. К тому же он происходил из волшебного Запада, которым тогда были очарованы все от мала до велика. Начиная с детей, с восхищением ждущих новые серии «Утиных историй» и «Чипа энд Дейла», до бабушек, наизусть знающих все перипетии «Санта-Барбары» и «Династии». И те, кого мы видели на экранах, становились принцами из мечты для нашего поколения. И вот такой принц со мной наедине – можно ли его отвергнуть? Могла ли я не соблазниться? Но я, наверно, насквозь неправильная, и ухаживания Сеймура на меня не подействовали. Вот только бедняга Сеймур никак не мог в это поверить, он искренне думал, что я кокетничаю с ним, а я не могла его грубо послать, потому мои отказы действительно походили на кокетство. Ни до чего серьезного у нас не дошло, но то, что происходило, больше напоминало любовную игру, чем мои попытки как-то отвязаться от назойливого американца, уверенного в своем превосходстве только потому, что он родился в обеспеченной семье англоамериканцев и его прадед был конгрессменом, дед входил в совет директоров моргановского банка, а отец занимал высокую должность в АНБ.

Беда в том, что как раз в разгар этого действия явилась Каришка и все поняла неправильно. Между нами произошел дикий скандал, причем

бедняга Сеймур оказался в самом его эпицентре. Думаю, этот конфликт навсегда отбил у него желание ухаживать за славянскими девушками; сейчас он женат на мулатке, родом с Кубы, живет в Майями и избегает встреч со мной... да я и сама не стремлюсь с ним увидеться. Зато, как ни парадоксально, хорошо знаю брата его нынешней жены – удивительно красивый мальчик, к сожалению для многих женщин, абсолютно голубой. Как бы там ни было, на мою дальнейшую карьеру в журналистике это никак не повлияло. В смысле, не то, что брат жены Сеймура – гей, а наши с ним истории, могущие показаться курьезом, но имевшие самые серьезные последствия...

Она отхлебнула еще кофе.

– Может, если бы из-за этого моя работа в США сорвалась, все сложилось бы по-другому. Возможно, мне представился бы шанс все исправить. Я пыталась как-то наладить с Каришей отношения и до отъезда, и после. Я даже предлагала ей перебраться в Америку. Я бы выхлопотала ей гринкард, помогла бы устроиться, поддержала бы на первых порах. Но все мои предложения она просто игнорировала. Потом наши пути совершенно разошлись. Если честно, я думала, что она меня совсем позабыла...

Я достал еще одну сигарету и подкурил. Ирина молчала, я тоже молчал, затем, когда молчание сделалось тягостным, спросил:

– Что же изменилось?

– Сначала изменилось мое настроение, – ответила Ирина. – С какого-то времени я стала тяготиться Америкой. Ничего плохого про жизнь в Штатах сказать не могу, кроме того, что она какая-то совсем не наша. Говорят, что Америка – плавильный котел цивилизаций, но для меня, как и для многих известных мне русскоязычных парней и девушек, в этом плавильном котле вариться не очень приятно. К счастью, в Штатах растет интерес к России, во всех смыслах, и к нашей светской жизни в том числе. Российская культура всегда была популярна у американцев, но в основном у образованного класса, и почти исключительно классическая: балет, живопись, литература вроде Достоевского или Толстого, в общем, все, что как раз не относится к той сфере, в которой работала я, – к масскультуре. К этой части русской культурной жизни там относятся с иронией, а мы им в этом помогаем, поскольку так и не научились презентовать свой масскультовский продукт в удобном для США формате.

Но даже несмотря на это, последнее время в Америке заинтересовались современным российским кино, современной эстрадой, фотографией, сетевыми проектами... пошли разговоры о том, что нам, я

имею в виду «Голливуд Ревю», следует завести русскую редакцию. И меня стали прочить в ее шеф-редакторы. Лестно, конечно... но мне вдруг стало страшно. Я давно жила в Америке и уже, что называется, потеряла связь с Родиной. И вот тут кто-то из знакомых показал мне Каринкин блог.

– Первый или второй? – уточнил я.

– Розовенький, – ответила она. – «Не оставляй меня, любимый», кажется.

Я кивнул. Значит, новая страница, но еще до перекраски.

– И что вы почувствовали? – спросил я.

– Я очень обрадовалась, – с легким смущением ответила Ирина.

– Чему? – удивился я.

– Как это «чему»? – не поняла Ирина. – Тому, что Карина обрела свое счастье. Тому, какая трогательная у вас с ней любовь. Даже тому, что она нашла себе успешного и интересного мужчину. Тому, что с вами она почувствовала себя счастливой.

Я машинально побарабанил пальцами по столу. Не срасталось. Я понял, что подсознательно пытаюсь понять, почему Карина отгораживается от сестры. Она не мифических доппельгангеров боялась. Она боялась вполне конкретную и на первый взгляд абсолютно не страшную Ирину.

Боялась, что та появится и отберет у нее ее счастье, как в прошлый раз? Может быть, хотя я вообще не понимал, как это возможно. Очень часто приходится слышать фразу: «он отбил ее у того-то», «она отбила его у той-то». На мой взгляд – чушь это собачья. Того, кто любит, нельзя «отбить», а тот, кто не любит, кого можно запросто «увести», угнать, как пелось в старой песне, как чужую машинку-девятку, и сам любви не заслуживает. Человек не машина...

Наверно, я слишком прямолинеен и вижу мир в черно-белых тонах, но, утащи меня Ктулху в подводный город Р`Льех, что ж это за любовь, если ее можно разрушить? Песочный замок, а не любовь.

Мы можем быть сколь угодно опытными и циничными, но, наверно, в каждом из нас живет недобитый романтик. Он смотрит на мир через щели души и видит все в розовом цвете. И сколько бы ни выпало испытаний – он никогда не изменится, не снимет розовых очков. Не знаю, как у других, а у меня так. И мой романтик был убежден в том, что настоящую любовь можно уничтожить только вместе с теми, кто любит. А если любовь рухнула под давлением обстоятельств – то это чувство не было настоящей любовью, и точка.

– А потом? – спросил я.

– А потом пришло письмо, – сказала Ирина. – В письме стояла ссылка

на свежую запись Карининого блога – в новой его версии, похоронной. И я поняла, что с Каришкой случилось что-то ужасное.

А она довольно точно подобрала характеристику новому дизайну Карины, подумал я.

– Письмо? – я стряхнул пепел с сигареты. – От кого?

– Понятия не имею, – пожала плечами она. – Я полагала, что от вас. Теперь сама теряюсь в догадках. Ах да, письмо поступило из вашей почтовой системы.

Я не так давно интегрировал в «Мы» еще и электронную почту. Ну, это было уже что-то.

– Погодите, – сказал я. – Сейчас узнаем, кто отправитель. Если, конечно, у него есть официальная регистрация.

– Зачем? – спросила она. – Какая разница, кто его отправил? Знаете, буду я, наверно, собираться. Спасибо за кофе.

– Погодите, – сказал я. – Давайте все-таки разрешим этот вопрос перед вашим уходом. Мне самому интересно. Сейчас, я только ноут принесу.

Она, наверно, сначала хотела возразить, но потом согласилась:

– Ладно, тогда я пока сделаю нам еще кофе.

Я ушел в комнату. Ноут стоял на столике, как обычно, и был включен. В трее мигало сообщение о полученной почте. Письмо пришло на мой ящик в «Мы».

Я решил сначала просмотреть почту, а потом уж возвращаться на кухню. К моему удивлению, сообщение пришло от Карины, и это была видеозапись.

Карина, бледная, сильно исхудавшая, с желтушной кожей, обритая наголо, полулежала на больничной койке. У меня сжалось сердце, словно кто-то схватил его в стальную клешню и резко сдавил. В глазах защипало. Я бы все отдал, чтобы здоровье вернулось к ней! Чтобы вновь видеть ее такой, как раньше. Пусть даже не Золушкой, пусть бы она всегда оставалась Снежной королевой, главное, чтобы была здоровой.

– Сережа, – тихо сказала Карина. – К тебе может приехать моя сестра Ира... из Америки. Пожалуйста, прими ее, не гони... если захочет уйти... попроси остаться... пусть поживет у нас, пока...

Она сделала паузу, словно собиралась конкретизировать, что именно «пока», а затем просто выключила видео.

Это было не первое послание от Карины; пару раз она уже передавала мне такие сообщения, когда ей хотелось меня увидеть в неурочное время. Если я мог говорить, мы общались в скайпе (вернее, в моем собственном видеокommunikаторе, интегрированном в «Мы»; просто скайп, похоже,

стал таким же нарицательным термином, как, например, ксерокс). Если у меня не было такой возможности – отправляла мне короткий ролик с автоудалением («Не хочу оставаться в памяти **такой**, – объясняла она, – даже если это только память компьютера»).

Я сложил ноутбук и отправился на кухню. Поставив ноут на стол, я посмотрел на колдующую у кофейного автомата Иру и на секунду представил, что это Карина. Что ничего не случилось, что все хорошо...

Сестры были удивительно похожи всем, кроме одного – у Ирины не наблюдалось никаких признаков Снежной королевы. Подумав об этом, я рассердился на себя. Мне показалось кощунством даже сравнивать сестер. Потому что это Ирина, а то – моя Карина. Моя Золушка.

Ирина повернулась ко мне:

– Вам сахара сколь... Сережа, вы плачете? Что случилось?

– Звонила Карина, – ответил я. – Точнее, не совсем звонила... не важно. Она попросила вас приютить, хоть бы вы и отказывались. Наверно, она все-таки любит вас, Ирина, раз так заботится о вас.

Ирина тихо вздохнула и, поставив чашки с кофе на стол, сказала:

– У вас еще остался коньяк? Только не подумайте, что я – пьяница какая-то.

– Не подумаю, – пообещал я, доставая бутылку.

Глава 5

Непристойное предложение

Человеку свойственно ошибаться.

Казалось бы, прописная истина – а насколько актуальная. Вроде три простых слова – но как много они описывают.

Иногда мы считаем, что неплохо ориентируемся в жизни. Мы внимательны, мы думаем перед тем, как что-то сказать или сделать. Хорошо думаем. Просчитываем все возможные варианты – и внезапно попадаем в какую-то совершенно не предусмотренную нами ситуацию. Наверно, правильно никогда не загадывать наперед, потому что мы не знаем, что там, впереди, нас ожидает. Мы не только этого не знаем – мы не знаем многое из того, что происходит прямо под нашим носом. Нам неподвластно не только будущее – настоящее, и даже прошлое мы тоже не контролируем. У нас есть своя картина мира, но насколько она соответствует действительности?

Насколько соответствует действительности то, что мы знаем о других людях? Мы руководствуемся штампами, придуманными нами или кем-то еще, не понимая, что штамп – это лишь мнение и с действительностью оно совпадает мало. Бомж, перечисляющий миллион в детдом, генерал, чей сын идет служить контрактником и гибнет при исполнении, гаишник, ценой собственной жизни предотвращающий таран пьяным водителем автобуса с детьми, – это **не** исключения. Исключений вообще не бывает, поскольку в отношении людей не бывает правил. Человек – нестабильная, случайным образом настроенная система, подверженная такому количеству внешних влияний, что его реакцию на то или иное событие просчитать просто невозможно.

Но мы уверены, что разбираемся в людях, что знаем жизнь... нас губит именно эта уверенность. Я знаю, что я ничего не знаю, сказал мудрый человек и был абсолютно прав. То, что я ничего не знаю, – единственная истина, в которой я могу быть абсолютно уверен.

* * *

Наверно, в череде допущенных мной ошибок эта не была ни самой первой, ни самой последней, ни даже самой тяжелой. Просто заурядной.

Одной из множества.

Мы с Ириной все-таки вычислили того, вернее, ту, кто отправил ей письмо со ссылкой. Этим человеком оказалась Ксюшенька. Ксюшенька была хорошо известна Ирине – когда-то она училась с Кариной на одном потоке, и они даже дружили, Ксюшенька и Карина то есть.

– Странная это была дружба, – рассказывала Ирина. – Они то ссорились, то мирились... после нашей ссоры Каришка побежала к Ксюшеньке; потом, говорят, они окончательно расплевались.

Я сказал, что, когда Ксюшенька узнала, что с Кариной произошла беда, она очень ей помогла и морально, и даже материально. Ирина только плечами пожала:

– Люди меняются, – повторила она. – Столько лет прошло, можно было и повзрослеть.

Я вспомнил комментарии Ксюшеньки на страницах знаменитостей и только плечами пожал. Меняются? Может, да, может, нет, а может – в чем-то меняются, но в чем-то остаются прежними. Кто знает?

Потом Ирина порывалась уйти, но я сказал ей, что ни к чему искать гостиницу в такое позднее время, если сама Карина пригласила ее остаться у нас. В конце концов Ирина согласилась.

– Я намерена снять квартиру, – поделилась она своими планами, – недалеко от редакции. Только подыщу что-то подходящее.

– Можете пожить пока у нас с Кариной, – сказал я. – У меня есть однушка, родительская. Там сейчас квартиранты, но после Нового года они съезжают. Если хотите, я вам ее предоставлю, конечно, совершенно бесплатно.

– Ну что вы, – ответила она. – Я вас буду стеснять!

– Ни капли, – сказал я. – Квартира, сами видите, хоть в футбол играй, и одному здесь чертовски одиноко. Сейчас, когда Карина в больнице, я прямо на стену лезть готов по вечерам. Мне здесь до Карины было неуютно, а без нее – вообще хоть стреляйся.

– А почему вы не завели себе какое-нибудь животное? – спросила она. – Собаку, кошку, хоть хомяка?

Действительно, почему? Я пожал плечами:

– Не знаю... но теперь уже поздно. Говорят, все выздоравливающие после химиотерапии – аллергики, так что не заведешь даже чучело совы.

То ли присутствие Ирины на меня влияло благотворно, то ли принятое решение бороться и не сдаваться, но теперь мрачные мысли несколько отступили на задний план. Вместо них появились другие, конструктивные. Я уже думал о том, как мы будем жить потом, после выздоровления

Карины.

Конечно, у человека, пережившего рак, жизнь сильно меняется. Как говорил Василий Владимирович, никогда не знаешь, побеждена болезнь или только затаилась. Нам предстоят ежемесячные обследования, предстоят, может быть, и диспансеризации; строгая диета и осторожность во всем тоже станут нашим правилом. Возможно, придется поставить крест даже на путешествиях. Онкобольному, даже вроде бы полностью излечившемуся, многое нельзя из того, что доступно условно здоровому. А я ведь так и не свозил ее на море, как планировал.

И я, вполне здоровый, ничем вроде не ограниченный, молодой мужчина, буду вести точно такую же жизнь. Я буду соблюдать все ограничения, которые будут у Карины. И курить, и даже парить, мне придется бросить. Но...

Карина стояла того.

У меня не было ни малейших сомнений на этот счет. Именно поэтому, а не ради показной солидарности, я побрил голову. Я буду как она. Не Карина больна – больны мы оба; не Карина выздоровеет – я выздоровею с ней вместе. И в своем самоограничении Карина не будет одинока. Я разделю с ней эту ношу, насколько только смогу.

* * *

Я показал Ирине спальню, показал, где лежит свежее белье (то, на котором спал я, я забрал), показал, где ванная и санузел, и отправился в свой полупустой кабинет. Туда я перетащил кушеточку, на ней себе и постелил. Перед сном проверил «Мы», просмотрел блог Карины – сегодня она не делала записей и вообще писала теперь не каждый день. Зато размещала «больничные селфи», от которых мне становилось так тоскливо и плохо, что действительно хотелось сунуть голову в петлю, и подробно описывала диагнозы, процедуры, все происходившие с ней изменения... Сейчас она при росте сто семьдесят два сантиметра весила сорок два килограмма и считала это победой – в самое худшее время ее вес опускался до тридцати восьми.

Я недолго оставался у Карины на странице. Просто не мог это долго выдержать. Подчиняясь какому-то спонтанному чувству, я зашел на страницу к Ксюшеньке.

Ксюшенька много писала про Карину и репостила ее записи. Она размещала у себя мотивирующие картинки – очевидно, для своей подруги.

Среди записей я нашел немного высказываний о себе. Высказывания эти меня неприятно удивили. Со слов Ксюшеньки получалось, что я мало уделяю Карине внимания и человеческого тепла. Что, вместо того чтобы «всю жизнь посвятить выздоровлению своей любимой женщины», я изредка у нее бываю, отчего больная и сражающаяся со страшным недугом Карина целыми днями в тоске.

«Сергей, как и все мужланы, искренне уверен, что деньги могут заменить искреннюю заботу, любовь и сочувствие», – писала Ксюшенька. У меня на глаза даже слезы от обиды навернулись, так это звучало несправедливо. За что? Чего я не сделал для Карины? Да я ради ее выздоровления готов был даже живым войти в печь крематория – если бы в этом имелся хоть малейший смысл.

Я заснул, но сон мой был тревожен. Впрочем, а каким еще он мог быть в таком состоянии? Я оказался то ли в примерочной – но для примерочной там находилось слишком много зеркал, то ли в «комнате смеха» – но зеркала были нормальными, не кривыми.

Не знаю, может, это какое-то воспоминание детства, когда меня напугали зеркала, – но я не помню ничего подобного. Тем не менее в моих кошмарах они присутствуют чуть больше, чем всегда. Вот и сейчас...

Сначала в зеркалах я видел только самого себя – сперва такого, каким я был полгода назад. Но постепенно я менялся – старел, седел и в конце концов предстал таким, каким я выглядел сейчас, – бритым наголо, с порезами на голове. А затем я увидел вместо себя такую же обритую Карину.

Мне стало страшно. Мне показалось, что я не просто вижу себя в зеркале Кариной – что я превратился в нее наяву. Что это я лежу в больничной палате, а внутри меня зреет смертельная опухоль. И ее никогда не прооперируют, потому что это вообще невозможно. У мужчин не бывает опухоли матки, поскольку никакой матки у них нет.

Значит, я умру.

И я истошно закричал. Даже не от страха. Это была странная смесь ужаса – и радости. Мне стало страшно, что я умру, но ведь если умру я, то Карина будет жить!

* * *

Когда я открыл глаза, мне показалось, что мой полукошмар продолжается и я вижу Карину, но затем я понял, что это ее сестра. Лицо ее

выражало тревогу.

– Что вы здесь делаете? – спросил я, постепенно приходя в себя.

– Вы кричали. – Она смутилась. – И смеялись. Очень страшно.

– Смеялся страшно? – Я встал с кушетки (заснул я, как был, в домашних брюках, так что особо не стеснялся).

Она кивнула:

– Да... такой смех только в фильмах ужасов бывает.

– Который час? – спросил я ее, одновременно сообразив, что могу посмотреть время на включенном ноутбуке. Было шесть сорок две.

– Полседьмого, – ответила она. – Хотите, я приготовлю завтрак?

– Если вас не затруднит, – кивнул я; мое внимание уже переключилось на сеть. Пока Ирина готовила завтрак, я проверил, как работает «Мы» – ядро, системы защиты, фильтры, антивирусы, фаерволлы и так далее, все, что нужно. Сеть работала, как хорошие швейцарские часы. Да уж... в чем-то харьковский американец Генка прав – в нашем мире по-настоящему доверять можно только железу. Даже если наша цивилизация погибнет, наши компьютеры покорно продолжат выполнять написанные нами программы, и в соцсетях будет продолжаться имитация человеческого общения, ведь ни для кого не секрет, что более половины пользователей этих сетей – боты, программы, подражающие людям. И только «Мы» будет стоять пустынной и одинокой, поскольку ботов я в нее не пускаю.

Я немного отвлекся от своих тяжелых мыслей, думая о соцсетях. Почему мы не можем отличить ботов от реальных людей, общаясь с ними, ведь это – всего лишь программа? Может быть, потому, что очень многие из нас мыслят так же примитивно, как боты? Для того чтобы агрессивно проталкивать свои идеи и оскорблять каждого, кто с ними не согласен, много ума не надо – достаточно довольно простенькой программы. Так что можно сказать о людях, которые ведут себя подобным образом? Может быть, причина того, что мы не можем отличить программу от живого человека, не в том, что программа поумнела? Может, это мы стали глупее, грубее, примитивнее?

Кстати, о примитивах.

Я заглянул на страницу Ксюшеньки. Это существо выбиралось в Сеть по ночам, днем лишь иногда постило короткие замечания. Прямо как в сказке – девушка, которая ночью превращается в самку тролля. И таких в Сети legiony, увy.

Предсказуемо подружка Карины разразилась очередным вбросом. Начинался он путаными рассуждениями о том, что мужчины, по сути, являются «генетически неправильными женщинами» и «генетическая

ущербность» в виде У-хромосомы обуславливает их психическую ущербность, агрессивность и неспособность к состраданию.

«Мужчина психологически не способен поставить себя на место другого человека, тем более женщины, – писала наша маленькая гендерная фашистка. – Другие люди воспринимаются им как соперники, как объекты, которые следует подчинить, а не пытаться с ними сотрудничать».

Интересно... мы считаем, и считаем правильно, что считать другую расу или нацию «генетически ущербной» – преступление. Мы называем это фашизмом, и он получил свое осуждение в Нюрнберге семьдесят лет назад. Но почему же подобные рассуждения в половом смысле считаются если не нормальными, то, по крайней мере, вполне допустимыми? Я нигде не читал о том, что феминисток за их высказывания хоть как-то осуждают. Может, потому, что их никто не воспринимает всерьез? Так и Гитлера с его «Мейн Кампф» никто не воспринимал всерьез...

Предсказуемо, что в образе «мужской шовинистической свиньи» выступал ваш покорный слуга.

«Я наблюдаю за этим самодовольным самцом, – писала Ксюшенька, – и не вижу у него ни тени настоящего сочувствия, только его имитацию. Все его действия направлены лишь на создание видимости сострадания. Я не удивлюсь, если он решит, к примеру, не жрать или побриться наголо, чтобы показать, как он якобы страдает. Но его каменная душа не способна ни к состраданию, ни к сочувствию, как камень не может плакать...»

Я с раздражением закрыл блог. Что она знает о моем страдании? Это она царапала пальцами цементные стены подъезда, обливаясь слезами отчаянья и бессилья? Это она стояла на краю крыши собственной высотки, и от прыжка вниз ее удерживала только одна мысль – что Карине от этого будет плохо?

В своей статье Ксюшенька все это называла «ущемленным эгоизмом». Дескать, мужчина переживает из-за болезни своей женщины только потому, что уязвлено его чувство собственника. Он не хочет терять то, что привык считать своим. Казалось бы, в этом есть смысл? Но я был готов отдать свою жизнь, чтобы Карина жила. Без меня. Не в моей власти, не будучи моей. И если бы я повстречал на улице даму в саване и с косой, я бы, без всякого сомнения, без малейших колебаний предложил ей такой обмен. Так есть ли в этом моем чувстве хоть доля того эгоизма, о котором писала Ксюшенька? И если это эгоизм – тогда что не является эгоизмом? Возможна ли любовь больше той, когда отдаешь жизнь за того, кого любишь?

Я закрыл блог Ксюшеньки и поклялся никогда больше не заглядывать в него. Как оказалось, это была моя ошибка.

Ирина позвала меня завтракать.

– Я израсходовала все, что нашла у вас в холодильнике, – сказала она извиняющимся тоном. – Чем вы вообще питаетесь?

Я пожал плечами:

– Честно говоря, не знаю. Я давно ничего не готовил. Я даже не помню, когда ел последний раз. Может, вчера, но не факт.

– Ужас какой, – сказала она. – Неудивительно, что я не сразу вас узнала. Вы очень осунулись и выглядите старше. Так нельзя.

– Почему? – спросил я.

– Вы должны быть сильным. – Она выложила мне на тарелку половинку омлета с мясом. Вторую половинку положила себе. Омлет, надо сказать, выглядел потрясающе аппетитно, как с кулинарного сайта. – От этого зависит благополучие Карины. Ей нужна будет вся ваша поддержка, вся ваша сила. Своей у нее пока еще немного.

Она тряхнула головой – это было ее «фирменное» движение, такого я не видел ни у кого раньше. При этом ее длинные волосы (Карина стригла их короче, до лопаток, у Ирины они были до пояса) не рассыпались, а лишь плавно струились вдоль шеи и плеч.

– Вот что, нам надо будет сегодня сходить в... – она задумалась, – general store?

– Супермаркет, – подсказал я. – Конечно, я туда каждый день забегаю, чтобы купить что-нибудь для Карины.

– А для себя? – спросила она.

– Иногда покупаю доширак, – сказал я равнодушно.

– Что это такое? – спросила она.

Я подумал и ответил:

– Рамен быстрого приготовления. В Калифорнии тоже такие есть.

Она кивнула:

– Фу, какая гадость!

Я пожал плечами:

– Как по мне, вполне съедобно.

– Но так же нельзя, – убежденно сказала она и добавила: – Пока я живу у вас, я о вас позабочусь. Ради Каришки. Уверена, что она бы этого хотела.

Я отломил кусочек омлета и съел. Довольно вкусно, насколько вообще может быть вкусным омлет. У меня «домашняя» пища в основном

ассоциировалась с быстрым перекусом: несмотря на современную кухню, мы с Кариной заказывали блюда в кафе, а готовили только тогда, когда лень было делать заказ, и готовили что-то совсем простое. Хотя омлет тоже вроде бы не особо сложно, но Иринин омлет оказался по-настоящему вкусным. Хотя, может, я просто проголодался, но не обращал на это внимания.

– Спасибо, – сказал я. – Должен заметить – очень вкусно.

– Да что вы, – смутилась она. – Готовлю я так себе. Сама в Америке питалась как попало, у них в основном полуфабрикаты, за мясом или рыбой надо отпрапляться или в крупный сетевой магазин, или на рынок, а на это всегда не хватает времени. В Америке никогда не хватает времени.

– В Москве тоже, – сказал я, уплетая омлет. – Хотя у меня его с недавних пор было навалом.

Вообще говоря, последние два месяца я жил, словно постоянно окруженный непроницаемой черной тучей отчаянья и боли. Именно они стали моими спутниками наяву и наполняли мои сны. Но почему-то в присутствии Ирины эта туча рассеивалась – конечно, не навсегда и не совсем. Но во время нашего общения, казалось, становилось чуть светлее.

Может, потому, что она была так похожа на Карину и, когда я ее видел, ко мне возвращалась надежда на то, что скоро Карина будет рядом со мной?

* * *

Я так и не обзавелся собственной машиной, хотя права получил еще в армии. Одно время я всерьез думал купить себе что-то крутое – «Ламборджини» или «Бугатти», например. Хотя, по здравом размышлении, это не самые лучшие машины для нашего климата, где зимой снег и грязь по косточки, несмотря на самоотверженный труд коммунальщиков, а каждую весну асфальт дорог находится в таком состоянии, что его приходится перекладывать, даже если делать его по военным ГОСТам. Когда двадцатиградусный мороз резко сменяет плюс восемь, треснет не то что асфальт – металл не всегда выдерживает подобных издевательств.

Почему я все-таки не купил машину? Трудно сказать... мы часто откладываем что-то на завтра так, словно точно знаем, какое оно будет, это завтра. Как будто это от нас зависит.

В больницу к Карине мы отправились на такси, вполне обычном, и к тому же довольно старом «Форде». Увидев его, Ирина фыркнула:

– Точь-в-точь как у Сеймура. Только у него, конечно, он был

новенький. Умершим цезарем от стужи заделывают дом снаружи...

В карточных гаданиях дорога обозначается шестеркой, картой самого низшего достоинства, может быть, потому, что путешествие куда бы то ни было – событие совершенно заурядное, но дорога дороге рознь. Есть дороги обыденные, по которым ходишь изо дня в день. Есть пусть дальние, но ничего не значащие, есть интересные, а есть такие, после которых жизнь меняется самым кардинальным образом. И отличить одну от другой подчас просто невозможно. Дальняя и многообещающая дорога оказывается скучной, а привычная, ежедневная, порой круто меняет всю жизнь...

К Карине я ездил дважды в сутки, но первый раз в чьей-то компании. Для меня эта поездка являлась дорогой скорби, путем бессильного отчаянья – я так хотел чем-то помочь своей девушке, но оказался неспособным что-то изменить. Я делал все, что мог, все, что требовалось, но этого было мало, слишком мало.

Сначала мы зашли к Василию Владимировичу, чтобы узнать свежие новости, но его не оказалось на месте. Его секретарша, Сарочка, сказала, что шеф уехал на какую-то конференцию. Мы прошли в изолятор, записались в книгу посещений, подождали окончания процедур (мы пришли раньше, чтобы пообщаться с Василием Владимировичем сразу после утреннего обхода; за время нашего общения процедуры успели бы закончить). Наконец из палаты Карины вышли сотрудники клиники: похожий на индуса худой доктор с бородой черной, как у цыгана, и два ассистента – юноша, достойный кисти Караваджо, и, судя по неуловимым признакам, возможно, не только кисти, но и внимания великого художника, и женщина средних лет, но отнюдь не средних габаритов. Мужчина, кстати, действительно был индусом, точнее, пакистанцем; у него имелся диплом King's College School of Medicine. Затем патронажная сестра пригласила меня войти.

* * *

Когда я затевал свою авантюру с бритьем головы, я был искренне уверен, что Карину это, по крайней мере, позабавит. Я хотел подарить ей немного оптимизма, чуток тепла в крошечном холоде смертельной болезни. Но, кажется, только расстроил ее.

– Зачем ты сделал это? – спросила она, и у нее на глазах выступили слезы.

– Я хочу быть на тебя похожим, – неуклюже сказал я. – Ты такая

красивая!

– Я страшная, потому что я умираю, – отрезала она с интонациями Снежной королевы. – И ты это прекрасно знаешь. Я думала, мы можем обойтись без лицемерия. Я думала, мы достаточно близки, чтобы признавать очевидное.

Честно говоря, ее отповедь меня немного выбила из колеи. С одной стороны, она была права, а с другой...

– Что очевидное? – сказал я. – Любимая, да, ты больна – но мы все делаем для того, чтобы ты вылечилась, чтобы стала вновь здоровой! Мы боремся, а бороться бессмысленно, если не веришь в победу!

– А я не верю, – сказала она, словно обдав меня ледяным душем. – Смертность от рака моего типа – от восьмидесяти до девяноста пяти процентов...

– Потому что его поздно диагностируют, – парировал я. – А мы обратились вовремя. У нас хороший прогноз...

– Не надо тешить себя надеждами, – сказала она. – Вероятность того, что я сама выйду из этой палаты, – не больше двадцати процентов. Ты все еще на стадии отрицания. У меня стадия принятия.

– К черту такое принятие, – с жаром ответил я. – Я буду верить и бороться, какие бы прогнозы ни делали, понятно?

Она хотела было что-то возразить, но затем смягчилась и устало откинулась на подушку:

– Хорошо... спасибо, что так веришь в меня.

– А разве может быть по-другому? – спросил я, но она не ответила.

Помолчала, затем сказала, почти жалобно:

– Если бы ты только знал, как меня страшит – нет, не смерть, смерть не так страшна, как разлука. Не так страшно не быть, как не быть с тобой.

– Я всегда буду с тобой. – Я осторожно присел на край койки, хоть это и было против правил, и взял ее руку в свою. Ее ладонь была леденяще холодной. – Нас не разлучить никому, понимаешь?

– Ты видел мою сестру? – Казалось, она хочет сменить тему, и я обрадовался этому, надеясь отвлечь ее от печальных мыслей.

– Да, она в коридоре, очень хочет тебя видеть, – ответил я.

Она удовлетворенно прикрыла глаза:

– Как она тебе?

Я пожал плечами:

– Очень на тебя похожа. У меня прямо сердце сжимается. И она тебя очень любит.

Карина неуверенно качнула головой из стороны в сторону, словно

отрицала сказанное мной, но сказала другое:

– Когда... если я умру, пообещай мне, что будешь с ней, хорошо?

Я вскочил как ужаленный. Лучше бы она меня ударила, коленом, в пах, со всей силы! Как ей такое только в голову могло прийти?

– Даже не думай о таком, слышишь?! – Наверно, первый раз с того момента, как я узнал о ее болезни, я повысил голос в ее присутствии. – И как ты можешь мне даже предлагать это... эту?.. – Нужного слова я так и не подобрал.

Она отстранилась и посмотрела на меня, как мне показалось, с испугом.

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив! – сказала она. – Чтобы не был одинок, когда... когда я...

– НИКОГДА! – сказал я. – Ты думаешь, что я могу быть счастливым без тебя? Как... что... как тебе в голову могло прийти, что я хоть на минуточку могу быть счастливым, если тебя не будет рядом?!

– Но ведь Ира... – Моя реакция, кажется, обескуражила и даже расстроила Карину. – Она так на меня похожа, она же почти моя копия... только лучше.

Я не думал о том, почему она внезапно так резко поменяла свое отношение к сестре. Может быть, потому, что хотела любой ценой «сосватать» ее мне на случай своей предполагаемой смерти? Но я не был настроен опускать руки – о нет! Я решил бороться до самого конца. То есть до полной победы над болезнью – я запретил себе даже думать о любом другом возможном исходе.

Я опять присел к ней на кушеточку.

– Да будь она хоть самым ангелом, – сказал я. – Мне нужна только ты, понимаешь? Только ты, такая, как ты есть. Потому что люблю я тебя, а не твою копию, сколь бы совершенной ни являлась эта копия.

За окном ее палаты, на заснеженном подоконнике (в Москве выпал снег, но обратил я на него внимание только сейчас) сгрудились голуби, грея друг дружку. Сквозь толстые стекла я не мог слышать, как они воркуют, но смотрел, как они переминаются с ноги на ногу, должно быть, от холода. Голуби были серыми, обычные московские сизари, но в тусклом свете пасмурного дня казались черными.

– Знаешь, – сказал я. – В детстве я видел сказку, там царевич хотел жениться на дочери злого царя. Тот превратил свою дочь в голубку и выпустил в стаю таких же голубок. И жених безошибочно выбрал свою возлюбленную, хотя все голубки выглядели похожими друг на друга, как ксерокопии. Я тогда не понимал, как он сумел, а теперь, кажется, понимаю.

– У моего папы было прозвище Ксерокс, – сказала Карина. – Как раз из-за нас с Иришкой. Ты все-таки подумай, – закончила она, почти умоляюще.

– И не подумая думать, – сказал я, вставая. – Не о чем думать.

– Я хочу умереть спокойно, – сказала она. – Разве ты не хочешь, чтобы я была спокойна, когда...

– И умирать тебе незачем, – ответил я. – Не позволю тебе умирать. Это не в твоей власти. Понятно?

Она неуверенно кивнула. Я спросил у нее, что ей принести в следующий раз. Она сказала, что ничего не надо. Значит, куплю по своему выбору.

На том мы и расстались.

* * *

Я подождал Ирину в фойе. Она пробыла у сестры недолго и вышла какая-то странная – одновременно рассерженная и обескураженная.

– Как все прошло? – спросил я. – Помирились? Предлагаю сразу зайти в супермаркет, поможет мне выбрать для Карины гостинцы.

– Помирились, – буркнула Ирина. – Хорошо, и вам домой купим продуктов заодно. Ч-черт...

– Что случилось? – спросил я. – Вы же сказали, что помирились.

– Помирились, – вновь подтвердила она. – Но она... нет, это просто ни на какую голову не налазит!

Я начал догадываться, что произошло, но решил проверить свою догадку. До супермаркета мы, не сговариваясь, пошли пешком, благо было недалеко.

– Что не налазит? – спросил я.

– Знаете, что она сказала? – ответила Ирина. – Она сказала, что в случае ее смерти я обязана, как она выразилась, быть с вами. Интересно, а мое мнение что, вообще не важно? Тем более не понимаю, почему она решила, что так вот непременно умрет? Я, между прочим, даже предложила донорскую помощь. Уф... я не о том, наверно, да?

– Нет, почему же, – ответил я. – Мне она предложила то же самое.

– И вы... – Ирина глянула на меня с испугом и подозрением.

– Не сдержался и накричал на нее, – пожал плечами я. – Во-первых, я не для того надрываюсь, чтобы она умирала. Надо будет, я наизнанку вывернусь, но ее вытащу.

– А во-вторых? – спросила она.

– А во-вторых, по-моему, любимая женщина не перчатка, чтобы ее менять на другую, если с ней что-то случится, – ответил я. – Простите, Ирина, вы очень красивая, очень привлекательная женщина и готовите прекрасно, но не думаю, что вам было бы приятно, если бы я так поступил, правда?

– Вот я ей в точности то же и сказала, – кивнула Ирина. – Здесь уже не важно, какая я, какой вы. Здесь важно другое. Ну, и, конечно, я не удержалась, прочитала ей мораль о том, что расчет и любовь несовместимы. А она мне припомнила Сеймура и обозвала бессердечной сукой.

– Не сердитесь на нее, – поспешно сказал я, испугавшись, что Ирина из-за слов Карины может... не знаю, может обидеться на Карину. – Она больна, ей страшно, отсюда все эти дикие идеи.

Ирина тряхнула головой в своем «фирменном стиле»:

– Да я не сержусь, я все понимаю... наоборот, Сережа. Я вот что решила – давайте вытаскивать ее совместными усилиями? И когда вы опять будете вместе, она увидит, что ее страхи и подозрения были бессмысленными. Вот тогда-то мы и помиримся по-настоящему. Как вы считаете?

– Полностью с вами согласен, – кивнул я, и мы пошли в супермаркет.

Часть 4

Ветра потерь

Глава 1

Над Москвою тучи ходят хмуро...

– Вас просили зайти к главврачу.

Обычно Василий Владимирович не задерживался так допоздна. Вернее, не задерживался у себя в кабинете – чаще всего он занимался какими-то исследованиями в лабораторном комплексе, и беспокоить его было не велено, а тут, видно, что-то в лесу сдохло... фу, нельзя в онкологической больнице такие сравнения употреблять. Даже про себя.

Тем не менее иногда я чувствовал, что во мне просыпается нездоровый цинизм. И меня это пугало. Говорят, люди, достаточно долго пребывающие бок о бок со смертью, постепенно превращаются в циников. Как я уже говорил, циников я не люблю и становиться одним из них совершенно не хочу. Хотя это и модно.

В наше время это качество, что называется, в тренде. Циники заполонили экраны и книжные страницы настолько, что не хочется видеть ни того, ни другого. Почему-то никому не приходит в голову, что циники, в общем-то, несчастные люди, и не важно, вызвана их ущербность цинизмом или наоборот. Мне кажется, что цинизм – это нагноение на душевной ране, которую оставили без обработки.

Впрочем, мои душевные раны не обрабатывал даже я сам. Я считал недостойным носиться со своими глубинными переживаниями в то время, когда Карина так страдает. Я не неженка какой-то, который бежит к психологу, когда его кандидат проиграл президентскую гонку или не удалось купить симпатичный кардиган, потому что не оказалось подходящего размера. По-моему, это чистой воды воспаление эгоизма, и лечить его лучше не у психолога, а если и у психолога, то с применением исключительно народных средств – березовых розог или сыромятного ремня.

С точки зрения «цивилизованного мира» я давно нуждался в услугах психолога, но мне плевать было на эту точку зрения. У нытиков и неженков никогда ничего не выйдет именно потому, что, когда надо прилагать усилия, они ноют. А я не из таких.

– Василий Владимирович, к вам можно? – спросил я, приоткрыв дверь, но не заходя. – Мне сказали, вы хотели меня видеть?

– Да, да, заходите, – ответил доктор. Он слегка охрип, впрочем, при такой погоде простыть было немудрено.

Я вошел. Доктор сидел за столом в полутемном, освещенном только настольной лампой кабинете. «Как в плохих ментовских сериалах, – подумал я. – Или фильмах про зверства НКВД». Впрочем, на столе у доктора в совсем неуставном порядке стояли ополовиненная бутылка «Ред лейбла», вазочка с колотым льдом и розетка с шоколадными конфетами... виски с шоколадом?

Стаканов было два, и один доктор сразу же, не здороваясь, двинул по столу в моем направлении. Я покачал головой и напомнил:

– У меня аллергия на алкоголь. А вот закурить бы мне не помешало.

– Да травитесь на здоровье, – пожал плечами Василий Владимирович, наливая себе виски, – когда я вам запрещал?

Пока я доставал сигареты, он наполнил свой бокал вискарем, бросил в него кубик льда и достал из стола пепельницу. Я подкурил, думая, что до меня у доктора, вероятно, был другой посетитель – в предложенном мне бокале на дне было немного виски. Или он один пил из обоих бокалов по очереди, что, согласитесь, странно.

– Что случилось? – спросил я устало. Наверно, месяц назад приглашение зайти к доктору напугало бы меня до судорог, но теперь...

Теперь я понял, что перестал бояться. Все самое плохое уже произошло. Ничего хуже этого уже не будет.

– Вы ведь собирались зайти к Карине? – спросил он. Я кивнул. – Не поймите меня превратно, но я вам на это разрешения не даю как лечащий врач. В смысле, запрещаю.

Вот это новость!

– А если я стану настаивать? – спросил я. – Я ведь могу обратиться в компетентные органы.

– Обращайтесь, – пожал плечами доктор. – Только напомню вам, что разрешение на посещение я вам давал лишь на основании просьбы пациентки. С точки зрения закона, вы не можете требовать обязательного доступа к Карине – вы ей не родственник, вы вообще никто, и звать вас никак. Но я закрываю на это глаза до тех пор, пока это не вредит моей пациентке и совпадает с ее желаниями.

– А сейчас что изменилось? – спросил я зло. – Вредит или не совпадает?

– И то, и другое, – ответил он. – Во-первых, ваш визит может плохо на нее повлиять.

– С какого перепугу? – Я почувствовал, как внутри меня медленно, как в замедленной съемке, поднимается холодная ярость.

– Видите ли, – доктор сделал глоток виски, не поморщившись, – не так

давно у вашей девушки наметились ожидаемые мною тенденции к выздоровлению. Я уже вам об этом говорил. С каждым днем мы наблюдали усиливающуюся положительную динамику. К сожалению, процесс этот не быстрый. Но он есть, и это очень хорошо.

Он отхлебнул еще раз.

– Но после сегодняшнего вашего визита у Карины случилось сильное обострение на почве нервного напряжения. Все показатели активности болезни скакнули, как конь через барьер. Я был даже вынужден перевести ее в отделение интенсивной терапии.

– Это так серьезно? – встревожился я.

– Успокойтесь, – ответил доктор. – Выпьете? Ах да... нет, к счастью, уже все пришло в норму, но одно упоминание о возможности вашего повторного визита приводит ее в смятение. Мы с Кариной проконсультировались и пришли к выводу, что вам лучше не появляться у нее неделю или две. А ее сестре – тем более...

Он побарабанил пальцами по столешнице:

– Я изначально был против этого визита, зная, какие у них отношения. Полагаю, Карину больше взвинтила Ира, а не вы, но... как бы там ни было, вам лучше последовать моим рекомендациям.

Моя ярость не удовлетворилась подобным объяснением, даже наоборот – она только сильнее разгоралась.

– И какие у меня основания вам верить? – спросил я.

Доктор вздохнул:

– Ах да, вы же у нас Фома неверующий. – Он достал из стола свернутый вчетверо лист А4 и протянул мне. – Не пойму, вас что, в детстве врачами пугали?

Я развернул листочек. Честно говоря, я отвык от записок «от руки», но почерк Карины узнал. Странно, что такие мысли приходят в голову совсем некстати, но я тогда подумал о том, как много вещей ушло в прошлое – дневники, заполняемые собственноручно, то бишь пером на бумаге, написанные таким же образом письма, даже записки. Придет время – и ксерокс, в честь которого получил прозвище отец Карины и Ирины, тоже займет свое место в музее – рядом с печатной машинкой, счетами и арифмометром...

«Любимый, – писала Карина, – мне очень непросто просить тебя об этом, потому что тебе от этого будет тяжело и мне тоже. Но это необходимо. Нам нужно какое-то время не видеться. Надеюсь, за этот промежуток времени я успею пройти еще один сеанс интенсивной терапии и встречу тебя еще ближе к выздоровлению.

Говорят, что разлука только усиливает любовь. Наверно, так оно и есть, по крайней мере, чем дольше я тебя не вижу, тем сильнее моя к тебе любовь. Если мне станет совсем плохо, я всегда могу позвонить тебе по скайпу или прислать видеопостик.

Р. S. Прошу тебя, не прогоняй Иру, она не виновата ни в моем нервном срыве, ни в нашей разлуке. Я знаю, что она будет порываться уйти. Не отпускай ее – в Москве она совсем одна, еще попадет в какую-то неприятность.

Очень тебя люблю, навсегда твоя Карина».

Я сложил листочек по линиям сгиба и машинально сунул в карман куртки.

– Убедились? – спросил доктор, подливая себе виски. – Кстати, вы проверили мой диагноз?

– Не было случая, – ответил я. – Но хорошо, что вы мне напомнили. Раз уж вы считаете, что я настроен против вас, надо же оправдывать ваши ожидания... в общем, я бы хотел получить отчет по проделанным процедурам и динамике выздоровления. Вы ведь утверждаете, что Карина выздоравливает?

Доктора моя просьба, кажется, не удивила, но определенно рассердила. Он хлопнул ладонью по столу:

– Клянусь всей своей квалификацией, она выздоровеет! Я думаю уже не о спасении жизни, а о том, как сохранить ей фертильность. Видите ли, она очень остро переживает потерю ребенка, хотя технически это еще не был ребенок, у плода только-только началась дифференциация органов. Но ей поди объясни... это все равно что христанутым рассказывать о том, что аборт – это не убийство.

Я поморщился. Как я уже говорил, отношу себя к агностикам. Точнее, тема Бога меня почти не интересует. Иногда я позволяю себе порассуждать на тему, как «выглядит» Бог, если он есть. Рассуждения забавные, но не более того.

Но мне, как истинному агностичу, непонятны те люди, которые высмеивают чужую веру или агрессивно на нее нападают. Ребята, вы сами везде говорите, что вы разумные люди – так и ведите себя как разумные люди, без оскорблений и насмешек! Иначе как-то странно получается, даже кажется, что вы не неверующие, а, наоборот, истово верите в то, что Бога нет...

– Главное, чтобы она была жива, – сказал я. В конце концов, ребенка можно усыновить, а по нашим временам – даже клонировать и родить с помощью суррогатной матери. Были бы деньги, а уж этого добра мне, слава

богу, хватает...

Вообще, оглядываясь назад, я понимаю, какими наивными и беспечными являлись мои рассуждения. Я не понимал, что в мире не бывает ничего незыблемого – ни достатка, ни молодости, ни здоровья. Казалось бы, интеллектуальные способности, образование – это то, чего не отнять, но обширный инсульт моментально уничтожает даже этот нематериальный актив. Все в мире разрушается, даже величественные горы когда-нибудь распадутся в пыль, а мы надеемся на капитал, который более летуч, чем эфирное масло...

– А для нее это важно, – заметил доктор, потягивая виски. – Одну минутку... – Он наклонился под стол, где, вероятно, находился у него системник, и протянул мне флешку. – Я предполагал такой запрос, потому подготовил для вас все материалы в электронной форме. Специалист разберется – там посуточно ее показатели и весь курс приема... да ладно, любой онколог увидит совпадение показателей при поэтапном сравнении. А, погодите, отдайте на секундочку...

– Зачем? – спросил я.

– Забыл дописать отчет о сегодняшней терапии, – признался он. – Сейчас...

– Не надо, – сказал я, пряча флешку во внутренний карман куртки, – того, что есть, я думаю, достаточно.

– Как скажете, – ответил он, наливая себе еще виски. В бутылке оставалась четверть. Кажется, добрый доктор решил напиться. Интересно, почему?

* * *

– Что случилось? – встревожилась Ирина. – Что-то с Каришкой? Ей хуже?

– Было хуже, – ответил я. – Сейчас получше. А так – я ее не видел.

– Почему? – удивилась Ирина. – И почему от вас пахнет виски?

– При мне пили, – ответил я и рассказал ей о встрече с добрым доктором, попутно раздеваясь. Рассказ затянулся, так что за Карининой запиской мне пришлось возвращаться в коридор.

– Идемте на кухню, – предложила Ирина, – я поесть приготовила.

– Не хочется, – ответил я. – Мне сейчас кусок в горло не полезет.

– Тогда хоть чаю попейте, – сказала Ирина. – Вы же весь продрогли. На улице минус, а вы ходите в курточке на рыбьем меху.

– Честное слово, не заметил, – сказал я. – Хорошо, идемте, попьем чаю.

– А я бы на вашем месте поела, – сказала Ирина. – Вам силы нужны.

Я лишь пожал плечами. На кухне, за чаем, мы стали говорить о наших дальнейших планах.

– Предписание врача придется соблюдать, – сказал я. – Не хочу, чтобы Карине из-за меня было плохо. Но вот что я вам скажу – не нравится мне этот Василий Владимирович, не пойму почему, но не нравится.

– Я с ним не знакома, – ответила Ирина. – А почему он вам не нравится?

– Виски пьет, как воду, – ответил я. – И вообще... какая-то это мутная история, с этой госпитализацией в режиме «кругом-бегом».

– Но вы же видели Карину! – воскликнула Ирина. – Очевидно, что она очень больна...

– В том, что она больна, я не сомневаюсь, – ответил я. – Я даже не сомневаюсь в диагнозе, который поставил Скорняков. Уж больно активно он мне свой диагноз сватал на проверку.

– А вы проверили? – спросила она.

Я отрицательно покачал головой:

– Пока нет. Я, конечно, проверю, но думаю, что там все чисто.

– Так в чем же вы сомневаетесь? – спросила она.

– Я сомневаюсь в том, что его лечение эффективно, – пояснил я. – Он мне активно вешал лапшу про какие-то нанопрепараты, а у нас в России, спасибо Чубайсу, все с приставкой *нано*– воспринимается подозрительно.

– Почему? – удивилась Ирина. А я и забыл, что она последнюю пятилетку провела на земле солнечной калифорнщины (при воспоминании о Калифорнии у меня что-то промелькнуло в памяти, но так быстро, что я даже не успел понять, что это было за воспоминание). Пришлось рассказать ей про Роснано и Сколково и про последние скандалы, после которых рыжему реформатору пришлось сильно задуматься о давным-давно полагающемся ему выходе на пенсию.

– А на Западе нанопрепараты тоже испытывают, – сказала Ирина задумчиво. – Тоже с ними носятся, тоже постоянно какие-то скандалы возникают... не слышала, чтобы их где-то применяли.

Она хихикнула:

– Вспомнила тут историю: в общем, есть одна кинодива, звезда сериалов, у нас ее практически не знают, а в Штатах она культовый персонаж уровня Маклахлена.

– Это еще кто такой? – удивился я.

Она улыбнулась:

– Господи, Кайл Маклахлен, агент Купер, из Твин Пикс...

– Понятно, – кивнул я. Что-то такое я слышал, даже сериал, кажется, смотрел, но не запомнил. Там вроде были какие-то пришельцы и маньяки, убивавшие каких-то девушек...

– Так вот, – продолжила Ирина. – Эта кинодива, должно быть, хорошей наследственностью обладает и в свои шестьдесят с хвостиком выглядит лучше, чем некоторые тридцатилетние. И вот она вступила в сговор с одним малым из Силиконовой долины...

– Кремниевой, – поправил ее я.

– Силиконовой, – возразила она. – Такая тоже существует, долина Сан-Фернандо, она же, простите, порнодолина.

– Никогда не интересовался порно, – соврал я.

Ирина скептически на меня посмотрела и продолжила:

– Кроме того, что там располагаются самые большие клубничные поля Америки, там же наибольшая концентрация пластических хирургов на квадратную милю. В общем, они устроили триумвират: он, она и некий мексиканец, работавший на Парамаунте ассистентом гримера, но, как и многие ассистенты, выполнявший львиную долю работы. Мексиканцу хотелось большего, хирургу хотелось свою клинику, пусть даже не в Штатах, а в какой-нибудь Венесуэле, а звезде... наверно, ей просто хотелось снова почувствовать себя молодой и желанной.

В общем, они разыграли операцию «омоложение». Пользуясь тем, что наша «звезда» давно не появлялась на людях, ее сначала «состарили», а потом доктор поэтапно «восстановил ей молодость» с помощью «инновационных революционных нанотехнологий», выкладывая все это в блоге. Затем заявил, что потратил все деньги и сворачивает работу над революционным изобретением. Заметьте, ни у кого не просил рваного цента.

Правильно писал Булгаков – сами нашли, сами дали. Он и отнекивался, и отказывался, но его буквально засыпали долларами, как ведьму смолой и пухом. И этот пройдоха заявил, что откроет клинику после реконструкции. Поделили они куш на троих и уже сидели на чемоданах, как вдруг, на горе, мексиканца зацепили за нарушение режима проживания. А фэбээровцы, скажу я вам, ребята с тем еще чувством юмора – три дня его мутузили: «Мы всё знаем, колись, сволочь, а то будешь на Аляске моржам клыки полировать».

– Зачем? – не понял я.

– А на всякий случай, – пожала плечами Ирина. – У них все просто,

особенно на юге. Цветной – значит подозрительный. Мало ли, а вдруг он наркотореклер? Тем более что Голливуд зовется Фабрикой грез, а для того, чтобы грезы были качественнее, нужен допинг. В общем, проводя три дня без сна, еды и воды, наш мексиканец всех заложил. Хирурга сняли с самолета, сейчас он одет как кришнаит и, вероятно, замужем за каким-то бравым земляком своего бывшего поделщика... загремел то бишь, – пояснила она, видя мое непонимание. – За решетку.

– А звезда? – спросил я.

– Спустила весь профит на адвокатов, но выбралась, – сказала Ирина. – Отделалась условным сроком, зато попала на первые полосы. Инфоповод, блин...

Я скривился. Это слово было мне хорошо знакомо. К сожалению.

Я тогда еще и не подозревал, насколько это паршивая вещь – инфоповод...

Глава 2

Ветер подымается, заря меркнет...

– И к чему вся эта история? – спросил я.

– У меня появилась странная мысль, – ответила Ирина. – Что, если доктор использует Каришу втемную?

– Это как? – не понял я.

– А так, – ответила Ирина. – Что, если Карина здорова, а доктор хочет ее показательно «вылечить» своими нанотехнологиями? А потом везде петь о своем триумфе.

Я пожал плечами:

– Рискованно. Если эти нанотехнологии потом не подтвердят своей эффективности – за такое можно и по шапке получить, и не только по шапке.

Ирина задумалась, потом призналась:

– Вы правы. Наверно, я просто выдаю желаемое за действительное. Просто... мне очень хотелось бы, чтобы Карина оказалась совсем здоровой.

– А уж мне-то как этого хочется, – вздохнул я. – Если бы все так и было, я бы... честно, я даже этого Василия Владимировича не стал бы преследовать, черт с ним.

– А вот это зря, – сказала Ирина. – Он ведь не только нам с вами, он и Каришке нервы испортил. Да и не только нервы, здоровье он ей тоже посадил своими процедурами. Волосы выпали, исхудала...

– Ладно, об этом подумаем позже, – сказал я. – Давайте решим, что будем делать сейчас.

– Давайте, – согласилась она. – И какие у вас предложения?

– Для начала надо проверить материалы «Гекаты», – сказал я. – Выбрать клинику и проверить.

– Клинику, клинику... – Ирина задумалась. – Вот что. Когда наш отец заболел раком, он лечился у самых прославленных онкологов. К сожалению, у меня никаких контактов не осталось, но мы можем уточнить эту информацию в ЦКБ. Наверняка там осталась его карта.

– ЦКБ. – Я постучал пальцами по столешнице (и откуда у меня эта дурацкая привычка?). – А они дадут нам карту? Я имею в виду...

– Ну, вам так точно не дадут, – улыбнулась Ирина. – А мне дадут. Я же его родная дочь.

На том и порешили.

Оказалось, не все так просто.

– Карточки выдаются только в двух случаях, – сказали нам в регистратуре. – Если их затребуют соответствующее лечебное учреждение или следственные органы по решению суда. В частном порядке выдача подобных документов кому-то, кроме самого пациента с целью ознакомления, категорически запрещена. Особенно при онкодиагнозах.

Вот холера!

– То есть я не могу даже просто посмотреть карточку своего отца? – упавшим голосом спросила Ирина. – Хотя бы здесь, в вашем присутствии?

Регистратор, пожилая, интеллигентная женщина с потрясающей сединой, похожей на серебро куда больше, чем парик Дейнерис Таргариен из Игр Престолов, сочувственно посмотрела на Ирину:

– И что вы рассчитываете там найти? Знаете, вы не похожи на параноика – этих я вижу часто и хорошо научилась различать. Неужели вы подозреваете, что вашего отца как-то не так лечили?

– Нет-нет, что вы! – поспешно успокоила ее Ирина. – К ЦКБ у меня нет ни малейших претензий, наоборот – я благодарна вашим специалистам, они сделали все, что могли.

– Тогда в чем же дело? – заинтересовалась женщина (судя по бейджику, ее звали Екатерина Матвеевна).

– Видите ли, – сказала Ирина, опустив глаза (я заметил, что ее смущение выглядело не так, как у Карины, но в чем разница, пока не мог понять), – у моей сестры обнаружена онкология. Сейчас она проходит курс лечения...

– Вот так бы сразу и сказали! – воодушевилась Екатерина Матвеевна. – Это проще. Полагаю, она в какой-то частной клинике, не интегрированной в государственную систему обмена информацией? Сейчас я дам вам образцы документов для запроса...

– Видите ли, – перебила ее Ирина. – Я понимаю, как это прозвучит, и, возможно, дам вам повод причислить себя к параноикам, но у нас возникли подозрения в компетенции персонала клиники. К сожалению, лечебное заведение выбрала сама пациентка, и мы никак не можем оспорить этот выбор или повлиять на нее, чтобы она его изменила.

Я восхитился тому, как четко и недвусмысленно Ирина выражает свои мысли. Я хоть и программист и то так не смог бы, а ведь именно для программистов четкость мышления и формулировки имеют

первостепенное значение.

– Понимаю, – кивнула Екатерина Матвеевна. – Клиник этих развелось как грязи, и у всех инновации, нанотехнологии... – Регистратор произнесла эти слова с таким непередаваемым акцентом, как интеллигентная учительница произносит прочитанные в тетради двоечника матерные слова. – А на деле они просто наживаются на чужом горе, торгуют надеждой. Что они, что гадалки с экстрасенсами, одного поля ягоды.

Я подумал, что, памятуя кипу настоящих сертификатов «Гекаты», я не стал бы сравнивать ее с каким-нибудь экстрасенсом или колдуном, но промолчал. Это не важно, а важно то, что Екатерина Матвеевна склоняется на нашу сторону.

– Так вот, я и Сергей Юрьевич, – она указала на меня, – жених моей сестры, очень обеспокоены этим фактом. Моего отца лечили лучшие специалисты отечественной онкологии, люди, которые **понимали** рак, знали его повадки и коварные уловки...

– Вы, должно быть, журналист или литератор, – с нескрываемым восхищением сказала Катерина Матвеевна. Ага, не одного меня восхищают формулировки Ирины! – Вы так красиво выражаете свои мысли! Спасибо, я, кажется, поняла, что вам нужно. Для этого совсем не обязательно поднимать карту **вам**. Давайте я сама посмотрю, кто консультировал вашего отца, и, если позволите, побуду вашим секретарем: свяжусь с этими людьми и договорюсь, чтобы они вас выслушали.

– Я вам буду очень благодарна, – заверила Ирина Екатерину Матвеевну, и я с удивлением увидел, что ее (Ирины то бишь) глаза слегка блестят, словно от слез. Нет, так играть не получится ни у кого – неожиданная помощь Екатерины Матвеевны совершенно определенно растрогала Ирину буквально до слез.

Вообще говоря, теперь я понимаю, что нам на пути встречается очень много отзывчивых людей. Но отзывчивость – черта характера, опасная для ее носителя. Чужой отзывчивостью часто пользуются, причиняя боль тому, кто доверился вам, решив бескорыстно помочь. Потому, со временем, обжегшись несколько раз, отзывчивый человек начинает прятать свое доброе сердце под непроницаемой ледяной броней равнодушия, и лишь сильное тепло доверия способно растопить эту броню.

Мы начинаем этого стесняться. Начинаем стесняться подать мелочь нищему. Чтобы совесть не крутила душу, как чувство голода желудок, мы придумываем себе смехотворные отговорки: «а вдруг это мошенник?» (да, именно мошенник, на коленях, с протянутой рукой на морозе...), «пойдет пропьет» (интеллигентная старушка, по виду бывшая учительница), «пусть

этим занимаются компетентные органы»...

Так черствеет и загнивает душа. И никакие «компетентные органы» ее не спасут. Может быть, у некоторых судьба быть нищим именно для того, чтобы наши души не гнили? Чтобы терзать их, делать им искусственное дыхание, реанимировать в них сочувствие и сострадание, которые и есть жизнь души?

Наверно, мир был бы куда лучше, если бы мы научились самым элементарным вещам: благодарить, не завидовать, не обманывать, прощать, отвечать добром хотя бы за добро... почему это так сложно? Я не знаю даже сейчас...

– Вы все правильно делаете, ребята, – в свою очередь, растрогалась Екатерина Матвеевна. – Поддержка признанных авторитетов поможет вам бороться с любыми шарлатанами!

Ирина дала женщине мою визитку, дописав туда от руки свой мобильник, и мы тепло распрощались, получив заверения, что скоро получим всю необходимую информацию.

– Я займусь этим сразу же, как смена закончится, – пообещала Екатерина Матвеевна. – Просто для этого нужно в архив, а он в другом здании, а мне отвлекаться нельзя.

Она хмыкнула:

– Вот и единую систему подключили, а архивы наши в нее еще не завели. Я понимаю, много работы, тут бы с текущими делами разобраться... да только что ж это за система, если к архивам неполный доступ?

– И то правда, – согласился я, и мы попрощались. Мы с Ириной пошли на выход, а Екатерина Матвеевна принялась читать журнал «Наука и жизнь», но, пока мы ждали неторопливого лифта, она дважды успела посмотреть на часы. Словно не могла дождаться конца рабочего дня.

* * *

Екатерина Матвеевна отзвонилась на следующий день вечером. Она нашла всю необходимую информацию. По некоторым причинам я не могу называть имен тех людей, которые лечили отца Карины, точнее, возглавляли процесс лечения. Потому назову их просто академиками А., Б. и В.

– Академик А., к сожалению, скончался в позапрошлом году от сердечной недостаточности, – рассказывала Екатерина Матвеевна. – Б. и В.

живы и, к счастью, здоровы. Я связалась с обоими. У Б. солидная клиника в Израиле, но он сказал, что посмотрит все материалы, если вы ему их пришлете. Причем пообещал посмотреть в экстренном порядке. Адрес его я вам выслала на электронку, указанную в визитке. И адрес В. тоже, электронный и физический. В. не так давно вернулся на Родину из Швейцарии, живет на две страны. Преподает в МГУ, строит онкоцентр в Новой Москве. У него самого дом в Троицке. Он согласился вас принять завтра, к девяти ноль-ноль, по тому адресу, что я вам сбросила.

– Екатерина Матвеевна, мы с Сергеем Юрьевичем вам так благодарны, – с трепетом в голосе сказала Ирина.

– Пустяки, – ответила Екатерина Матвеевна. – Рада вам помочь. Надеюсь, вам удастся разобраться с этими мошенниками от науки. Ишь ты, «центр здоровья «Геката». Сразу видно, что какие-то аферисты, они б еще «Вельзевулом» назвались.

– У всех одинаковые ассоциации, – подмигнула мне Ирина.

Тем же вечером я сбросил материалы в Израиль по указанному адресу, а на следующее утро мы отправились в Троицк. Я в очередной раз пожалел, что не купил машину, потому что на улице поднялась метель, и нам пришлось сначала долго ждать такси, потом тащиться по пробкам. Выехали мы с солидным запасом по времени, но все равно пришлось понервничать, успеем ли вовремя. Успели, но, что называется, впритык. Жаль, что человек не может путешествовать так, как это делает информация, – мгновенно. Мои материалы, отправленные вечером в Израиль, академик Б. получил еще утром, о чем мне пришло соответствующее сообщение, и, во всяком случае, раньше, чем В., живущий в так называемой «большой Москве». Впрочем, когда еще эта «большая Москва» станет просто Москвой...

Хотя тот район, в котором стоит мой дом, в годы молодости моих родителей тоже числился подмосковным селом, а теперь уже даже и не окраина. Время течет, все меняется. И люди тоже.

В. оказался Ирине знаком; он ее хорошо помнил, она его помнила смутно и узнала не сразу. Статный красавец с шевелюрой, напоминавшей львиную гриву, превратился в крупного старика, а грива значительно отступила в сторону затылка, открыв макушку Богу или Ноосфере, как выразился он сам. Но академик В., несомненно, был импозантен и всячески подчеркивал это. Например, артритную хромоту он маскировал, пользуясь симпатичной тростью с навершием, похоже, из слоновой кости в виде львиной головы. В общем – патриарх онкологии, что там говорить...

– Конечно, я хорошо помню твоего отца, Иришка, – говорил он, усаживаясь в кресло за обширным и пустым – ничего, кроме эпловского

моноблока – столом красного дерева под зеленым сукном. Убери с этого стола монитор и прибей лунки по углам – вполне можно играть в бильярд. Нам он также указал на кресла возле «совещательного» столика. – Очень жаль... сейчас я взялся бы за этот случай, и прогноз был бы намного благоприятнее, несмотря на обширность поражения. Наука с тех пор хорошо шагнула вперед... правда, и сейчас есть случаи, при которых ничего уже нельзя поделать.

Узнав, чего мы хотим, В., не откладывая в долгий ящик, приступил к изучению привезенных нами материалов, предварительно выпросив разрешение скопировать часть из них.

– Не могу вас обрадовать, – сказал он, ознакомившись с диагностической частью. – Выводы вашего эксперта полностью подтверждаются. Должен сказать, что вам повезло с врачом – столь внимательного и скрупулезного подхода я не встречал уже давно. Скажу прямо – с тех пор как мой друг А. переселился в страну, где его услуги не могут быть востребованы. Вот он был как раз таким – точным, внимательным к каждой мелочи!

В. приподнял очки, которые надел, когда начал просматривать материалы, и протер глаза. Я обратил внимание на то, что, несмотря на ладный внешний вид, если присмотреться, его возраст давал о себе знать вполне определенно – и глубокими морщинами, и вялым тонусом кожи, и усталой краснотой век.

– Вы своими материалами напомнили мне о моем коллеге А., – пояснил он свою реакцию. – Он был мне другом и старшим товарищем. Я многому от него научился, но многое не сумел перенять. Например, эту, в хорошем смысле слова, научную дотошность. Буду вам благодарен, если вы дадите мне координаты этого вашего врача – я хотел бы переманить его в свой центр. – И он озорно подмигнул нам с Ириной.

– То есть его диагнозу можно доверять? – уточнил я.

– Целиком и полностью, – подтвердил В.

– А его методикам лечения? – спросила Ирина. – Нас беспокоит то, что он рассказывает о каких-то революционных методах, нанотехнологиях...

– Сейчас мы посмотрим, – кивнул академик и углубился в расчеты. На это ему потребовалось больше времени, чем на диагноз; в процессе он сверялся с чем-то на своем компьютере и, должно быть, не довольствуясь помощью эппловской чудо-машины, достал откуда-то блокнотик и принялся что-то чертить в нем, сопровождая графики колонкой цифр и то и дело хмыкая себе под нос.

Наконец он оторвался от бумаг и улыбнулся.

– Ваш чудо-доктор немного вас обманывает, – сказал он. – Но совсем чуть-чуть. Никаких нанотехнологий я здесь не вижу, но комбинация методов лучевой, химической и онкостатической терапии действительно уникальна. Я вижу, у него хорошее оборудование, не хуже, чем у меня, и препараты самые современные. Отсюда и динамика... я не понимаю, что вас беспокоит? Конечно, сейчас у пациентки обострение, но, знаете, опухоль не насморк, просто не вылечишь.

Я потер рукой подбородок. Все получалось не так, как нам казалось; Василий Владимирович оказался тем, кем и представлялся, – талантливым, почти гениальным онкологом. Откуда же этот треклятый червь сомнений?

– И что же, вас совсем-совсем ничего не смущает? – спросила Ирина.

– Есть некоторые моменты, – признал В., как мне показалось, без особой охоты, – но так, по мелочи. Кое-что не совпадает с расчетными значениями, но я ведь только приблизительно мог оценить методику моего коллеги. Вероятно, каких-то факторов я не учитываю.

Он снял очки, сложил их и отложил.

– Я еще поработаю над этим делом, – сказал он. – Есть нечто... но настолько эфемерное, что и говорить не хочется.

– Что? – спросила напрямую Ирина.

– Если б я знал! – ответил В.

Меня интересовало другое.

– Вы говорите – положительная динамика, – сказал я. – То есть Карина выздоровеет, я правильно понял?

– Молодой человек, – медленно сказал В., – лечение болезни напоминает взвешивание на безмене. Если перевешивают усилия врачей – пациент излечится. Если усилия болезни – сами понимаете. Так вот лечение рака – это то же самое, но внутри катящегося с горы полого шара, понимаете? Здесь никогда нельзя сказать, что у нас все получится, но никогда нельзя и отрицать этого. Здесь нужно просто прилагать усилия, прилагать – и надеяться на лучшее. Потому у меня и стоит вот это. – Он указал на икону святого Пантелеймона в застекленном шкафу сзади и по правую руку от него. – Символ надежды. Мы делаем что можем, но слишком часто остается только уповать на заступничество чего-то более могущественного.

– Скажите, – осторожно спросил я. – А вы бы взялись лечить Карину? С учетом всего этого.

– И даже без учета, – ничуть не сомневаясь, ответил он. – Но предвосхищу ваш следующий вопрос – не вижу смысла перевода ее ко мне. Я не смогу сделать лучше, чем то, что уже сделано. Плюс смена методик –

это стресс, от которого может пойти процесс возрождения опухоли.

Я кивнул, а В. добавил:

– И еще, подобная смена лечебного коллектива – это стресс для пациентки. Пожалейте ее нервы, они и так у нее измотаны ее болезнью. Я вас понимаю. Вам кажется, что «врач ничего не делает», ведь проходят дни, недели, месяцы, а кажется, что девушке становится только хуже.

Он вздохнул:

– Но надо потерпеть. Для родственников больного раком самое главное умение – умение ждать и верить. Ждать, как солдата с фронта, верить, как жены моряков в старину годами верили, что когда-нибудь увидят на горизонте долгожданные паруса...

* * *

По дороге домой мы с Ириной молчали. Разговор оставил тягостное впечатление. Мы понимали, что вели себя как дети, что выдавали желаемое за действительное, а свой гнев на болезнь пытались перенести на ни в чем не повинного врача. Лично я ненавидел себя, и в этом я, помимо воли, автоматически, признался Ирине в подъезде собственного дома.

– За что? – удивилась она. Мы стояли на площадке у лифтов. В доме было четыре лифта, но в целях экономии работал только один, ведь жильцов было немного, особенно днем, в будни. И какая-то зараза загнала этот лифт на последний этаж, так что нам пришлось ждать.

В фойе было светло – свет лился через широкое витражное окно над входом. Витраж представлял собой какую-то абстракцию, впрочем, не раздражал, как некоторые «творения» современных художников от слова «худо», и то спасибо.

– За то, что ничего не могу сделать. Ничего. Вообще ничего. Абсолютно ничего. Умрет Карина, будет жить – от меня это никак не зависит, вообще никак! Я не могу остановить смерть, это не в моей власти!

– Вы делаете все, что только возможно, – ответила она. – И даже более того. Не вините себя.

Я почувствовал, как ее пальцы легонько касаются моей щеки.

– Вы плачете, – сказала она, смущенно опустив глаза. – Я вытерла слезу.

Она отвернулась и сказала как-то по-другому, не так четко, как обычно, глухо:

– Это мерзко, но я очень завидую сестре. О такой любви, какую вы

испытываете к Каришке, мечтает каждая девушка, но случается она далеко не у всех. И...

Она замолчала, а потом сказала:

– Давайте я все-таки съеду от вас, прямо сегодня.

– Почему? – спросил я. – Зачем?

– Потому, что я ничего не могу сделать со своей завистью, – ответила она. – Будь я на месте Каришки, я была бы просто счастлива, и плевать на рак, на боли, на все. Честно говоря, испытав такие чувства, и умереть не страшно... и наоборот, страшно умереть, зная, что такая любовь существует, но у тебя ее не было и никогда не будет.

– Почему? – спросил я. – Ира, вы молоды и прекрасны, вы найдете себе кого-то лучше меня. Зачем вам я? Не я один способен любить, я думаю, многие любят не слабее... будет у вас такая любовь, какую вы себе желаете!

– Немногие, – резко ответила Ирина, первый и последний раз на моей памяти став похожей на Снежную королеву, но потом ее вечная Золушка вернулась. – Нет, нет, что вы, я никогда, ни за что не стану между вами и Кариной! И не подумаю. Просто мне тяжело находиться рядом с вами, тяжело видеть любовь и понимать, что она не моя! Я должна бы радоваться вашему счастью, но не могу, я никогда не завидовала, а теперь завидую! Я бы все отдала за то, чтобы вы так любили меня, а не ее! Но этого никогда не будет, и я никогда не соглашусь на это, даже если вы мне предложите. Выхода нет!

– Выход всегда есть, – сказал я, понимая, что она так близко от меня, что я чувствую ее дыхание у себя на щеке. – Но бросать все – не выход. Думаете, мне просто видеть вас, так похожую на сестру тогда, когда я не могу быть с ней? Но мы должны продолжать бороться – вы со своими чувствами, я со своими. Давайте поддержим друг друга, ведь у нас есть то, что нас объединяет, – наша любовь к Карине! Согласны?

Она подняла на меня свои заплаканные глаза и сказала:

– Давайте попробуем.

А тут и лифт пришел.

* * *

Дома нас ожидало сообщение от академика Б.

«Диагноз полностью подтверждаю. Применяемая методика, судя по всему, представляет собой улучшенную клиническую методику покойного

профессора А. с применением, там, где это возможно, современных, более эффективных терапевтических средств. В ряде случаев, как показывает анализ, эти средства позволяют увеличить эффективность первоначальной методики, и без того доказавшей свою жизнеспособность при применении на нескольких тяжелых пациентах с болезнью аналогичной этиологии и со схожей клинической картиной.

Могу обратить внимание на то, что терапевт, применяющий данное лечение, в некоторых (см. Приложение) случаях довольно смело идет на повышение эффективности препаратов по воздействию на опухоль; не могу не отметить, что им учитываются возможные неприятные последствия такого воздействия, и он заранее заботится о том, чтобы их купировать.

В целом могу высоко оценить как саму методику, так и ее практическую реализацию. Рискну предположить, что автор методики и (возможно) применяющий ее терапевт – доктор Скорняков В. В. Если это так, прошу передать доктору Скорнякову мое искреннее восхищение и сообщить, что я рад сознавать, что он входил в число и моих учеников. С уважением, Б.».

Это был последний гвоздь в гроб нашей с Ириной теории.

Мы разошлись по комнатам и не общались в тот вечер. Даже не ужинали. Я лежал на своей кушетке и думал. Размышлял я о том, что такое человек.

Наверно, Ксюшенька права и в каждом мужчине живет свинья. Определенно в нас есть что-то от этого малосимпатичного животного. Потому что слова Ирины меня взволновали. Она говорила то, о чем Карина писала. Но записи в блоге Карины были только записями, не более того. Я часто говорил, что в блоге человека мы можем увидеть то, что скрыто у него в душе. Я верил в это.

А теперь у меня появились... нет, не сомнения. Появилось нечто, что я никак не мог понять. Почему-то слова, высказанные Ириной, казались мне более искренними, чем записи Карины.

Что достовернее – написанное или сказанное? Что больше от души – высказанное слово или написанный текст? С одной стороны, когда мы заключаем важные договора, мы пишем их на бумаге. Но с другой – не для того ли мы используем бумагу, чтобы придать достоверность своим словам? Не означает ли необходимость записать что-то наличия сомнений в том, что ты пишешь? Не для того ли мы пишем, чтобы не иметь соблазна потом отступить?

Почему Карина никогда не говорила мне о любви так, как Ирина? Кроме дежурного «я тебя люблю» – «я тебя тоже», она никогда не

произносила того, что писала. Мне в голову пришла страшная мысль: когда-то на Руси говорили – бумага все стерпит. Наверно, на бумаге лгать легче, чем на словах, глядя собеседнику в глаза. Она даже не сказала, что не хочет меня видеть, она **написала** мне об этом!

Тут мне стало стыдно. Ведь Карина больна, смертельно больна. Как я могу чего-то требовать от нее, как могу чем-то ее попрекать? Любви ему, видите ли, не хватает, искренности... тьфу, чудовище.

Но нечто внутри меня было с этим категорически не согласно. Возможно, это и была та самая свинья, я не знаю. Но эта свинья не могла понять – что же это за отношения такие, когда один всегда должен, а другому всегда должны? Разве так описывают любовь? Разве любовь – это не полет навстречу друг другу?

Глава 3

Мне ничего от тебя не надо

В древности болезни считали Божьей карой. Наверно, потому, что болезнь вообще очень похожа по своему протеканию на все наши несчастья. Мы подхватываем заразу. Если заразы немного, наш иммунитет немедленно ее убивает, но если заразы достаточно, а наш иммунитет слаб, если мы не заботимся о том, чтобы предупредить возможную болезнь, вредоносная зараза начинает размножаться в нашем организме, отравляя кровь и овладевая всеми органами через нее. И вот уже весь организм – фабрика по производству убивающей его инфекции.

Рак похож на ложь. Она тоже пускает свои метастазы. Одна ложь тянет за собой следующую, та порождает третью; опухоль вранья приобретает все более и более чудовищные формы, она стремится вытеснить правду отовсюду, из каждой клеточки, как рак вытесняет и заменяет собой здоровые ткани организма. Ложь не понимает, что она не может подменить собой правду, как раковая клетка не может заменить живую. Неправда, как и раковая клетка, – нежизнеспособна, поскольку неправильна, неестественна. И то и другое ведет к гибели организма.

Ложью можно делать многое. Обманом можно нажить богатство, получить положение в обществе, завоевать целую страну и даже подчинить себе полмира, внушая ему мысли о своей исключительности и непогрешимости. Неправдой можно даже очаровать чью-то душу и получить некое подобие любви.

Но как рак, распространяясь, уничтожает организм, так и ложь пожирает то, что ей удалось получить. Приходит время – и всем становится очевидна подмена понятий. Перед истиной вранье всегда тускнеет. И тогда все победы лжи идут прахом, все ее приобретения утекают, как пепел сквозь пальцы.

Сеющий ветер пожинает бурю, сеющий ложь пожинает прах.

* * *

Я дал себе обещание не заглядывать на страницу Ксюшеньки, но держал его всего несколько дней. В это время с «Мы» стало происходить что-то странное – такого количества попыток взлома, дидоса или

заражения вирусами я не видел с самого начала работы Сети. Плюс к тому, значительно повысилась сетевая активность, нагрузка Сети неуклонно ползла вверх. Чертовщина какая-то, мне пришлось даже договориться с администрацией серверного кластера о выделении мне дополнительных мощностей по обработке. Естественно, я провел полную диагностику Сети, но не нашел ничего необычного. Повысившаяся активность являлась естественной. Никто не юзал ботов, не рассылал спам. Люди просто общались – но что за хипиш? Война, что ли, началась?

Когда у меня выдалась свободная минута, я решил войти в Сеть как пользователь. Первый сюрприз меня ждал прямо на моей странице. Количество моих подписчиков уменьшилось в тысячу раз, попросту говоря, от меня отписались почти все мои фоловеры – и это за каких-то два дня.

Зато мой почтовый ящик был переполнен.

Даже сегодня я с ужасом вспоминаю тот момент, и мне очень сложно говорить о нем. Я открывал лишь письма без вложений и аттачей (Сеть у меня надежная, защита вирусов не пропустит, но береженого бог бережет). Столько оскорблений в свой адрес я не слышал, наверно, от рождения и, надеюсь, никогда не услышу больше. Если верить моим подписчикам, от рождения Иуды Искарота в человеческом роду не нашлось большего мерзавца. Я оказался подонком, мутантом, жертвой аборта, бездушным существом, дьяволом, антихристом, мерзостью – и это только то, что было цензурным и не касалось обценных тем.

Я не верил своим глазам. Снится мне это, что ли? Бред какой-то! Что случилось, скажите на милость?

Видимо, пока я знакомился со всеми этими шедеврами народного творчества, я как-то выдал свою реакцию (наверно, я был бы шокирован, но, как ни странно, меня спасло мое удивление – я искренне недоумевал, чем заслужил подобную ненависть), так, что в комнату вошла Ирина.

– Что случилось? – спросила она. Я думал, стоит ли мне говорить ей, но напрочь забыл, что у меня открыто одно из сообщений подобного рода. Автором одного, вероятно, была юная девочка, не обремененная интеллектом – судя по обилию грамматических ошибок и привычке писать крупным, разноцветным шрифтом. В сообщении мне предлагалось «сгареть в оду» и «утапица в дирьме». Эх, милые олбанцы с удафф. ком, до таких высот падонкаффского йезыга вам еще расти и расти. – Что это за бред сумасшедшего?

За эти несколько дней мы с Ириной общались очень мало. Формально потому, что я с утра до ночи сидел в Сети, настраивая «Мы». Фактически...

Фактически мы избегали друг друга. Мы понимали, чего стоит нам

оставаться невозмутимыми после всех наших откровений. Мы старались не обременять друг друга необходимостью сдерживать свои эмоции.

– Да так... неадекваты какие-то, – фыркнул я и поспешил удалить письмо... открыв при этом следующее. Автор капсом не злоупотреблял, зато выбрал ажно семьдесят второй шрифт.

«Надеюсь, ты умрешь в страшных муках!» – гласило послание.

– ...а отправитель-то другой, – задумчиво сказала Ирина. – И у вас еще две тысячи двести два неоткрытых письма.

– Часть я уже успел удалить, – заметил я хмуро.

– Что случилось? – напрямую спросила Ирина.

– Если бы я знал! – ответил я. – Понятия не имею!

И тут мне в голову пришла по-настоящему страшная мысль: Карина!!!

Я набрал ее мобильный, но он оказался выключен. Тогда я стал искать номер клиники. Пока я искал, Ирина просматривала пришедшие сообщения. Наконец я нашел нужный телефон и набрал его. Давно надо было его в адресную книгу внести, кстати, но тогда, когда Карина заболела, мне было не до этого, а потом... просто забыл.

– М-да... – сказала Ирина. – Думаю, вам лучше этого вообще не смотреть. И главное, ни единого объяснения, что случилось, словно авторы и так уверены, что вы знаете, за что они вас поносят! У вас никаких догадок на этот счет?

Я только рукой махнул. Догадка у меня имелась, но верить в нее я не хотел. Но почему выключен мобильник Карины?!

– Да? – ответил Василий Владимирович, когда я набрал его номер.

– Что с Кариной? – спросил я, не здороваясь и не представившись. – Ей хуже? Она жива?!

– Жива, – ответил доктор сухо. – И ее жизнь сейчас вне опасности, хотя и пришлось проколоть ее сильными седативами. Лечение идет по плану.

– Седативами? – удивился я. – На каком основании?

– А то вы не знаете. – В голосе врача послышались издевательские нотки. – Знаете что, молодой человек... Я решительно запрещаю вам сюда звонить. Кстати, со мной связывался профессор Б., так что, надеюсь, свое любопытство вы уже удовлетворили.

– На каком основании вы со мной так разговариваете?! – взбесился я.

– На основании врача, которому вы едва не отправили на тот свет пациентку, – гаркнул Василий Владимирович. – И у вас еще хватает совести имитировать беспокойство и повышать на меня голос?! Щенок! Сказано вам – больше не звонить сюда? Или мне обратиться в

правоохранительные органы?

– Обращайтесь, – ответил я максимально холодно. – Еще посмотрим...

И тут я услышал вскрик из спальни. Что за...

– Я еще перезвоню, – невпопад брякнул я и закончил разговор, после чего сразу же помчался в спальню. Ирина сидела на кровати...

Она выглядела бледной, как привидение, как черно-белый фотоснимок – ей-богу, я еще не видел, чтобы **так** бледнели. Невидящим взглядом она смотрела на экран своего ноутбука.

Кстати, в спальню я зашел первый раз с тех пор, как Ирина жила в нашей квартире. Я осторожно обошел вокруг кровати, на которой когда-то разворачивались наши с Кариной романтические поединки, и посмотрел на то, что так напугало Ирину.

Это была фотка дохлой собаки, какой-то дворняжки, со вспоротым животом и оторванной головой. Подпись под фото гласила: «You next!»

– Это... – еле слышно прошептала Ирина. – Это Хилари, она жила возле моего мотеля в Калифорнии. Я подкармливала ее, когда останавливалась в нем... ее-то за что?!

Я не успел опомниться, как Ирина, словно подкошенная, упала на меня, прижавшись лицом к животу, и разрыдалась. Мне оставалось лишь присесть на кровать и обнять ее. Мельком бросив взгляд на экран ее ноутбука, я остолбенел – писем ей пришлось не меньше, чем мне.

Что за чертовщина? Прямо здесь, в моей некогда уютной квартирке, разворачивался мой личный апокалипсис. Но этому должна была быть хоть одна логичная причина! Хоть какая-то!

Конечно, причина всех наших несчастий – в тех поступках, что мы совершаем, в тех решениях, что мы принимаем. Иногда они приходят как возмездие за наши ошибки или, того хуже, преступления, а иногда – наоборот, чтобы сбить нас с пути, не дать совершить что-то важное. Но и в том, и в другом случае они наступают внезапно, когда мы их совершенно не ожидаем. Самые важные события нашей жизни – хорошие ли, плохие ли – всегда случаются внезапно.

Я поднял все еще всхлипывающую Ирину и отвел ее в свою комнату. Там я зашел в Интернет, чтобы понять причину произошедшего. Сначала проверил «Мы», но мое многострадальное детище, похоже, оставили в покое, даже гиперактивность предыдущих дней пошла на спад. Я на всякий случай настроил программы – охранники для своего и Иринино ящика, затем зашел на блог Карины.

Он оказался закрыт от меня как от пользователя. Но то, что можно закрыть от пользователя, нельзя закрыть от администратора. Я обошел

блокировку и заглянул в дневник моей девушки.

За прошедшие сутки она выложила шестьдесят две сумбурные записи! Первые из них вообще выглядели какими-то нечленораздельными, какой-то поток подсознания, где смешались измена, рак, смерть, предательство... постепенно, однако, записи становились все более осмысленными и в основном крутились вокруг того, что после предательства жить незачем, что она благословляет свою опухоль и отказывается с ней бороться. Наконец, последняя запись была более внятной:

«Меня обкололи седативами, и я чувствую полнейшую апатию. После Сережиного предательства у меня больше нет стимула ни лечиться, ни жить. Мне некуда возвращаться, я все отдала Сергею и все потеряла. Я не вернусь к тому, кто растоптал мою любовь и надругался над ней. Я все поставила на чувства и проиграла. Прощайте. Ваша Карина».

У этой записи было шестнадцать миллионов лайков.

Шестнадцать миллионов. Я даже не представлял себе, что такое вообще возможно. Одна запись об этих лайках занимала целый гигабайт информации (так как у каждого лайка имелись параметры – отправитель, ссылка на профиль, на аватару, время постановки лайка...).

Вы никогда не встречали на улице голодного дракона? Говорят, драконов не бывает. Представьте себе, что вы знаете, что драконов не бывает, и тут прямо на вас пикирует злое, голодное существо и готовится закусить вами. Тогда вы немного поймете, что я чувствовал в тот момент.

Мой мир пошел трещинами и готов был вот-вот рухнуть в преисподнюю.

Ирина немного успокоилась. Она тоже прочитала сообщения Карины и теперь непонимающе смотрела на меня.

– Что мы сделали не так? – спросила она. Меня удивило это «мы» – во всех своих бедах Карина обвиняла только меня, так что, при чем тут Ира, мне было вообще не понятно.

– Мы? – улыбнулся я, но, полагаю, не очень весело. – Кажется, мерзкий гад у нас я. И это я предатель и изменник, вот только убей не пойму почему.

– Это вы адресованных мне писем не читали, – тоже попыталась улыбнуться Ирина. – Если суммировать все, то я получаюсь до мозга кости развращенной сукой-доберманом из охраны детского концлагеря. Люди действительно очень изобретательны. Особенно когда придумывают оскорбления.

Я увидел, что ее нижняя губа дрожит. Инстинктивно я обнял ее. Порой беда сближает людей не хуже любви.

- Тихо, слезами горю не поможешь, – сказал я. – Будем разбираться.
- Хорошо, – сказала она. – Я пока в ванну, вы не возражаете?
- Нет, – ответил я. – А я на кухню, приготовлю кофе.

Идя на кухню, я подумал: черт возьми, хорошо, что я взял себе квартиру не просто в охраняемом доме, а в квартале с охраной. Чужим сюда проникнуть очень непросто, даже Ирина прошла ко мне только после получасовых объяснений, и то благодаря огромному личному обаянию и видному невооруженным взглядом сходству с сестрой.

Но все-таки береженого бог бережет. Я позвонил начальнику охраны квартала и сказал, чтобы ко мне никого не пускали. Мол, мне поступают анонимные угрозы по электронке (что было правдой), связанные с моей профессиональной деятельностью (что не соответствовало действительности). Начальник охраны мне посочувствовал, дал координаты фирмы, предоставляющей личную охрану, и пожаловался, что какие-то гады испоганили ночью краской дорожку, отделяющую территорию квартала от парка. Я похолодел – дорожка прекрасно просматривалась из моих кухонных окон. Выглянув на улицу, я увидел выведенное по белому снегу чем-то черным крайне обидное нецензурное определение – хорошо еще, что без указания имени и адреса, но в том, что послание адресовано нам с Ирой, я не сомневался.

Пока готовился кофе, я думал. Что, черт возьми, произошло? Почему Карина считает меня предателем и откуда у нее такой наплыв фоловеров? Поскольку планшет всегда был со мной, я решил загуглить «Карина Логинова».

Ну ни фигя себе!

Во-первых, Карина обзавелась собственной статьей в Википедии. Там она называлась «ультраמודный блогер, символ борьбы и трагической любви». Оказывается, дневник Карины стал...

...самым читаемым блогом рунета!

...и одним из самых индексируемых в мире!

Ничего себе.

Оказывается, болезни Карины было посвящено уже около двухсот статей, про нее были анонсированы три полноформатные книги, документальный и даже художественный фильм!

Оказывается, существовало целых шесть фондов ее имени, и на ее лечение жертвовали такие известные люди, как Билл Гейтс и Элтон Джон.

То-то Василий Владимирович отказывался от всех моих денег!

У меня в голове возникла догадка: а что, если доктор просто не хочет выпускать свою золотую рыбку и сознательно решил устроить ей

обострение? Но как? Вернее, как, как раз понятно – ей подбросили какую-то похожую на достоверную инфу о моей якобы измене, и она сорвалась. Но какую дезу? Чему она могла поверить?

И почему именно сейчас?

Кстати, интересно, почему для моей травли еще не подключили телефон? Можно ведь было и номер слить жаждущим мести троллям, не только адрес.

И тут, словно по команде, мой телефон зазвонил.

* * *

– Добрый вечер. – Голос был вежлив и мне знаком, но я не сразу понял, кто со мной говорит. Не понял, пока собеседник не представился: – Это вас В. беспокоит, простите. Можете говорить?

– Да, конечно... – я удивился звонку профессора. – Чем обязан?

– Вот что... Сергей? – переспросил профессор. – Я правильно запомнил?

– Да, – ответил я.

– Вы не могли бы подъехать ко мне завтра, во второй половине дня, в центр? – спросил В. – Но не один, а с Ирочкой, если это возможно.

– Конечно, мы можем, – ответил я. – А что случилось?

– Понимаете, – смутился В. – Я бы хотел проверить, здоров ли мой рассудок и хороша ли у меня память. Есть некая информация, не занесенная в карточку отца Ирины. Мы с друзьями просто сочли ее малозначащей. Когда я думал над этим делом, я просмотрел некоторые публикации и понял, что мы тогда ошиблись.

– В чем? – удивился я.

– Отец Ирины и Карины обладал врожденной генетической особенностью, – пояснил В. – Не болезнь, а некая специфика пигментации волосяного покрова. Недавние исследования генома человека показали, что между этой особенностью и предрасположенностью именно к такому типу рака есть связь.

– В каком смысле? – спросил я. – Все, кто ею обладает, заболеют?

– Конечно, нет! – ответил В. – Предрасположенность вовсе не означает обреченность. Просто, скажем так, у людей этой особенности часто отмечен рак именно этого типа, я понятно объясняю?

– Ага, – ответил я, попутно кивнув. Тем временем на кухню вошла Ирина. Я приложил палец к губам. Она понимающе кивнула. – То есть

раком такого типа болеют только те, у кого есть такая генетическая предрасположенность?

– Опять мимо. – Голос у академика был бодр и весел – конечно, ему же не посылают писем с угрозами... – Это задача из теории вероятности: есть два пересекающихся множества, тех, кто болен этой формой рака, и тех, у кого есть данный признак. Они совпадают лишь частично. Так вот, у вашей Карины нет подобной предрасположенности, но она больна.

– И что это значит? – не понял я.

– Как вы не понимаете? – удивился академик. – Это же прорыв! Это означает, что связь между этим признаком и болезнью **косвенная!** Мои коллеги из Принстонского госпиталя ошибались, и появление рака связано совсем с другим генетическим признаком.

– Каким? – спросил я машинально.

– Пока не знаю, – признался В. – И именно это я и хотел бы выяснить. Видите ли, Карина и Ирина – удивительный, хотя и не уникальный случай в генетике: они погодки, но, судя по всему, у них очень близкая структура генотипа. Вы сами можете это видеть, сходство сестер просто бросается в глаза. Имея генетический материал одной сестры и анализ генома другой, я вычислю тот метавключатель, который запустил механизм опухоли. Василий Владимирович отказался сотрудничать со мной наотрез, и я могу его понять – он хочет, чтобы исцеление Карины было только его заслугой. Это эгоистично, конечно, но вполне объяснимо. Но и я не могу сидеть сложа руки: раз уж выпала такая возможность... вы мне поможете? – закончил он почти умоляюще.

– Ирина, – сказал я, давая собеседнику понять, что Ирина все слышит. Слышала она, конечно, только мои односложные ответы, потому я вкратце пересказал ей то, что рассказал В., сверяясь с ним, правильно ли я его понял. – Как вы относитесь к этому предложению?

– Я согласна, – пожала плечами Ирина.

– Отлично, – обрадовался В. (Я перевел телефон на громкую связь, и к тому моменту наш разговор превратился в конференцию.) – Кстати, мы проведем для вас тесты на онкомаркеры. Есть такие... признаки, которые показывают саму возможность появления опухоли задолго до того, как сработает какой-нибудь канцерогенный фактор, понимаете?

– То есть я буду знать, что у меня есть риск заболеть? – спросила Ирина.

– Больше того! – с энтузиазмом ответил В. – Мной разработана уникальная система предупреждения онкозаболеваний с использованием генно-модифицированных фагоцитов самого носителя. Мы возьмем ваши

собственные иммунные клетки и, если можно так выразиться, проинструктируем их! Методика безопасна, она прошла проверку Минздрава и зарегистрирована для применения. Конечно, для вас, если вам понадобится такая терапия, это будет абсолютно бесплатно.

– Дело не в деньгах, – сказал я, про себя уже решив, что, когда все закончится, я пожертвую центру академика В. солидную сумму – например, миллион. – Вы говорите «если вам понадобится такая терапия». Но если геном Ирины и Карины полностью идентичен, она уже в группе риска!

– Не обязательно, – ответил В. – Между геномом даже полных близнецов есть некоторые различия. Хотя они близки настолько, что даже одни и те же заболевания часто поражают их одновременно.

– Я проходила тестирование на онкомаркеры перед возвращением в Россию, – сказала Ирина. – Как только узнала про Карину. Мне сказали, что все чисто.

– Где? – уточнил В.

– Как раз в Принстоне, у доктора Леонарда, – ответила Ирина.

– Его диагнозу можно верить, – задумчиво сказал доктор. – Тем лучше! Мы быстро найдем нужный маркер, и... вы понимаете, что это значит?

– Что? – спросил я.

– Если мы его найдем, мы получим уникальную методику лечения Карины! – воскликнул В. – Всю эффективную, но тяжелую терапию Скорнякова можно будет исключить. Небольшое оперативное вмешательство, маленькая коррекция на генетическом уровне опухолевой ткани... Вот что, вы можете приехать немедленно?

Я выглянул в окно. Опускались ранние декабрьские сумерки, но погода была тихой, без снега и ветра. Унылый дворник счищал со снега хулигельскую надпись.

– Ирина, вы как? – спросил я Иру. Она кивнула. – Хорошо, я сейчас закажу такси, но...

– Не надо такси, – сказал доктор. – Я отправлю за вами машину. Только адрес назовите.

Я продиктовал адрес, и В. положил трубку.

– Я правильно поняла? – спросила Ирина. – Каришку можно будет вылечить? Без всех этих плясок с бубнами.

– Можно, – ответил я. – Если она сама согласится.

– А почему она должна не соглашаться? – удивилась Ирина.

– Она считает, что я ее предал, – напомнил я ей. – Изменил ей с вами.

– Но ведь это же чушь собачья! – возмущенно-обиженно воскликнула Ирина. – Я бы никогда не посмела! Да, я ей завидую, я уже говорила об

этом. Да, я очень хотела бы, чтобы меня так любили, как ее! Но у меня даже в самых бредовых мыслях не было отнять вас у нее. И не только потому, что я ее люблю. Просто я считаю, что настоящую любовь невозможно разрушить. Если любовь разрушилась, значит, это были не чувства, а подделка, суррогат. Но кому нужен суррогат?

– Многим, – задумчиво сказал я. Думал я о том, как наши с Ириной мысли совпадали. И еще кое о чем, что давно не давало мне покоя.

Эта навязчивая мысль постоянно пыталась подобрать ключ к моему сознанию, но я сопротивлялся ей всеми силами, на которые был способен. Потому, что такая мысль граничила с тем, в чем меня обвиняла Карина, – с предательством. Нет. Не сейчас. Никогда. Или когда-нибудь потом, когда выздоровеет Карина, я подумаю об этом – и лишь для того, чтобы растоптать, разорвать, уничтожить эту мысль...

Потому что я люблю Карину. Я люблю Карину. Мою Золушку, иногда бывающую Снежной королевой.

Глава 4

Нисхождение

Онкоцентр академика В. располагался на окраине Троицка, неподалеку от Института ядерных исследований РАН. Он еще только строился; полностью готовы были главный исследовательский комплекс и гостиница, первые этажи которой временно занимало приемное отделение (впоследствии там должны были расположиться презентационные и конференц-залы). Сама гостиница, предназначенная для проживания приезжающих на научные симпозиумы, в основном пустовала, так что нам с Ириной выделили номер-апартаменты с двумя спальнями, предназначенный для светил науки уровня нобелевского лауреата.

В. настоял, чтобы мы заночевали в Троицке. Сам он планировал работать всю ночь.

– Я часто работаю по ночам, – пояснил он. – Никто не мешает, не отвлекает...

Честно говоря, мне было все равно – я чувствовал себя дома везде, где имелся Интернет, а в центре он, понятное дело, был, причем превосходного качества. Ирина тоже не возражала. Она сильно воодушевилась возможностью как-то помочь Карине, пусть даже таким образом.

Когда Ирина сдала все анализы, стрелки часов перевалили уже за полночь. В. поинтересовался, не голодны ли мы. Откровенно говоря, последнее время я забывал о том, что такое чувство голода, не потому, что ел досыта, скорее наоборот. Но сейчас, в этом странном месте, я внезапно ощутил, как нервное напряжение, довлевшее надо мной последние два месяца, по непонятной мне причине уходит. Словно все наши проблемы (которые стояли перед нами в полный рост) уже остались позади. Мною овладевало какое-то космическое спокойствие. Будь что будет! Главное, чтобы Карина выздоровела. На этом фоне все остальное казалось мелким, незначительным, неважным.

Но это мелкое и неважное неожиданно напомнило о себе самым непосредственным образом. А именно – телефонным звонком.

– Сергей? – спросил знакомый голос, но я не сразу узнал говорившего. – Это Артем Викторович.

– Слушаю, – устало сказал я.

– Это я слушаю, – с раздражением сказал Артем Викторович. – А вы рассказывайте, что происходит.

– А что происходит? – не понял я.

Артем Викторович вздохнул.

– Мы ведь с вами в доле, не так ли? – уточнил он. – После того как часть пакета была продана на IPO, нашей девелоперской группе принадлежит тридцать семь с половиной процентов акций сети «Мы» плюс одна акция. Мы оставили вам контрольный пакет в силу того, что вы, как создатель и генеральный архитектор этой Сети, лучше всего гарантируете ее успешность. Мы могли бы продать свои акции и даже выкупить ваши и тоже продать – такие предложения поступали, тот же Цукерберг регулярно высылает нам предложения, желая приобрести сорок-шестьдесят процентов ваших акций... высылал.

– И что? – спросил я. Откровенно говоря, я не понимал, к чему он клонит.

– Вы что, за новостями не следите? – спросил Артем Викторович. – Сегодня во второй половине дня «Мы» рухнула!

– То есть как рухнула? – уточнил я, мельком глянув на коммуникатор. – Сеть работает, если бы появились какие-то неполадки, мне бы пришлось сообщение...

– Котировки рухнули! – пояснил Артем Викторович. – Каждую минуту проект «Мы» теряет два миллиона долларов капитализации!

– Почему? – спросил я.

– Это я у вас хотел спросить почему! – Артем Викторович первый раз повысил голос, и это было плохим знаком. – Мы, конечно, предпринимаем действия, скупая дешевеющие акции, и тем пока удерживаем падение, но этого ресурса надолго не хватит. Проблема в том, что что-то происходит в самой Сети! Вы давно заглядывали?

К этому моменту я уже сидел с ноутбуком и как раз зашел под административной записью.

– Вот сейчас смотрю, – ответил я. – Технически все исправно. Я не... вот черт...

– Что? – быстро спросил Артем Викторович.

– Из Сети уходят люди, – сказал я, чувствуя, как кровь отливает у меня от лица. – Минус четыре миллиона за шесть часов. У нас новых конкурентов не появилось?

– Нет, – ответил Артем Викторович. Впрочем, я и сам это видел. Ни новых конкурентов, ни каких-то изменений у старых, ничего, что могло бы объяснить такой отток пользователей.

Второй раз за день я почувствовал, что у меня уходит из-под ног земля. Но теперь она не просто уходила – я чувствовал, что лечу в какую-то

пропасть, из которой нет и не может быть возврата...

– Вот что, – сказал мой собеседник строго. – Я вылетаю в Москву. Буду к восьми утра. Сразу же перезвоню вам. Потрудитесь к тому времени разобраться в происходящем.

Он вздохнул и сказал:

– Вы понимаете, о каких деньгах идет речь? Это, Сергей, не шутки и не игрушки, в девяностые убивали за один процент от такой суммы. Я вас наберу.

И положил трубку.

Впрочем, что происходит, я понял почти сразу – достаточно было посмотреть самый популярный хэштег. Все ссылки этого хэштега вели на закрытые страницы, на последние записи этих страниц. Записи повторяли хэштег:

I_not_need_anything_from_you.

Мне от тебя ничего не нужно.

Первая запись с этим хэштегом, вполне предсказуемо, размещалась на странице Карины. Это был видеоролик, обращенный ко мне:

– Не пытайся мне звонить. Не добивайся встречи со мной. Мне от тебя ничего не нужно. Ты предал и растоптал мою любовь, ты изнасиловал и изгадил мою душу, доверившуюся тебе, ты ударил тогда, когда я в тебе нуждалась больше всего, когда оказалась наиболее уязвимой. Мне от тебя ничего не нужно. Не пытайся встретиться со мной. Не звони мне. Я никогда не отвечу. Для тебя я умерла.

Бред! Но откуда этот бред?

Ее запись репостили. И комментировали – в основном упражняясь в ругательствах в мой адрес. Кто-то выдвинул идею, что, «если бы я был мужчиной», я бы отдал «Мы» Карине, а сам (дальше шли вариации на тему, как зрелищнее и эффектнее покончить с собой). Этот тезис подхватили и расширили. Кто-то написал: «Я не останусь в этой Сети, которая принадлежит этому чудовищу». Это тоже подхватили. «Сеть должна принадлежать несчастной девушке, чью судьбу растоптал этот выродок» – и это тоже понеслось в массы.

Я задумался. Честно говоря, я устал. Я не понимал, чем я все это заслужил, но если человеку постоянно повторять, что он козел – через какое-то время он начнет бляеть. Я не знал, в чем я виноват, но это и не важно. «Мы» погибнет, если я что-то не предприму. И я принял решение.

Отлично! Одним ударом я готов убить трех зайцев. Во-первых, Карина будет обеспечена; во-вторых, моя Сеть будет жить; в-третьих, я успокою своих компаньонов – когда Сеть оживет, капитализация проекта вырастет.

Пока все это происходило, я был отвлечен от реальности и даже не обращал внимания на Ирину, которая все время находилась рядом. В. отправил машину за едой в ресторан Троицка. Она еще не вернулась.

И именно тогда, когда я принял решение, я и почувствовал снисходящее на меня неземное спокойствие. Как говорил кот Том из мультика про него и мышонка Джерри: I turn one million dollars, and I am HAPPY! Как-то так.

– Что с вами? – спросила Ирина.

– А что со мной? – удивился я.

– У вас лицо просветлело, – сказала она. – Правда.

– Они хотят отнять у меня «Мы», – сказал я. – Пусть забирают.

– Как?! – изумилась она.

– А вот так, – ответил я. – Очень просто. Да и какая разница, кому принадлежит Сеть, если она работает? Какая разница, откуда у Карины деньги и здоровье, если они у нее есть?

– А вы? – спросила она по-прежнему изумленно.

– А что я? – ответил я. – Помните, что Холмс ответил миссис Хадсон, когда она спросила, что же достанется ему после того, как Ватсон получил жену, а Лестрейд – славу, в результате блестящего расследования Холмса?

– Помню, – ответила она, и в ее голосе прозвучала тревога. – Надеюсь, вы это несерьезно?

– Конечно, нет, – ответил я. – Кокаин не для меня. Знаете что? Я просто уеду куда-нибудь подальше. На Дальний Восток, там сейчас создают мощные кластеры инноваций, думаю, им программист моего класса будет нелишним. Здесь есть кофе?

– На этаже автомат, – сказала она и, когда я поднялся на ноги, добавила: – Пойдите!

– Да я только за кофе, – начал было я.

Она тоже встала и сказала:

– Я пойду с вами.

По крайней мере, мне так показалось. Я пожал плечами:

– Тоже кофе захотелось? Иногда я даже жалею, что не пью спиртного, приходится довольствоваться кофе.

– Вы не поняли, – сказала Ирина. – Если вы оставите все, если уедете на Дальний Восток, в Патагонию или на остров Пасхи – я отправлюсь с вами.

Я удивленно посмотрел на нее, не в силах сказать ни слова.

– Знаете, Сережа, – сказала она, глядя мне прямо в глаза. У нее были такие же глаза, как у Карины, но радужка отличалась целой россыпью

темных пятнышек, – мне надоело притворяться. Если тебя считают хуже, чем ты есть, и оправдаться невозможно, надо оправдывать ожидания тех, кто так считает. Если вы пострадали незаслуженно, надо вернуться и заслужить!

Я молчал. Мне надо было возражать, а я, раздери меня Ктулху, молчал как воды в рот набрал. Потому что она была права. Если тебя ударили по правой щеке – стоит подставить левую, но если после этого тебе дали по левой – надо уже под дых бить. Так говорил в свое время мой ротный старшина, окончивший восемь классов со справкой, но, мать его, он был прав!

– Сережа, – может быть, и даже наверняка, Ирина как-то по-другому воспринимала мое молчание, – я все понимаю. Я знаю, что вы любите Карину. Я не буду ждать каких-то отношений, тем более любви. Я просто хочу быть рядом с вами.

– Почему? – спросил я. – Ира, я отдаю другим дело всей своей жизни. Я вложил в «Мы» весь свой потенциал. Наверняка ничего подобного я никогда больше не сделаю...

– Сделаете, – улыбнулась Ирина. – Я в вас верю. Грех так говорить, но все-таки Каришка глупая – в погоне за серебром упустила золото. Поймите же, не важно, получится у вас что-то такое же глобальное, как «Мы», или нет. Вы можете всю свою жизнь работать неприметным сисадмином какой-то конторы, не в этом дело совсем. Вы гениальный программист, но главное ваше богатство вот здесь. – И она положила руку мне на грудь. Я чувствовал теплоту ее ладони через пиджак и рубаху. По крайней мере, мне казалось, что чувствовал...

– Вы восхищались моей любовью, моей верностью, – сказал я, чувствуя уже третий раз за день, как обрушиваюсь в бездну. Но теперь я узнал одну тайну – падая в бездну, можно научиться летать! – Но если я сам все это разрушу? Прямо сейчас? Одним движением?

– А вы сможете? – спросила она тихо, опустив глаза. Вместо ответа я шагнул ей навстречу, обнял ее и притянул к себе.

Это было неправильно. И некрасиво. Это представлялось просто ужасно, словно плюнуть на чью-то могилу. Но...

Мои губы нашли ее губы, приоткрытые навстречу моим...

Через минуту она посмотрела мне в глаза и сказала:

– Ничего у вас не получилось, Сережа. Так вы мое восхищение точно не разрушите. Придумайте что-нибудь другое.

– Я лучше продолжу то, что начал, – сказал я и вновь привлек ее к себе.

В гостинице, по проекту, на последнем этаже располагался свой собственный ресторан, но он не работал. Тем не менее у нас имелись от него ключи, и, чтобы поесть, мы отправились туда.

Свет в зале мы не включали, просто выбрали столик у окна. Отопление работало, и в зале было тепло. За окном разворачивалась величественная панорама: прямо под нами простирался заснеженный лес, за ним – Троицк с Калужским шоссе, а на горизонте – золотая нить московских огней. Вид поразительно напоминал открывающийся из моих окон, только был развернут на сто восемьдесят градусов.

Ресторан, откуда нам привезли блюда, оказался довольно приличным. Кормили в нем непритязательной пищей, зато вкусно и сытно: хорошо прожаренный стейк, жареная картошка с кусочками колбасы, салат – внезапно в нас с Ирой проснулся недюжинный аппетит.

Не сговариваясь, мы решили не обсуждать сложившуюся ситуацию и говорили на отвлеченные темы – о Дальнем Востоке, Китае и Японии, о том, как мало мы знаем об этих странах, обладающих богатейшей историей и культурой. О Латинской Америке и Африке – мы путешествовали вокруг света, не выходя из ресторана. Я отметил еще одну вещь – с Ириной было не скучно просто говорить. С Кариной мы так никогда не общались, наши беседы сводились либо к предельно конкретным и приземленным темам, либо касались наших отношений, прежде всего интимных. С Ирой было не так. С ней было интересно.

Еще накануне подобный вывод поверг бы меня в шок, и я занялся бы привычным самобичеванием, но сейчас все изменилось. Я устал повергаться в шок. Я устал соблюдать правила. Я устал выгонять себя вон. Сорвал галстук. Если нет разницы – зачем доводить себя рефлексией? У меня и так много врагов, чтобы эмулировать еще одного в собственной душе.

Кстати, о врагах. Именно в ходе этих размышлений меня посетила догадка, что ко всему случившемуся могла быть как-то причастна Ксюшенька. Не она ли намутила воду? Эту версию стоило проверить, и если это она... Ксюшенька давно нарывалась, и перед моим отъездом я обязательно с ней разберусь.

Еще перед тем, как отправиться в ресторан, я запустил в Сети программу обязательного оповещения. Она высылала сообщения всем зарегистрированным пользователям, в том числе тем, кто уже аннулировал

регистрацию, – по тем электронным координатам, которые они оставляли при регистрации. В сообщении я писал, что принял к сведению поставленный мне ультиматум, и ради того, чтобы «Мы» развивалась, готов передать принадлежащие мне акции Сети Карине лично. Я должен провести консультации с другими собственниками, после чего, через несколько дней, устрою виртуальную конференцию в Сети, в ходе которой и состоится передача акций.

Результаты моих действий не замедлили сказаться. Когда мы с Ирой поднимались в ресторан, позвонил Артем Викторович.

– Я вижу, котировки падать перестали, – сказал он. – И даже ползут вверх. Ты постарался?

Я сверился с коммуникатором. Да, судя по графикам, в Сеть стали массово возвращаться подписчики. Более половины ранее закрытых страниц возобновило деятельность. Сработало.

Эх, пропадай, моя сеточка... надо будет все по максимуму автоматизировать, нанять пару толковых ребят для администрирования. Если я с этим справлялся один, думаю, им тоже не составит труда...

– Вроде того, – подтвердил я.

– Хорошо, – сказал Артем Викторович. – Я тут тоже не бездельничаю, работаю над этой коллизией. Готовься к нелегкому разговору, герой-любownik. Может, и сохранишь свою бестолковку в рабочем состоянии.

– Сохраню что? – не понял я.

– Голову на плечах, – фыркнул Артем Викторович – и отключился. Любит театральные эффекты.

Но я сразу же выбросил все это из головы, едва мы оказались в будущем ресторане. Для каждого дня достаточно своих тревог. До восьми оставалось шесть часов.

– Вы поедете на эту встречу? – встревожилась Ира.

– Конечно, поеду, – сказал я. – Кстати, не хотите перейти на ты?

– Давайте не сейчас. – Она опять засмузилась. – Я еще не готова... я волнуюсь.

– Почему? – спросил я.

– Я же слышала ваши переговоры, – сказала она. – И мне кажется, что это очень опасные люди!

– Иногда те, кто кажется опасным, более безопасны, чем те, кто кажется безобидным, – сказал я. – От волка ждешь неприятностей, а от милого котенка – нет, а опасность, застигшая врасплох, намного хуже, чем та, которую ожидаешь.

И тем не менее я понимал, что она права. Артем Викторович и его

поделщик со странным именем Феофан заработали свои немалые капиталы в девяностых, а в девяностые бизнес был, скажем так, очень специфическим, и у каждого бизнесмена родом из девяностых наверняка есть собственное болотце, на дне которого покоятся тазики с бетоном, и не только. Но я не боялся. Чего мне бояться? Я отдам свою часть «Мы», успокою своих юзеров, котировки акций вернутся на место, может, и подрастут на этой волне. В конце концов, произошедший скандал – великолепный инфоповод, да и сам факт того, что «Мы» прошла такую проверку на прочность, тоже стоит дорого...

В этом мне и предстояло убедить Артема Викторовича. Ничего, сумею убедить. Не святые горшки лепят, ей-богу...

* * *

Мы доели, оставили посуду на столе, как ранее договорились, и спустились к себе. Было около трех ночи.

– Вам надо поспать, – сказал я Ире. – Сегодня был тяжелый день, вы вымотались. Да и завтра тоже могут быть нервотрепки.

– Хорошо, – сказала она сонно. – А вы не могли бы посидеть со мной, пока я засну? Просто посидеть?

– Почему бы нет? – согласился я. Вообще-то, по-хорошему, мне тоже следовало бы поспать, но я не чувствовал ни малейшей сонливости. Я был взвинчен; пусть пройдет завтрашний день, пусть все, так или иначе, решится – потом можно будет и отдохнуть.

Я посидел в кресле у Иры в комнате. Заснула она довольно быстро, и я решил навестить академика. Пока еще есть время. Я надеялся, что у него будут хорошие новости.

Я хотел, чтобы Карина поскорее избавилась от своей болезни. Теперь уже по совсем другой причине. Я твердо решил расстаться с ней, но не мог бросить ее беспомощной и больной. Даже если она сама отказалась от моей помощи.

В лабораторном корпусе горело только несколько окон, причем подряд, так что В. в его лаборатории я нашел быстро. Честное слово – будто на борт «Дискавери» попал: лаборатория В. выглядела так, словно ее вытащили из фантастического высокобюджетного блокбастера. Сам В. сидел за терминалом, перед девятью включенными мониторами одновременно, и переводил взгляд с одного монитора на другой, иногда даже проводя пальцем по строке текста и время от времени делая пометки в

блокноте.

– Не помешаю? – спросил я. – Хотите кофе?

– Какой там кофе, – отмахнулся профессор. – Я зашел в тупик. В такой тупик, в который раньше никогда не попадал. Мне кажется, что я сошел с ума.

– В чем проблема? – спросил я. – Может, я могу помочь? Я в этом не разбираюсь, но иногда взгляд со стороны...

– Хорошая новость состоит в том, что Ирине рак определенно не грозит, – перебил меня В. – Ни малейших меток, указывающих на то, что образование опухоли хотя бы возможно. И это при том, что она унаследовала от отца его генетическую особенность. У нее ярко выраженная бихроматика волосяного покрова. Она одновременно шатенка и рыжая. Не рыжеватая шатенка, а шатенка и рыжая одновременно.

– Как и Карина, – подтвердил я. – Я замечал у нее рыжину в основном в ресницах.

– У Ирины? – уточнил профессор. – Или у Карины?

– У обеих, – пожал плечами я. – У Ирины это просто более заметно, но и у Карины среди русских волосков появлялись рыжие.

– Тогда я вообще ничего не понимаю. – В. махнул рукой, едва не опрокинув один из мониторов. – Согласно тем данным, что вы мне предоставили, Карина **вообще не унаследовала** бихроматизм. Но и это еще не все...

– А что еще? – насторожился я.

– Я сверил их генокод, – устало сказал В. – В общем, мой вывод такой: Карина и Ирина не только не могут быть близнецами. Они вообще не сестры.

– Разная мать? – уточнил я. – Или разный отец?

– И то, и другое, – ответил доктор. – Это генокоды абсолютно чужих друг другу людей. Вероятность того, что они родственники, – меньше шестой части процента.

Нет-нет, земля из-под ног у меня не уходила, не подумайте. Устала, наверно, бедная, с утра только тем и занималась.

– Может, доктор дал мне анализы не того человека? – спросил я. – По ошибке?

– И данные по терапии тоже? – спросил академик. – Данные по терапии относятся к тому же лицу, что и результаты анализа. И в сопроводительных документах четким по белому написано: Логинова Карина. Ошибка исключена.

Какая-то догадка на миг вспыхнула у меня в голове. Мне даже

показалось, что я все понял. Что последний пазл встал на свое место в картинке, и осталось лишь окинуть взглядом ее всю, чтобы понять...

Но мне не дали – как раз в это время зазвонил телефон.

Глава 5

Прилетит вдруг волшебник...

– Прячешься? – Похоже, Артем Викторович по телефону никогда не здоровается.

– С чего вы взяли? – спросил я.

– А что в Троицке делаешь, ты ж вроде живешь по другую сторону Москвы-реки? – Интересно, откуда он знает? Не про то, где я живу, это в регистрационных документах компании написано, а про то, где я сейчас?

– Я подписку о невыезде не давал, – парировал я. – В больнице я. По личным делам.

В принципе, онкоцентр – не больница, но это детали.

– Приболел? – А голос Артем Викторовича определенно повеселел. – А... понятно, прости. Ладно, тут такое дело – сегодня из Пулково в Москву ничего не летает, для них сейчас погода нелетная, в Питере буран. Так что я решил добираться на своих... в общем, я сейчас неподалеку, ты уже освободился?

– Неподалеку – это где? – уточнил я, прикидывая, чем еще, кроме самолета, можно было так быстро добраться из Питера в Москву. Телепортом?

– Конкретно сейчас – метрах в двухстах над тобой, если спутник не лагает, – хохотнул Артем Викторович. – Я так понял, ты в этом большом здании, где окна светятся?

– Ага. – Откровенно говоря, у меня глаза на лоб полезли. Метрах в двухстах надо мной? В воздухе, что ли?

– Тут охрана какая-то есть? – спросил Артем Викторович. Я спросил об этом у В., привычно переключившись на громкую связь.

– Охрана на периметре, – сообщил тот абсолютно хладнокровно (мне бы такую выдержку), – вы собираетесь нас грабить?

– Да боже меня упаси, – заверил его Артем Викторович. – Разве что похищу у вас вашего пациента. Возможно, потом даже и верну.

В. недоуменно посмотрел на меня. Я кивнул.

– Вообще-то, я не совсем пациент, – пояснил я для Артема Викторовича. – Так что похищайте на здоровье.

– Я сообщу охране, чтобы вас пропустили, – сказал тем временем В.

– Сообщите, чтобы не препятствовали, так точнее будет. А ты, Сергей, выходи на крыльцо. Да оденься потеплее, нам долгая прогулка предстоит, а

на улице мороз.

Решив ничему не удивляться, я спустился в фойе, еще из него заприметив в скудно освещенном дворе странную массивную тень. Что это такое, я понял, лишь когда вышел на крыльцо: между центром и гостиницей разместился большой черный вертолет в белых полосах наледи на бортах и лопастях. У вертолета стоял Артем Викторович. В бекеше и ушанке он напоминал комиссара из фильма про Сталинградскую битву.

– А у вас тут даже теплее, чем в Питере, – сказал он, раскрывая дверь в кабину вертолета. – А еще говорят, климат резко континентальный. А одеты, между прочим, паршиво – куртка болоньевая явно не для зимы.

– Она теплая, – огрызнулся я, забираясь в кабину вертолета с таким видом, будто делал это каждый день. Артем Викторович обошел капот, или как он у вертолета называется, протер рукавом стекла и забрался в кабину со своей стороны.

– Пристегнись, – велел он, – в вертолете это лишним не будет, это в машине можно ездить как попало...

Пока он все это произносил, вертолет плавно поднялся в воздух, взметая вокруг себя вихри снежинок, чуть развернулся, так что золотая каемка московских огней оказалась прямо по курсу, и мы полетели.

Несмотря на всю сложность моей ситуации, я был очарован этим полетом. Позади нас серело предрассветное снежное небо; впереди, словно рукотворный рассвет, золотилась огнями моя любимая Москва. Она постепенно, но очень быстро вырастала перед нами, распускалась линиями трасс, по которым деловито мчались, несмотря на непогоду, вечные труженики – грузовики, она переливалась неонов рекламой и тусклым золотом фонарей...

Мой спутник, казалось, не обращал на это ни малейшего внимания. Может, привык, а может – сильно занят был: ему то и дело приходилось нажимать какие-то кнопки на панели, а время от времени – то снижаться, то подниматься, следуя каким-то неведомым мне правилам воздушного движения...

Мы огибали Москву с запада, двигаясь на север, и я сначала подумал даже, что Артем Викторович решил отвезти меня домой. Но это было не так – не долетая до моего дома, он снизился над парком, где я когда-то пил пиво с Матвеем. Вскоре движение вертолета вперед замедлилось, потом совсем остановилось, и мы начали спускаться.

Мы приземлились на вершине холма. Холмом, судя по следам лыж, пользовались любители спуститься с горки, имелся даже какой-то примитивный подъемник, но сейчас, по раннему часу, на вершине не было

ни души. Заглушив двигатели, Артем Викторович выпрыгнул из вертолета; я хотел последовать его примеру, но забыл, что пристегнут. Пока я боролся с ремнем безопасности, мой спутник успел открыть мне дверь кабины. Я неуклюже спустился и встал возле вертолета. Вдалеке передо мной, скованная льдом, несла свои воды Москва; до нее было около полутора километров или больше – у меня всегда было плохо с глазомером.

– Знатные места, – сказал Артем Викторович. – Вот там, за деревьями, когда-то располагался очень хороший ресторан, его знали и любили бандиты со всей Москвы. А вон та кафешка у подножия видела разборок больше, чем любитель бандитских сериалов с начала перестройки. Удобные места – множество оврагов, куда люди не заходят годами; брошенные и забытые погреба – здесь село когда-то находилось, потом его снесли. Да и речка рядом, сам понимаешь... Так что ты хотел мне рассказать?

Мне не десять лет, и намеки Артема Викторовича я прекрасно понимал, но отчего-то мне казалось, что он это не всерьез. Должно быть, наш мозг всегда старается избегать осознания опасности. Во всяком случае, мне было не страшно. Как будто я смотрю как раз один из тех фильмов про жизнь бандитов девяностых.

Я рассказал ему все, что знал, – просто выложил ему все, немного путано, как есть. Он слушал внимательно. Где-то посередине диалога достал из бекеши трубку и закурил. Я, в свою очередь, достал сигареты и последовал его примеру. Он не возражал.

– И что ты планируешь делать? – спросил он. – Вижу, какой-то план у тебя есть, уж больно ты спокоен перед лицом всех этих. – Он сделал круговое движение трубкой, словно пытаясь показать мне обступавших нас со всех сторон невидимых «этих».

– Я передам Карине мой пакет акций «Мы», – пожал плечами я. – Этим я убью сразу трех зайцев...

– Тьфу, дурак, – перебил меня Артем Викторович. – Прости, погорячился. Не дурак. Лошок.

– Почему? – удивился я. – Если Карина получит акции и об этом узнают в Сети, бегство совсем прекратится. Ваш пакет будет в безопасности, и вы будете даже с прибылью...

– А ты останешься без акций, – сказал Артем Викторович. А мы, – я так и не понял, имел ли он в виду «Мы» или свою компанию, – без администратора. Так?

– Я постараюсь настроить Сеть так, чтобы с ней мог работать любой ламер, – неуверенно сказал я. – И сам подыщу...

– Мозги у себя в голове подыщи, – фыркнул Артем Викторович. – Чувак, тебя банально берут на понт. Знаешь, как это?

Я неуверенно кивнул.

– Ни хрена ты не знаешь! – резюмировал Артем Викторович. – Ролик их – фуфло на постном масле, монтажка.

– Какой ролик? – удивился я.

– Так ты даже не знаешь, с чего весь сыр-бор разгорелся? – уставился на меня Артем Викторович. – Чувак, а ты ложку-то сам до рта доносишь или за тебя это тоже компьютер делает?

Он залез себе за пазуху и вытащил оттуда планшет. Включил его, поковырялся, потом протянул мне:

– Смотри и наслаждайся.

На экране были мы с Ирой. Снимали нас так, что складывалось впечатление, будто я ее обнимаю. Диалог тоже получился примечательный.

– Если вы мне предложите, – говорила Ирина, – я бы все отдала за то, чтобы вы любили меня!

Мой ответ... я подумал, что понимаю реакцию Карины. Трудно было представить что-то более циничное.

– Мы должны продолжать бороться, – сказал я. – Умрет Карина – будет у вас такая любовь, какую вы себе желаете! Давайте поддержим друг друга, ведь у нас есть то, что нас объединяет, – наша любовь!

Я не удержался и сел – прямо в сугроб. У меня буквально ноги подкосились.

– Я такого не говорил! – прошептал я. – Я такого не мог даже подумать, не то что сказать!

– Я знаю. – Артем Викторович подошел ко мне и поднял меня на ноги. – Ролик – липа. Монтаж, но очень хороший, грамотный монтаж, без экспертизы не докажешь. Специалист может увидеть несоответствия в движениях, но они картинку очень хорошо подогнали, а вы стояли, как назло, как два истукана. Жаль, что вы не итальянцы с их жестикуляцией, им было бы гораздо труднее склепать дезу.

Он вытряхнул трубку прямо на снег:

– Они рассчитывают на силу эмоций и дефицит времени. Чтобы доказать свою невиновность, тебе нужно время. Тебе нужно время даже для того, чтобы добиться, чтобы тебя выслушали. А они разогревают «электорат» против тебя, и он тебе этого времени не дает. Так поджигают села – с нескольких сторон. Так делают революции вроде «арабской весны» – несколько как бы независимых профессиональных горлопанов раскручивают толпу, давя на эмоции, и толпа сносит режим, не думая о

том, кто придет ему на смену.

– Как она могла... – Но я думал только о Карине. Я понимал, что она должна была чувствовать, увидев, а главное, услышав **это**. Но все равно... – ... как она могла поверить в **такое**?

– Эх, – крикнул Артем Викторович. – Прав был товарищ Брыль: что влюбленный, что сумасшедший, с точки зрения науки – одно и то же. Да этот ролик не для нее делали. Она, может, и вовсе его не видела. А может – сама участвовала в его создании.

Я недоуменно уставился на юриста. В каком это смысле?

* * *

– Что тебе кажется странным в этом ролике? – спросил Артем Викторович.

– Кроме того, что я ничего подобного не говорил? – уточнил я.

– Фразы нарезаны из вашего разговора, – ответил Артем Викторович. – Скорее всего, изначально они были прямо противоположны по смыслу. Не это. Откуда взялся материал для ролика?

– Мы с Ирой разговаривали в подъезде. – Я прикинул ракурс, с которого велась съемка. Получалось, что оператор висел за витражным окном на уровне второго-третьего этажа. Дрон? Вполне возможно, но почему такая хорошая слышимость?

– Мы сразу не поняли, на ком из вас микрофон, – словно читая мои мысли, сказал Артем Викторович. – Пришлось проверять. Слава богу, начальник охраны твоего жилкомплекса – наш человек, иначе ты и носа на улицу не высунул бы, не наткнувшись на твоих фанатов. Ну и таксиста мы своего прислали, с дизскремблером. Это штука такая, противоподслушивающий монитор. Жучок на сумочке Иры.

– Ничего себе, – сказал я. – Дроны, жучки, дизскремблеры... я не в шпионский детектив попал?

– Ты попал во взрослую жизнь, – сухо сказал Артем Викторович. – Настоящую, а не нарисованную. Люди завидуют тем, у кого есть деньги, власть, положение в обществе – но кто из завидующих знает, что это такое? Большие деньги – всегда соблазн. Искушение. Деньги притягивают к себе тех, кто хочет их заполучить, не прилагая к этому особых усилий, нечестно. Деньги привлекают подлецов как мед мух...

Он опять достал трубку и кисет:

– Стар я стал, на философию потянуло. Так вот на тебя свалились по-

настоящему большие деньги. Оставим за кадром то, что ты честно их заработал своей головой. По мнению **некоторых** людей, ты ими владеешь незаконно...

– Почему? – удивился я.

– Потому, что «не знаешь им цену», – пояснил Артем Викторович. – Ты слишком легко к ним относишься, не дрожишь над ними, как иудина осина. А еще ты слишком веришь в человеческую порядочность. А с точки зрения подлеца, самый страшный грех – это доверие.

Операция против тебя готовилась не день, не месяц, не год. Точнее говоря, ты стал мишенью в августе прошлого года, но сама операция была задумана намного раньше. Дальше я буду излагать только факты. Тебе придется верить мне на слово – если бы у меня были доказательства, которые можно предъявить в суде, там бы я их и предъявлял. Доказательства найти можно, но для нас, повторяю, важен фактор времени. Его у нас нет вообще. Даже этот липовый ролик можно отдать на экспертизу, и через месяц мы получим вывод о том, что это фальшивка, но за то время сеть «Мы» загнется – и это будет пиррова победа. Потому мы будем действовать их же методами, а пока слушай.

* * *

– О том что Карина и Ксюшенька – подруги, ты, наверно, уже знаешь. Биллинг показывает, что они регулярно созванивались, даже тогда, когда все были уверены, что они в ссоре. Другое открытие будет для тебя болезненным: Василий Владимирович – любовник Карины, и любовник со стажем. Более того, сама Карина, а также Ксюшенька и Василий Владимирович – соучредители «Гекаты».

– Но... – сказал я.

– Но это нам ничего не дает, кроме объяснения, почему Карина выбрала именно эту клинику для «лечения», – перебил меня Артем Викторович. – У нас нет доказательств злого умысла. Они берут нас на понт со своим роликом, нам придется взять на понт их.

Он затаился и выпустил дым:

– Вот если бы доказать, что Карина не больна... я в этом уверен. Слишком уж вовремя она «заболела». Не раньше, не позже...

– Стоп! – сказал я. – Помните, откуда вы меня забрали?

– Из онкоцентра, – сказал Артем Викторович. – Все пытаешься найти для нее панацею, да?

– Отчасти да, – признался я. – Но вот что интересно...

И я выложил ему все то, что узнал от В. Наконец-то я смог пробить броню его превосходства и опытности! Артем Викторович был по-настоящему удивлен.

– А ты парень – не промах! – сказал он. – Ох, недаром говорил отец Тихон, Царство ему Небесное: всяк подлец найдет свой конец! Ну, какие жуки!

– В смысле? – спросил я.

– Последний кирпичик в нашу стену: и диагноз, и терапевтический отчет – липа. Взяты от другого человека. Но опять-таки – с этим в суд не пойдешь: врачебная тайна, то-се.

– Так что же, ничего нельзя сделать? – спросил я напрямик.

– Почему нельзя? – удивился Артем Викторович. – Есть у меня один план. Я тебе дам хитрую аппаратуру, пойдешь на встречу с Кариной под предлогом договориться о передаче акций. Думаю, она тебе сама все выложит, а мы это дело запишем.

– Не выйдет, – сказал я.

– Почему? – удивился Артем Викторович.

– А потому, что дизскремблеры есть не только у вас, – ответил я. – Этого добра в Митино как грязи. И если она станет говорить, то лишь при одном условии – если будет точно уверена, что ее не пишут.

При этом я подумал, что как-то быстро поверил в виновность Карины. Но это прекрасно все объясняло, а главное, при этом оказывалось, что она абсолютно здорова!

А я – несмотря ни на что – до сих пор хотел, чтобы она была здорова. Чтобы у нее не было рака. Даже если она действительно во всем этом виновата.

Впрочем, если она на таких условиях согласится со мной встретиться – это уже может свидетельствовать о том, что она виновата... хм...

– У меня есть план, – выпалил я.

– И какой же? – спросил Артем Викторович.

– Дизскремблеры, – сказал я, – нарушают процесс записи разговора и/или передачи его по радиоканалу. Однако дизскремблер не может нарушить трансляцию разговора в Сеть. Все просто – я скажу, чтобы Карина приехала к нам домой, чтобы договориться со мной про передачу акций. Если она отказывается – сделка не состоится. Я не буду показываться дома до тех пор, пока она не придет. Наверняка они сначала пустят своего человека проверить квартиру. Пусть проверяет. У меня есть несколько устройств, постоянно включенных в сеть. В нужное время эти устройства

будут активированы для передачи информации. Все, что она скажет, я запишу и разошлю всем участникам «Мы». Шах и мат?

– Похоже на то. – Артем Викторович задумчиво потер подбородок. – Разве что они вырубят свет во всем подъезде... тогда все отключится.

– Я вас умоляю, у меня на щитке смонтирован источник бесперебойного питания, – улыбнулся я.

– А если она захочет говорить в ванной, например? – сказал Артем Викторович. – При включенной воде?

– Артем Викторович, у каждого уважающего себя программиста в ванной, и даже, простите, в туалете, лежит дежурный планшет, – сказал я. – С заряженными аккумуляторами и доступом в Интернет. Роутер у меня спутниковый, с собственной частотой, чтобы его положить, нужна техника вроде «Красухи»^[14]. Так что не извольте беспокоиться.

– Ох, не зря же на Западе так боятся русских хакеров, – хохотнул Артем Викторович.

– Да какой из меня хакер? – отмахнулся я.

* * *

В Троицк я вернулся к одиннадцати. Ира буквально вылетела из фойе гостиницы, едва наш вертолет приземлился. С Артемом Викторовичем мы попрощались на борту, так что он улетел сразу, как только высадил меня.

– Вы вернулись! – обрадовалась Ирина.

– А вы сомневались? – спросил я. – Конечно, вернулся.

Сумочка, к сожалению, была при ней, потому свободно говорить я не мог.

– Вы уже виделись с В.? – спросил я. На самом деле я знал, что не виделась – Артем Викторович позвонил профессору и попросил ничего не рассказывать Ирине.

– Видите ли, профессор, – сказал он. – Сергей Юрьевич и Ирина стали объектами шантажа. Есть вероятность того, что ваша информация может попасть не в те руки. Или не в те уши.

– А вы уверены, что линия профессора не прослушивается? – спросил я.

– Прослушивать государственную линию связи – дорогое удовольствие, – ответил он. – Они могли устроить прослушивание вашего мобильного, мобильного Ирины, но для телефона профессора у них кишка тонка. В любом случае приходится идти на риск.

– Нет еще, – сказала Ирина. – Он всю ночь работал, сейчас отдыхает. Но просил его дождаться. Какие у вас новости?

– Хорошая новость – я жив, – сказал я. – Мой напарник согласился с тем, что передать акции Карине будет самым разумным. Так что с их стороны мне ничего не угрожает. Теперь буду договариваться о передаче. Эх...

Я подмигнул Ирине:

– И остался я гол как сокол. Ну и ладно. Легко пришло, легко ушло.

Легко? Я вспомнил, как работал над «Мы». Программа рождалась в муках, на нее был потрачен огромный труд. Наверно, мне было бы трудно с ней так просто расстаться... или нет?

Зайдя в нашу комнату, я нашел блокнот и ручку и написал на листочке: «Нас могут подслушивать. В вашей сумочке жучок».

Надо отдать должное Ирине – она восприняла мою записку совершенно спокойно.

– Знаете, а ведь я давно уже так живу. Не хотела вам говорить... когда мама оформляла завещание, все отписала Карине. Дескать, я и так устроилась, работаю в Штатах, а Карина всё работу не может найти.

«Кто мог подбросить мне жучок? Я сумочку из рук не выпускаю...» – написала она. У нее был красивый почерк. Такой же, как у Карины, но аккуратнее и какой-то более мягкий.

Я пожал плечами и сказал:

– Да и я к такому привычный... знаете, раз уж я решил уезжать, квартиру я тоже оставляю Карине. Она ей нужнее.

– Сережа, вы такой благородный человек! – восхитилась Ира, тем временем дописав в блокноте:

«Мне Карина подарила брелок на телефон, но я его к молнии на внутреннем кармане прикрепила. Не думаете же вы?..»

Я кивнул, потом подмигнул и сказал:

– В конце концов, я ведь до сих пор ее люблю, при чем здесь благородство?

«Знаете, я не удивлена», – дописала Ирина и добавила еще одно слово, приводить которое я не буду. Скажу только, что оно прекрасно характеризует ту Карину, о существовании которой я узнал только сегодня. Потому я кивнул.

К нам в дверь постучали. Мы открыли, и в номер вошла сотрудница онкоцентра.

– Профессор В. просит вас, Ирина, подойти к нему. Ему надо сказать вам что-то важное.

Что профессор скажет Ирине (на микрофон), я тоже знал. Мы придумали это вместе с Артемом Викторовичем. Профессор скажет, что генетический признак, отвечающий за предрасположенность к раку, Ирине не передался, а, значит, по закону Менделя полностью передался Карине, что и доказала ее болезнь. Забегая вперед, скажу, что наш расчет оказался верен: напуганная этой информацией, Карина попросила своего любовника проверить ее на онкомаркеры немедленно. Так мы немного отвлекли их внимание и поиграли на нервах. Но об этом позже.

Часть 5

Ветер перемен

Мы сидели в неприметном автомобиле с выключенным маячком такси. Несмотря на то что зима вступила в свои права и на улице стоял двенадцатиградусный мороз, в салоне «Лады Ларгус» было тепло. Даже странно, что теперь такие удобные и комфортные машины пусть и по лицензии, но выпускают у нас.

В салоне было накурено – Артем Викторович пыхтел своей трубкой, я добавлял чаду сигаретами. Я, пока мог себе это позволить, заметно нервничал, мой старший товарищ излучал спокойствие, как мудрый удав Каа.

– Вот они, – наконец сказал он, указывая на остановившийся у шлагбаума белый микроавтобус с красной полосой. На борту микроавтобуса, пересекая полосу, была изображена рассыпающая шутихи фея в красном платье и красном колпаке – по-видимому, местная реинкарнация «Гекаты».

Артем Викторович фыркнул. Я включил планшетный компьютер и запустил программу.

Мне удалось не только настроить запись разговора – я даже сумел сделать видеонаблюдение в гостиной и спальне. Конечно, Карина может выбрать для разговора любую комнату... в любом случае мы ее услышим. Надеюсь.

Пока я колдовал с компьютером, Артем Викторович завел двигатель, но трогаться не спешил. Через несколько минут мы услышали первые звуки из дотолы тихой квартиры. Скрипнула дверь, и послышались голоса – слышимость была прекрасная.

– Погоди, я сейчас все здесь проверю, – говорил Василий Владимирович. – Чтоб, не дай боже, не стояло никаких жучков.

– Ты же сказал, что они на квартире не появлялись? – А это уже Карина, причем с интонациями Снежной королевы – и куда подевался Золушкин голосочек?

– Береженого и бог бережет, – сказал доктор, появляясь в поле зрения камеры в гостиной. Я замер – не обнаружит ли он мою слежку? В руках доктор держал прибор, похожий на дозиметры из кинохроники про аварию на ЧАЭС.

Артем Викторович хрюкнул:

– Блин... знать бы заранее, что у него такая рухлядь вместо дизскремблера, я бы всю квартиру нафаршировал... с этим драндулетом он и Полония за шторой не найдет.

– При чем здесь полоний? – не понял я.

– Эх, молодежь, иногда и книги надо читать, не только на пабликах умничать, – беззлобно поддел меня Артем Викторович, – перечитай-ка «Гамлета» на досуге. Ну как, пишет твоя балалайка?

– Пишет как миленькая, – ответил я. – И в облако сразу заливает. Как закончим разговор, нажмите вот сюда. – Я показал на собственноручно сгенерированную на панели пиктограммку в виде фиги. Артем Викторович вновь хохотнул.

Тем временем Карина уселась в кресло, на котором мою лысую бошку обрабатывала ее сестра, и сказала:

– Слава богу, скоро этот цирк закончится. Как уже заманала эта диета, сил моих больше нет... Хочу кьянти и большой кусок мяса с кровью!

– Будет, – щедро пообещал Василий Владимирович. – Тебе потом жрать будет не просто можно, но нужно – надо ж разыграть для лохов «чудесное исцеление нанопрепаратами Скорнякова».

– А трахаться? – игриво спросила Карина.

Доктор, время от времени пропадавший, вернулся в кадр и, очевидно, выключил свой аппарат.

– Все чисто... а как же, милая, отжарю тебя так, встать не сможешь. – И он игриво чмокнул Каришу в губы. Я скрипнул зубами.

– Жду не дождусь, – проворковала женщина, которой я предлагал выйти за себя замуж. – Минет, конечно, штука хорошая, но мне его определенно мало.

– Давай раздай своего Ваньку-встаньку на бабло, и мы с тобой так отметим – мама не горюй, – пообещал горе-эскулап и опять присосался к Карине. Мне стало противно.

– Ты точно не хочешь, чтобы я остался? – прошептал он, но моя аппаратура расслышала и записала.

– Хочу, – так же тихо, но без малейших Золушкиных интонаций сказала она. – Но на фиг палить контору?

– Тогда я пойду, чтобы он меня здесь не просек, а то мало ли что, – сказал Василий Владимирович, выпрямляясь.

– Лети, голубок, – ответила Карина, откидываясь в кресле. Похоже, для разговора она выбрала его.

Тем лучше.

Я отпер дверь своим ключом и вошел. Карина по-прежнему сидела все в том же кресле.

– Прости, что не встаю, – с издевкой сказала она, не оборачиваясь. – Я, знаешь ли, больна. Мне и сюда доехать было...

– Карина, – сказал я. – Может, хватит играть? Я все знаю.

– И что ж ты знаешь? – Ее голос остался тихим, но теперь в нем появились какие-то неприятные, змеиные интонации. – Но, главное, что ты со своим знанием делать будешь?

Я пожал плечами:

– Ничего. Признаю, я проиграл. Завтра мы встретимся у нотариуса, любого, которого ты назовешь. Только учти – у него должна быть лицензия от регистратора ценных бумаг.

– Не учи ученого, – хмыкнула Карина.

– Я хочу подарить тебе эту квартиру, – сказал я. – Ты можешь мне не верить, но я до сих пор тебя люблю.

Эти слова дались мне труднее всего. От любви до ненависти – один шаг, это правда, но этот шаг – по раскаленному железу. И я его сделал, но ожоги болели до сих пор.

– Это после того, как ты с Иришкой зажимался? – ехидно спросила Карина.

– Между нами ничего не было, – сказал я (пиши, камера, пиши, родная). – Ты же знаешь, что ролик смонтирован.

Кариша, прищурившись, посмотрела на меня и сказала:

– Ага, знаю. Сама помогала монтировать...

Она поджала губы:

– Хочешь узнать, что я об этом думаю? Мне противно. Ты мне противен. Да лучше бы ты Иришку отодрал так, чтоб она пищала! Это я бы поняла. Но эти интеллигентские «мы должны продолжать бороться со своими чувствами», «вы найдете себе кого-то получше»... тьфу! Да настоящий мужик схватил бы ее в охапку, и...

– А как же ты? – удивился я. – Ведь тебе же от этого стало бы плохо!

– Да какая разница? – ответила она. – Неужели тебе не начхать? Всем начхать – мне на тебя, тебе на меня, но я такая, как я есть, а ты строишь из себя благородного рыцаря, а сам просто тряпка.

– Ты хочешь сказать, что нормальный, с твоей точки зрения, мужчина – эгоист, который думает только о себе? – удивился я.

– В этом мире, мальчик, каждый сам за себя, – сказала Карина уверенно. – Хочешь жить – хватай больше, беги быстрее, прячь подальше и не делись ни с кем!

– А как же твои миллионы подписчиков? – спросил я. – Как же те, кто всем миром собирал деньги на твоё лечение от несуществующего рака? Те, кто готов был отказаться от сети ради тебя, те, благодаря которым ты получишь свои акции?

Кариша рассмеялась:

– Без лоха и жизнь плоха! Милый, от ощущения того, что я развела такую тучу хомячков, я кончаю так, как ни с кем не кончала, ни с тобой, ни с Васькой, ни даже в групповухе! Это не просто бабло, это власть! Миллионы дурачков, послушно выполнившие команду «фас», тысячи, отдавшие мне свои кровно заработанные деньжата! Это кайф, круче, чем наркота!

– Эх, – сказал я, вставая. – Все ясно. А я хотел сделать тебя счастливой. Я так о тебе заботился...

– А ты – самый толстый хомяк и самый надутый лох из всех! – жестко заявила она. – Заботился он, только и того, что трахал иногда... должна заметить, это ты умеешь, ну да должно же Иришке хоть что-то перепасть. Ты ее, бедную, приголубь – вы два сапога пара. Ее я обула на папашкино наследство, а тебя – на твою сеточку с дрессированными хомячками. У тебя курева нет?

– Тебе ж нельзя, – машинально сказал я, доставая пачку.

– Во дурак... – протянула Карина, – нету у меня никакого рака, нет и никогда не было. И, надеюсь, не будет. Нахомутал твой В. Видишь, я и это знаю...

Она ловко выудила у меня сигарету из пачки. Я дал ей прикурить. Мне стало даже жаль ее – все, что она говорила, бэкапилось в нескольких местах, и первые пакеты уже уходили в Сеть по программе рассылки для всех пользователей.

– А так, ты редкая зануда, – ответила она, пыхтя сигаретой в сторону камеры. – Свозил он меня в Париж, называется. Потаскал по музейчикам да церквухам-развалюхам. В Париже есть столько приятных мест! Дискотеки, ночные бары, где можно закинуться, пыхнуть шмали, поднять мальчика, или двух, или девочку, или черного – что душа пожелает! Ты мне только краешек показал, когда мы ходили в «Мулен Руж». Блин, даже в казино не сводил, хотя у тебя тех денег столько – в день по лимону проигрывай – с тебя не убудет... ну, ничего. Были деньги ваши, будут наши, а я знаю, куда их пристроить.

– А если я передумаю? – спросил я.

– Передумывай, – пожала плечами она. – Пока ты кому-то что-то докажешь, разбегутся твои лемминги сетевые, чмошники прыщавые, и останешься ты на бобах. Хорошо, если вообще не пристукнут, я слыхала, с тобой братки какие-то в доле. Так что лучше не рыпайся, не то шкурку попортить могут, и хорошо, если просто отправят играть в водолаза с Пейзажного моста. У этих ребят фантазия – мама не горюй.

– Это точно, – сказал я, отвернувшись. – Ладно, не переживай – я свое слово держу. Может, я и лох, конечно, но верю, что правда победит.

– Толку тебе с твоей правды, – сказала она вслед; она даже сподобилась встать и выйти, чтобы меня провести, и стояла теперь в прихожей. – Все равно твои «пользователи», фрики узколобые, мне верят. Так что...

– Да, да. – Я вышел на площадку и вызвал лифт, но дверь держал открытой. – Очень хорошо, что они тебе верят. Скоро, уже очень скоро, все твои мечты сбудутся – и кьянти, и мясо с кровью, и страстный секс с имбецилом Васей.

– Вот именно, – машинально кивнула она. – Все у меня бу... Эй, погоди...

Но я и не думал годить. Пока у нее срабатывал логический механизм, лифт уносил меня вниз, и вскоре я уже оказался на улице, а затем и в «Ладе». Едва я сел на переднее сиденье, Артем Викторович рванул машину с места.

– Отправили? – спросил я, хватая планшетник и убеждаясь еще до того, как Артем Викторович кивнул – отправил, ушло. И Сеть уже отреагировала.

Сеть замерла. Все смотрели видео. Пока, правда, только в рунете и ближнем зарубежье – программа, выставляющая субтитры, только успела закончить перевод на английский. Программа, кстати, тоже была моя и тоже обещала быть коммерчески успешной.

Но это уже было не важно.

Эпилог

Ветра любви

У царя Соломона было его знаменитое кольцо с гравировкой. «Все проходит, и это тоже пройдет, но ничего не исчезает бесследно». Мудрая мысль и, кажется, очень простая – но даже сам Соломон, имя которого стало нарицательным для мудрецов, вынужден был выгравировать эту фразу на своем перстне – чтобы помнить об этом.

Когда нам плохо, нам кажется, что беда не пройдет никогда. Что больше никогда не будет все хорошо. Но это не так. Какой темной ни была бы ночь, за ней приходит рассвет. Сколь длинной и суровой ни стояла бы зима, она неизбежно сменяется весной. Когда пригревает майское солнышко, мы не вспоминаем о январской стуже.

Такова жизнь.

Порой простые мысли кажутся нам скучными, но именно простые мысли – самые правильные. Если есть тело, должен быть дух, если существует тьма, должен быть свет. Если есть зло – значит, существует добро. И если есть потери и поражения – значит, победа как минимум возможна.

И, возвращаясь к простым, но правильным мыслям: не рой другому яму, чтобы самому в ней не оказаться. Не поднимай меча – можешь и сам на меч напороться. Казалось бы, так просто – жить и заниматься своим делом, никому не мешая. Но всегда найдутся те, кому уж очень хочется приподняться за чужой счет. Не важно как. Можно просто обругать кого-то более значимого в Сети, зная, что через монитор не ударят и по айпи не вычислят. А можно попытаться «отжать» чужое, воспользовавшись чьим-то доверием. Объявить себя известным целителем, финансовым гением, наследником короны Венесуэлы или волонтером, собирающим средства для голодающих в Родезии.

Но у Высших сил – Бога, Судьбы, Мироздания, не важно – потрясающее чувство юмора. Мы считаем себя созданными по образу и подобию Божьему, но почему-то предполагаем, что Бог всегда серьезен. Если бы это было так, то на земле не появились бы коалы, панды и собаки-улыбаки.

А если серьезно, чувство юмора у Вселенной действительно своеобразное, и одной его чертой является то, что каждый получает то, что

хотел. Но не всегда так, как предполагал.

Больше всего повезло, если можно так выразиться, Василию Владимировичу. После того как мы с Ирой отказались подавать в суд на нечестивую троицу по обвинению в мошенничестве, за него принялся В., подключив к этому и своего коллегу Б., и некоторых других известных онкологов. Деятельность главврача «Гекаты» была подвергнута такому пристальному анализу, что ФСБ бы позавидовало. Выявленные нарушения рассмотрела Дисциплинарная Комиссия Академии наук (недавно объединенной с АМН, так что теперь она занималась и вопросами медицинской науки в том числе). На моей памяти это был второй случай, когда человека лишали не только всех его регалий, но даже диплома о высшем образовании. А если учесть, что в ходе этих разбирательств «Геката» благополучно вылетела в трубу (кто пойдет в клинику, возглавляемую главврачом-шарлатаном?), бывший Каринин любовник оказался банкротом с неопределенным будущим.

Он запил, причем довольно быстро скатившись от виски к самому низкому сорту самого паршивого в мире напитка, водке. На работу в медучреждения его не брали даже санитаром, другой квалификации у него не имелось, и какое-то время он даже работал грузчиком в «Перекрестке» неподалеку от бывшей «Гекаты». Но, как я уже сказал, ему повезло. Наверно, некоторым людям, чтобы стать человеком, нужно опуститься на самое дно, недаром же существует притча о блудном сыне...

Ровно через год после памятных событий у этого «Перекрестка» упал и сломал ногу пожилой мужчина. Скорняков оказал ему первую помощь и на руках донес до ближайшей поликлиники. Старичок оказался бывшим настоятелем известного храма, ныне вышедшим за штат. Не знаю тонкостей этой истории, но знаю, что сейчас доктор Скорняков служит врачом в одном из московских хосписов. Пить, кстати, бросил, говорят, даже женился.

И я своими ушами слышал, как его хвалили. Говорили, что он очень отзывчивый и чуткий, а уж какой умный! И болячки лечит, от которых в районной поликлинике открещивались. Вот только грустный очень.

Другим участникам повезло меньше.

Ксюшеньку в Сети подвергли настоящему преследованию. Пока она гадила по мелочи, ничего ей не было, но когда ее имя стало, что называется, на слуху – тут-то и выяснилось, что насолить она успела многим. А пользователи «Мы» уже имели опыт совместных действий. Ксюшеньку ославили по всей России. Все бы ничего, но отец Ксюшеньки оказался известным чиновником. Он попытался вступить за дочь, наказав

самых активных ее «обидчиков».

О, он не первый, кто не оценил «хомячков». Кстати, слова Карины удивительным образом сплотили пользователей «Мы» настолько, что они организовали огромное, полуторамиллионное сообщество «Мы – боевые хомячки». И этих «хомяков» лучше было не задевать.

Видимо, яблочко от яблони совсем недалеко падает – у Ксюшиного папочки рыльце оказалось в таком пушку, просто ховайся. А поскольку «хомячки» ко всем попыткам наездов в свой адрес относились очень ревностно, они нарыли на него столько, что онный папочка загремел за решетку уже через три месяца, причем сразу за несколько веселых и неопасных деяний, вроде передачи здания, отведенного под дом творчества общества глухонемых, бильярдному клубу, да еще и за немаленькую взятку. По совокупности ему дали восемь с конфискацией, но рассмотрели еще далеко не все его фокусы, так что срок, возможно, потом еще и подрастет.

Но Ксюша так и не узнала о приговоре, вынесенном ее папе, – в ноябре, за несколько дней до годовщины публикации ролика, она выехала в нетрезвом виде на летней резине на скользкую от гололеда дорогу. Сами понимаете, чем это могло закончиться. Скажу одно – на ее несчастье, она выжила.

Сейчас ее состояние врачи оценивают как «стабильно тяжелое», попросту говоря, она в коме. Возможно, так для нее даже лучше – неизвестно, как она бы отнеслась к тем травмам, что получила, – ей пришлось отнять ногу до колена и кисть руки. Да и лицо у нее сильно обгорело, поскольку машина после аварии вспыхнула как свеча.

Признаюсь честно: я, наверно, не очень хороший человек, но, узнав о трагедии Ксюшеньки, я не очень огорчился. В отличие от Ирины, за что получил от нее упреки в бесчувственности и отсутствии сострадания. Так что мне пришлось пообещать жене, что, когда наша обидчица выйдет из комы, мы ей поможем с протезированием. Что поделаешь? У нее ведь нет своего Сергея Аникеева, который бы боролся за свою жизнь и здоровье... на самом деле люди, делающие подлости другим, чаще всего просто несчастны и одиноки, но кого-то несчастья и одиночество делают добрее, кого-то, наоборот, ожесточают. Все это похоже на какой-то грандиозный экзамен на звание Человека. Подчас этот экзамен кажется излишне суровым, но хирург, проводящий ампутацию, тоже может показаться чересчур жестоким, если ты не понимаешь, что, как и почему он делает. Если не удалить опухоль своевременно, она пустит метастазы по всему организму. Если потакать человеческой подлости, можно вырастить законченного подонка.

И все-таки я понимаю свою жену – чужие страдания, пусть даже вполне заслуженные, не могут вызывать радость. Особенно у того, кто страдал сам. Чужая боль отдается болью в твоих собственных шрамах, и о победах и радостях думать и вспоминать намного приятнее.

Например, о том, что В. номинировали на Нобелевскую премию (без какой-либо связи с нашей историей). Премию ему, конечно, не дали; как едко заметил сам В. – у них своих ученых хватает. Конечно, выявление связи предрасположенности к онкозаболеваниям с определенными участками генома не так важно, как борьба с аллергией на СЛС... с другой стороны, от анафилактического шока люди тоже умирают, и умереть от шампунки, наверно, не менее обидно, чем от опухоли. Хотя, как по мне, не все аллергии вредны, есть и полезные. Например, моя.

Зато после всех этих перипетий на онкоцентр В., словно из рога изобилия, полились гранты и инвестиции, плюс В. заключил партнерский договор с клиникой Б., и они обмениваются научной информацией, что тоже хорошо.

«Мы» живет, здравствует и растет, и я остаюсь на мостике этого корабля и, смею надеяться, крепко держу штурвал. «Боевые хомячки» предлагали мне стать их атаманом, но я отказался, сказав ребятам, что атаман им не нужен. Сами с усами, сами разберутся, кто есть ху. Пока вроде разбираются, и неплохо.

«БИК лимитед» по-прежнему мой компаньон, а с Артемом Викторовичем мы даже не так давно стали родственниками. Кумовьями. Да, хватит ходить вокруг да около – Ирина теперь моя жена, а три месяца тому назад у нас родилась двойня, две девочки-близняшки. Похожи как две капли воды, только волосы разные – у Иры русые, а у Веры – рыжие. Так что я счастливый, хоть и несколько замотавшийся отец, но...

Кому-то для того, чтобы быть счастливым, нужна беззаботная, легкая жизнь, наполненная праздниками, дискотеками, ночными клубами... а кому-то для счастья нужно совсем другое: знать, что кто-то нуждается в тебе, надеется на тебя и безгранично тебе доверяет.

А когда таких людей трое – счастье тоже утраивается. Хотя Ирочка уже начинает потихоньку говорить, что мужчине для полного счастья нужен сын. Что ж, поживем – увидим. Во всяком случае, я не против. Можно сказать, даже за.

Самое забавное, что Ира, страшно смущаясь, призналась мне, что всю

жизнь была влюблена в одного человека, в незнакомца, который когда-то ее спас. Она думала, что расстроит меня своим откровением, но в этот момент что-то щелкнуло у меня в голове, и я рассказал ей, вернее, начал рассказывать, свою историю. Ту самую, что произошла на Белорусском вокзале так давно, кажется, целую вечность назад. Ирина смотрела на меня сначала с недоверием, а потом...

А потом призналась, что в том клатчике были и загранпаспорт, и виза, и все имевшиеся у нее наличные деньги. Оказывается, чудеса случаются. Даже там, где их меньше всего ожидаешь. И тому, что в Калифорнии у отеля я видел тоже ее, я ничуть не удивился.

Квартиру свою я продал и переехал в Троицк. Вроде и в черте города, а одновременно на природе. Вроде в коттеджном городке – а все блага цивилизации под боком. А еще мы завели себе собаку. Точнее, просто подобрали на заправке на Калужском шоссе неуклюжего вислоухого щенка. Черт его знает, что это за порода, но он вырос размером с дога и, кажется, еще продолжает расти. По-моему, это помесь кавказской овчарки с бурым медведем. Но характер у него не соответствует внешности – добрый и веселый, словно он так и остался доверчивым щенком.

Но в жизни часто бывает так, что внешность не соответствует внутреннему содержанию. И даже зеркальное отражение порой совсем не идентично тому, кто смотрится в это зеркало...

* * *

С каждым из нас в жизни случаются разные события – хорошие и плохие. И то, и другое следует встречать «с открытым забралом», лицом к лицу. Глупо бегать от неприятностей и пытаться спрятаться от них. Неприятности – тоже часть нашей жизни, и в конечном итоге тоже идут нам на пользу.

Как бы ни было мне неприятно, но я должен сказать еще об одном человеке. О человеке, которого я когда-то очень сильно любил, а потом, несмотря на то что она совершила, то, как относилась ко мне и Ирине, так и не научился ненавидеть.

О человеке, которого мне искренне жаль.

Говорят, каждый из нас сам кузнец своего счастья, но по отношению к несчастьям это тоже справедливо. А если ты привык катиться по жизни куда глаза глядят, нет ничего удивительного в том, что однажды ты покатишься под горку.

И если убегаешь от проблем, избегаешь ответственности – не удивляйся, что все это на тебя навалится.

Карина щедро расходовала средства. И из тех фондов, которые собрали на ее лечение, и многочисленные гонорары и авансы, полученные ею за статьи, книги, фильмы. И если вернуть первые не представлялось возможным (хотя я и предложил тем, кто жертвовал в фонды, обращаться с претензиями ко мне, но никто так и не обратился), то с авансами дело обстояло иначе – существовали подписанные договора и ведомости. Их можно было предъявить в суде.

Деньги пришлось возвращать. Но у Карины их не имелось. Самое интересное, что некоторые из тех, кто предлагал Карине аванс за книгу или фильм, были согласны простить ей эти суммы, но при условии, что ее история станет основой для книги или фильма уже с другим сюжетом – об авантюре от первого лица. Но Карина с негодованием отвергала подобные предложения. Тогда с нее стали требовать вернуть деньги. В конце концов, она оказалась буквально без гроша за душой, хотя я и помогал ей, покрыв часть ее долгов. Кстати, ко мне тоже обращались с предложениями написать книгу или снять фильм об «афере десятилетия». Но я эти предложения отверг.

В конце концов, Карина просто сбежала, исчезла из нашего поля зрения. Сказать честно, я об этом не особо жалел – говорят, с глаз долой – из сердца вон. Мне, наверно, нужно было, чтобы она вот так вот покинула мою жизнь – сама и в неизвестном направлении.

А потом Ира сказала, что носит ребенка. А потом выяснилось, что детей двое. Беременность проходила сложно, Ира долго лежала на сохранении. На фоне этого родила она поразительно легко.

Понятное дело, я старался все время быть с ней рядом. Благо над нами в этот период взял шефство В. собственной персоной, а это дорогого стоит. Но даже такое покровительство не исключает беспокойства. Ну, а после родов начались другие – нет, не проблемы, конечно, заботы. Но заботы порой даже важнее проблем.

Все эти переживания оттеснили воспоминания о Карине куда-то далеко на задворки подсознания. Но Соломон прекрасно знал, что писал на своем кольце. «Ничто не уходит бесследно...»

* * *

Иногда я просто перечитываю то, что написано, кажется, целую жизнь

назад. Целую жизнь... а еще и трех лет не прошло. А порой я хочу удалить все это к чертовой бабушке, но что-то меня все время останавливает. Словно я собираюсь уничтожить часть своей личности. А если я это сделаю – останусь ли я прежним? И не изменится ли от этого вся моя жизнь? Наверно, именно поэтому я всякий раз останавливаюсь. А может быть, из-за последней записи.

НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ, ЛЮБИМЫЙ!

Карина Логинова

16 декабря

Боль становится невыносимой. Порой все, от диафрагмы до бедер, сводит и выкручивает так, что невозможно дышать. Дышать тоже больно, метастазы добрались и туда. Да что там, они, кажется, везде – очажки опухолей чувствуются в горле, под языком, в носовой пазухе, под веками...

Это рак. Та самая форма, которую я так успешно имитировала во время своего бенефиса. Я пропустила момент, когда его можно было остановить; в этот момент я бегала, пряталась от тех, кому должна деньги. И от тех, перед кем мне стыдно.

Но деньги вернуть можно, а доверие – никогда.

Я не могу больше терпеть. Сегодня я покончу с собой, чтобы все это прекратить. Но, прежде чем я сделаю этот шаг, я хочу обратиться к единственному человеку, который сумел затронуть мою душу.

Ты, такой сочувственный, понимающий, благородный, ты не понял, что произошло там, на твоей квартире!

Для того чтобы тебя очаровать, я многое переняла у моей сестры Иры. Я старалась копировать ее во всем, и у меня это пусть плохо, но получалось. Эту часть меня ты звал Золушкой, а настоящую меня – Снежной королевой.

Какое-то время я мирилась с этим. Я, дура, думала, что ты сможешь полюбить меня настоящую. Какая наивность! Ты всегда любил Золушку Иру, а меня, Снежную королеву, только терпел.

Но мне кажется, полюби ты меня по-настоящему, такой, какая я есть на самом деле, ты бы получил мою душу целиком и без остатка. Я стала бы твоей тенью, я любила бы тебя больше, чем выдуманный вами Бог. Больше, чем Ирина. Больше, чем вообще возможно. Я бы всю себя отдала тебе!

Но любить Золушку проще, чем Снежную королеву.

Тогда, в квартире, я хотела растоптать тебя, как ты растоптал меня. Но ты предвосхитил мой удар, и уничтоженной оказалась я. У меня не получилось даже уйти с гордо поднятой головой. Я уползла, как побитая собака.

Может быть, мне надо было измениться. Надо было не играть Золушку, а стать ею. Кто знает? Я боялась потерять свое я – и все равно лишилась и его, и всего остального.

Ты победил. Теперь ты доволен?

Прощай, и не сожалею обо мне. Пришла весна. Снежная королева растаяла.

Прощай.

Это письмо – моя единственная тайна. Его я никогда не покажу ни Ире, ни кому бы то ни было. Наверно, самое разумное было бы просто уничтожить его. Но я не могу.

Иногда, по ночам, я перечитываю его и думаю – что я сделал не так? И, когда становится совсем невмоготу, я заглядываю в спальню своих девочек, смотрю на их разноцветные головки, а затем возвращаюсь в постель к жене.

Ирина сонно обнимает меня, и мои кошмары отступают, но я знаю, что они иногда возвращаются.

Ничто не проходит бесследно.

notes

Примечания

1

Имеются в виду компании «Microsoft» и ЗМ.

Мод – сокращенно от «модификация», самодельный вариант компьютерной игры с иным сюжетом, героями, антуражем и т. д.

Обыгрывается название крупнейших производителей фототехники – Nikon и Canon.

ИРО – первоначальное публичное размещение части пакета акций на открытых торгах. В данном случае необходимо было для подтверждения стоимости компании и привлечения банковских кредитов, инвестиций и прочих сделок привлечения средств.

BIOS – системное программное обеспечение, лежащее в основе работы компьютера. Созвучно с греческим словом «Био», что означает «жизнь».

«Амбрела» – здесь: заброшенный, недостроенный больничный комплекс в Москве. Пользуется среди москвичей славой проклятого места. Назван так в честь корпорации «Амбрела» из фильма «Обитель зла».

Уютненький – сетевой дневник (*жарг.*).

КД – кремниевая долина.

«Большой пуритц» – важная шишка, уважаемый и/или богатый человек, авторитет (*одесск.*). Иногда употребляется с оттенком иронии.

Игра слов: «файервол» в переводе с английского – «огненная стена», программа для защиты компьютера от несанкционированного доступа. Согласно Священному Писанию, после изгнания людей из Эдема вход в него защищает херувим с огненным мечом.

Нелепые глаголы – старинное наименование матерных слов.

Гистерэктомия – удаление матки.

Гистеросальпингоэктомия – т. н. «большая гинекологическая резекция», удаление матки с трубами и яичниками.

«Красуха» – армейская станция радиоэлектронной борьбы.